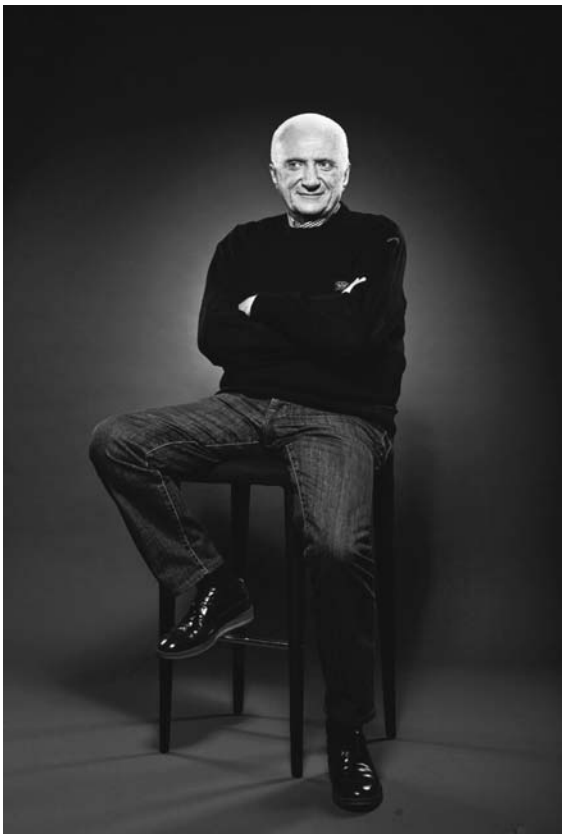

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ПОРОГ

АЛЕКСАНДР ПОТЁМКИН

ИГРОК

Повесть

Издание третье

Издательский Дом «Порог»
Москва
2017

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П 64

П 64 **Александр Потёмкин**
ИГРОК: повесть. Изд. 3-е. — М.: Издательский
Дом «ПоРог», 2017. — 288 с.

ISBN 978-5-902377-54-2

«Homo ludens» (человек играющий) — вот суть героя этой остросюжетной приключенческой повести, прирожденного авантюриста Юрия Алтынова, который играет не только с публикой, но стремится переиграть самого себя.

Другие книги Александра Потёмкина
вы можете найти в книжных магазинах,
заказать в ИД «ПоРог» по тел. 8 (495) 611-03-39
или на сайте www.idporog.ru

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Потёмкин, 2017
© И. Резников, оформление, 2017
© Т. Николаюк, внешнее оформление, 2017
© Издательский Дом «ПоРог», 2017

ISBN 978-5-902377-54-2

ИГРОК

Было пятнадцать тридцать пять. Через десять минут от перрона городского вокзала в этот теплый июньский день отъезжал скорый поезд номер девять «Ростов — Москва». Можно было бы лететь самолетом, но обостренное чувство любви к жанру потянуло Юрия Алтынова на железную дорогу. Достаток молодого человека позволял ему купить билет в двухместное купе, где можно было в одиночестве и спокойствии предаться размышлениям. А думать было о чем: переезд в столицу! Совершенно новую жизнь господин Алтынов ожидал найти в Москве. Этот удивительный город с тысячами соблазнительных возможностей будоражил его воображение. С детских лет уверенный в своей счастливой звезде, он имел много оснований полагать, что столица будет им покорена, что он станет первым номером в своем профессиональном мире. Самым богатым. Круче, чем Авен, мощнее, чем Березовский и Потанин! Впрочем, старая привычка вынудила Юрия Алтынова

взять одно место в купейном вагоне. Нет, не по скупости. Молодой человек верил расхожему в его кругу мнению, что среди простого народа можно чаще услышать полезную жизненную мудрость, чем в обществе богачей. Но было у него и нечто другое, тайное, в чем господин Алтынов даже сам себе боялся признаться. Он двадцать четыре часа в сутки, осязаемо и мысленно, держал в руках игральные кости и карты. Во сне и наяву молодой человек ласкал их, как другие — женское тело; он ощупывал их, как другие — бриллианты и слитки золота; он лелеял их, как другие — новорожденных детей; он облизывал их, как другие — сливочный или миндальный крем. Он любил читать умные книги — но при этом тасовал карты; он слушал музыку — но нащупывал тузы; посещал открытые платные лекции по квантовой механике — но, слушая теорию создания мира, крапал свой излюбленный инструмент. Игральные кости были для него словно четвертые фаланги пальцев, а карты молниеносно исчезали и появлялись на ладонях, словно ими управлял сам

дьявол. Юрий Алтынов тренировал движения рук и пальцев, как Григорович — ноги своих балерин. При желании из ста бросков он все сто выбрасывал на один-один, или три-три, или пять-четыре. Он командовал своими костяшками, как Ельцин — чиновниками, как крокодил — зубами, как Соткилава — голосом. Молодой человек смотрел на колоду карт, как верующий на Библию. Слово «масть» он не воспринимал и никогда его не использовал. Для него это было нечто совсем другое: когда на руки к нему попадала черва, он чувствовал себя словно в персиковом саду; от пики веяло на него волшебной таинственностью, с ее помощью господин Алтынов преображался в колдуна, повелителя страстей человеческих, проводника магии; трефа же будоражила его воображение, как банковские сейфы. Она помогала ему проникнуть в самую суть бытия. Философский настрой его мозга усиливался, как от прикосновения к печатному станку монетного двора. Молодой человек затачивал колоду, словно якутский алмаз в сорокагранный бриллиант, сажал карту

в карту, как архивариусы Исторического музея подбирают нумерованные письма под грифом «Совершенно секретно» в одну тематическую папку. Это был его мир. В этом пространстве он считал себя первым номером! Мастером! Чародеем! Господин Алтынов всегда ждал вызова на игру со стороны, а сам приучился никогда никого на нее не приглашать и не навязываться. Еще подростком он пообещал себе никогда не быть карточным задирой и по сей день относился к своей давнишней клятве весьма преданно. Но когда его зазывали, ангажировали всевозможными ухищрениями и отточенными домашними заготовками — тогда наступало его истинное наслаждение, его звездный час, эйфория. Он разделялся с забияками, как обвальщик мяса с тушей, как акула с мелкой рыбешкой, как Зевс — с простым смертным.

Поезд был именно тем местом, где часто можно встретить шулеров, картежных мошенников, ломщиков, фармазонов-кукольников, другой мелкий и крупный криминал. У Алтынова была великая страсть сразиться за

игральным столом с таким человеком. Он с особым чувством и усердием любил «щипать» их кошельки, трясти их плутовские души, в пух и прах разбивать их шельмовское искусство. Победы над такими игроками доставляли высшее блаженство молодому ростовчанину, становились самыми радостными эпизодами его жизни, его самовыражения. Он мастерски владел всеми играми, потому что, прежде всего, сумел полностью подчинить себе карты и игральные кости. Молодой человек еще ни разу в жизни не встречал равного себе ни в крап, ни в секу, ни в очко, ни в телеграф, липок, кинг, терц, буру, рамс, кругляк, клин, ферт, крендель, преферанс, абцуг.

Еще в отрочестве, на различных игровых площадках формировалась не только мускулатура юного тела господина Алтынова, но и дух, внутренний мир его по самым лучшим образцам профессоров азартного искусства. Он вбирал в себя все уродливые, все предательские, низменные формы и методы этой гнусной профессии коварства и обмана; но душа его не провалилась

в колодец тьмы, не погрузилась в глубокий мрак, а именно на закваске этой человеческой пакости отделила семена от плевел, раскрылась своим оригинальным цветением и вышла к юношескому возрасту без порочных привязанностей и гнусных планов.

Как и многие южнорусские дамы, проводница была в теле, с высокой грудью. Весь внешний вид роднил ее с типичными ростовчанками: вытянутая прическа и густо подведенные глаза, румяна на щеках, увесистые золотые сережки, напоминающие Эйфелеву башню; на груди — блестящий крестик на серебряной цепочке; алый маникюр и тонкий каблучок. К лацкану серенькой униформы была приколата табличка — «Любовь Погоня». Именно эта женщина средних лет встретила молодого человека при посадке. Госпожа Погоня, как того требует инструкция, пожелала сверить фамилию, указанную в билете, с паспортными данными пассажира. Проводница попыталась пошутить: «Такой скудный багаж... Не на свадьбу ли вы

собрались?» Господин Алтынов недовольно скривился: «В двадцать пять лет — под венец? Дайте пожить свободно, женщина!» — «Шестое купе, нижняя полка. Место двадцать первое. Вы счастливчик, Алтынов! В вашем купе едут две красивые молодые особы. На четвертое место пока никто не пришел».

Он несколько не огорчился, что в купе с ним едут молодые женщины, потому что любил их почти так же, как игровой азарт. С большой радостью молодой человек тут же принял новый облик: из наружного отделения небольшого дорожного чемоданчика он вытащил книгу Гиляровского «Москва и москвичи» и принялся ее читать.

Так он и вошел в купе, как бы не замечая ничего вокруг, и наощупь присел на край лежака. Читал он о Сухаревском рынке. Надо сказать, что чтение ему нравилось. Описываемые люди, события, атмосфера столичного рынка были хорошо известны молодому ростовчанину по городской толкучке. Он изучал ее с отрочества. Здесь он учился обыгрывать в карты и в иные

игры. Молодой человек действительно по уши погрузился в Гиляровского и почти забыл, что находится в купе поезда. Локомотив дернулся, и состав стал медленно отходить от перрона. В этот момент господин Алтынов оторвался от чтения и увидел перед собой двух хорошеньких молоденьких дам. Они полностью отвлекли его от книги. Ростовчанин стал исподволь разглядывать попутчиц. Напротив сидела барышня не старше двадцати лет. Узкое европейское лицо в редких мелких веснушках, совершенно не тронутое косметикой, с отточенными чертами, украшали изумительные серо-зеленые глаза миндалевидной формы. Густые жесткие светлые волосы обволакивали ее высокоую шею, как пушистые ветки — ствол ели. Открытая синяя трикотажная кофточка облегла упругую девичью грудь и выставляла напоказ едва тронутое загаром тело, а обтягивающие синие джинсы подчеркивали ровные линии прямых ног. На ней была летняя матерчатая, спортивного типа обувь. Он тут же про себя отметил: «Каблучков нет — значит, высокий рост». Рядом с ней си-

дела ее подруга. Молодая женщина, несколько старше первой, уставилась в окно, поэтому господину Алтынову был виден лишь ее профиль. Острый, немного вытянутый подбородок придавал ему волевой характер, а открытый высокий лоб, нос с легкой кокетливой горбинкой, длинные густые ресницы и впалые виски выдавали в ней сдержанность и упрямство. «Действительно, счастливчик, — усмехнулся про себя господин А. — Но очень уж они холёные, никак не местные. Азарт будоражит меня, необходимо развивать интригу знакомства».

В купе заглянула проводница: «Предъявите ваши билеты, пассажиры. Так. Алтынов, вы мне паспорт уже показывали. А вы, барышни? Так. Кто из вас Боярова? Так. А вы, значит, Дюкро? Так. Постельное белье будете брать? Так. Значит, три. С вас, Юрий, пятнадцать рублей. Так. А с вас, молодые дамы — тридцать. Ах, отлично». Любовь Погоня вышла из купе и закрыла за собой дверь.

Господин Алтынов опять уставился в книгу, но уже совершенно не вникал в ее смысл.

В его голове мелькали различные приемы скорейшего развития знакомства.

Вдруг в купе ворвался мужчина лет около шестидесяти, с дорожной сумкой через плечо. У него была резко выраженная морщинистость кожи, как при синдроме Шихана, удлиненные конечности и паучьи пальцы. Подагрические узелки на ушной раковине выдавали в нем человека, страдающего гломерулосклерозом. Мужчина непрерывно жевал, а в руке держал кусок колбасы и ломтик булки. Купе быстро наполнилось запахом хлеба, чеснока и мяса. Незнакомец пристально осмотрел лица пассажиров и категорично заявил: «Двадцать четвертое место мое!» Его ультимативный тон настолько покоробил господина Алтынова, что у него возникло неудержимое желание задираться. «Странно! Пару минут назад двое уже приходили с подобным заявлением, — с серьезным видом сказал он. — Они пошли к начальнику поезда выяснять, кто из них прав». Девушки переглянулись, но соседа не выдали. «Что же мне делать? А какие у вас места? Может быть,

вы тут все безбилетники?» — он говорил требовательно, будто все они были у него в услужении. «С нами все о'кей! А вы поторопитесь заявить начальнику поезда о своих правах на купейное место!» — «Проводница что, пустышка?» — «Она тут ни при чем. Решение принимает начальник. Ваши конкуренты давеча спорили здесь до хрипоты». — «В каком вагоне начальник поезда? Кто мне, наконец, об этом скажет?» — «В восьмом. Торопитесь!» — «Я останусь здесь и никуда не пойду!» — «Ха! Это ваши проблемы», — уже совершенно открыто хихикнул господин Алтынов. «Что, крутые мужики? — со злорадством спросил тот. — Небось, новые русские? Такие же убудки...» — «Один — захмелевший шкаф с повязкой в шипах вокруг здоровенного лба, другой — коротко постриженный, в спортивной форме, с гантелями на бедрах», — игнорируя его оскорбительный тон, поторопился вставить молодой человек. «Прямо жить не дает эта с...» — мужчина вышел из купе и в задумчивости встал у окна. Юрий Алтынов закрыл купе, встретился взглядом со своими спутницами, и все от души

рассмеялись. Он с трудом вытащил из заднего кармана туго набитый бумажник и вынул из него пачку денег. У него было сильное желание вовлечь молоденьких женщин в предстоящую интригу. «Как вы думаете, сколько заплатить проводнице и начальнику поезда, чтобы они отселили этого типа из нашего купе? Иначе мы пропахнем колбасой и умрем со страха от скрежета стальных челюстей. Да, кстати, как вас величать?» — «Юлия», — сказала барышня в синей кофточке и джинсах. «Эстер», — представилась вторая, сидящая у окна. «Я — Юрий Алтынов. Согласны ли вы переселить любителя дешевой колбасы в другое купе, в следующий вагон, в проходящий поезд? За двадцать долларов, думаю, я решу эту проблему». — «Я не против», — улыбаясь, сказала барышня Юлия. «Попытайтесь», — подбодрила его Эстер Дюкро. «О'кей, дорогие дамы! Пойду реализовывать наш план. Тип он скверный, ему явно с нами не по пути».

Молодой человек прошел в купе проводника. Любовь Погоня выслушала его план, то и дело причмокивая язычком, помяла, прощу-

пала в руках с навыками банковского кассира десятидолларовую ассигнацию и с явной хитрецой заглянула ему в глаза: «Зачем тебе это надо — деньгами сорить? Небось, за двумя сразу ухаживать станешь. Ну, ладно, давай еще для начальника десятку». Она освежила помадой очертания своих губ, подправила карандашом юркие глаза, старательно посадила свою объемистую грудь на как бы отведенное место и сказала: «Жди! Я пошла договариваться». — «Шепните, пожалуйста, в ресторане, чтобы зашли ко мне в купе. Хочу заказать королевскую еду». — «Не забудь, парень, о Любочке. Как многие русские женщины, она с удовольствием пьет игристый шампусик, закусывая его черным пористым шоколадом. Впрочем, у меня сегодня в двенадцатом вагоне одни богачи едут. Так что подарки еще впереди!» — «А как же с кавалером, Погоня?» — «Бог его знает! Может, еще по пути найдется. Хотя сердце подсказывает, что ожидает меня пустая ночь».

На обратном пути в голову ростовчанина пришел один сюжет. Господин Алтынов

решил представиться молодым женщинам врачом-хиругом. Очень доверительная профессия. С медицинской терминологией господин А. был знаком по энциклопедии, по книжке блестящего кардиохирурга профессора Лео Бокерии «Врожденные пороки левого желудочка сердца» и по труду известного кардиолога Анатолия Вишневого «Хирургия сердца». Следует подчеркнуть, что ростовчанин был человеком незаурядным. Если другие все свое свободное время таскались по проспекту Буденного или засиживались в бильярдной «У Семьи», то господин Алтынов частенько бывал в университетской библиотеке и иногда дни напролет читал самую разную литературу: от державного историка Николая Карамзина и царственного поэта Тютчева до очерков по римскому праву; от гения экономики Дона Патинкина до великого физика Нильса Бора. Поэтому он легко мог выдумывать себе профессии. Для того или другого персонажа, которого требовала режиссура азартной игры. В зависимости от сцены, ситуации, расклада линий судьбы и выгоды. Он

мог назвать себя сценаристом, потому что достаточно хорошо знал литературу; он без труда произвел бы впечатление винодела — увлекался энологией; мастера шахматной игры — был поклонником Чигорина; ученого, занимающегося проблемами абсолютного нуля, — зачитывался Гейзенбергером; балетмейстера — великолепно знал все балеты Юрия Григоровича. Короче говоря, молодой человек был талантлив и прозорлив не только в игорном деле; у него были феноменальные способности во всем, к чему он сам тянулся и проявлял интерес.

Пока господин Алтынов отсутствовал, в купе к юным дамам вошло некое трудно определяемое лицо. О чем они говорили между собой, никто не знал. Через несколько минут лицо вышло от красоток и закрылось в восьмом купе.

Молодой человек торопился к своим соседкам. «А, вы еще здесь? Шагайте к начальнику поезда. Говорят, он добрый малый. Наверняка найдет вам место! Что проку стоять

перед дверью». Господин А. протерся мимо толстого мужичка, ошарашенного историей с билетными двойниками, зашел в купе и запер дверь. Юные дамы, впрочем, не проявили к его приходу никакого особенного интереса. Дюкро невозмутимо смотрела в окно, а Юлия Боярова перелистывала «Мегаполис-экспресс». «Что произошло? Их как будто подменили», — удивился Юрий Алтынов.

Скорый поезд «Тихий Дон» «Ростов — Москва» набирал скорость и мчался на север. Впереди было двадцать три часа езды!

Господин Алтынов лихорадочно обдумывал сценарий вовлечения молоденьких дам в некую захватывающую интригу. Ему казалось странным и чрезвычайно загадочным: почему красотки молчали и не общались не только с ним, но и между собой. Вдруг в купе кто-то постучал и дверь открылась. На пороге появился молодой, провинциально одетый мужчина, в очках стиля сороковых и со стопкой книг. Он молча оставил их на лежаке рядом с Юрием

Алтыновым, вышел и закрыл за собой дверь. Не успел молодой ростовчанин рассмотреть названия и авторов, как в купе заиграла музыка — звонил мобильный телефон. Это был Моцарт, «Похищение из сераля». Свою трубку господин А. держал выключенной в пиджаке, висящем рядом на плечиках. Юная дама Эстер Дюкро вытащила из сумочки Nokia: «Привет! Все хорошо. Она рядом. Читаем. Привет. Пока». Господин А. про себя отметил ее какой-то столичный, не типичный для юга России говор. «Не желаете просмотреть книжки?» — попытался завязать разговор молодой человек. «Спасибо. Нас это не интересует», — сказала Дюкро. Юлия безразлично улыбнулась.

«Скорее всего этот торговец немой. Как вы считаете?» — продолжил Алтынов. «Бог его знает!» — оборвала его барышня, сидящая у окна. Всем своим видом красотки показывали господину А., что нет и не может быть никакой темы для общения. «Хм... Вы не знаете Алтынова, — усмехнулся про себя молодой ростовчанин. — Все равно я вас раскрою, милые

мои. Вы еще влюбитесь в меня по уши. Дайте время!» Он вытащил из бумажника двести рублей и положил их на стопку книг. Опять самые разные мысли, связанные с развитием предстоящей интриги знакомства, захватили его. Ему определенно казалось, он всем своим нутром чувствовал, что, когда в первый раз их с Юлей взгляды встретились, он успел прочесть в ее глазах какую-то заинтересованность, искру симпатии. И всего лишь через десять минут — такая радикальная перемена! Во всем этом проглядывало нечто таинственное.

Раздался стук, открылась дверь, и в купе вошла Погоня. «Слушай, красавчик, дай еще десятку зеленых. Я вам все устроила. Теперь вам никто мешать не будет. Целуйтесь, пейте, танцуйте! За сутки успеете познать все радости жизни». — «У нас таких планов нет. Что вы такое говорите?» — разгневалась Дюкро. «Теперь нет, опосля будут. Да у Юрки же полные карманы денег! Если он вам не по душе, я его быстро пристрою. Поезд набит до отказа, мест совершенно нет: кубанские и донские бабочки

направляются в столицу на заработки, коммерсанты, банкиры, преступники, милиция, торговцы, одинокие женщины — сегодня все смешались в наших вагонах. Страсти разгораются. Каждый желает устроиться покомфортнее. Думайте! А ты, Юрка, не робей. За полста долларов я тебе получше компанию найду». Она выхватила из рук молодого человека десять долларов и выскочила из купе.

«Прошу прощения, я ей таких поручений не давал. Я хирург-ординатор Института сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева. Занимаюсь проблемой врожденных пороков сердца. Ничего, кроме медицины и врачевания, меня не интересует. Седьмого июня я провел сложнейшую операцию на сердце шестнадцатилетней девочке. У нее была аортальная недостаточность. При этом пороке сердца происходит деформация створок клапана, которые не могут, не в состоянии полностью закрыть аортальное отверстие. Они пропускают кровь в левый желудочек не только из левого предсердия, но и из аорты. Таким образом, в левый желудочек

поступает больше крови, чем нужно по норме. Этот дополнительный объем крови загружает работой левый желудочек, он изнашивается и гипертрофируется. Сердце перестает работать. Девятого я прилетел к матери в Ростов и вот теперь возвращаюсь к месту работы. Праздничный день — Двенадцатого июня — решил потратить на дорогу до Москвы. У меня с дежурными врачами клиники мобильная связь. Девочке уже лучше. Если посмотреть на вас взглядом врача, можно многое рассказать о вашем здоровье. Разрешите начать?»

Господин Алтынов был доволен собой, он говорил как самый настоящий хирург-кардиолог. «Буду продолжать без их формального согласия. Они только делают вид, что мои слова их не интересуют. Но почему? Что за табу на ни к чему не обязывающий разговор соседей по купе, попутчиков в длинной дороге?» — «Если говорить об Эстер... Я просматриваю у нее первые признаки болезни Конна. Это очень редкое заболевание. Оно сопровождается мышечной слабостью или явлениями тетании и полиурии.

Чаще обычного могут отмечаться головные боли. Повышенная продукция альдостерона вызывает типичные биохимические изменения крови: гипокалиемию, алкалоз; дефицит калия ведет к изменениям сердечной мышцы, к миопатии поперечно-полосатой мускулатуры; проглядывается тенденция к гипернатриемии. Если бы передо мной был ваш анализ крови, сударыня, я смог бы рассказать более подробно, что необходимо предпринять, чтобы заглушить первые симптомы этого недуга». — «Я ничего не могу понять... Никакой болезни у меня нет. Вы нарочно все придумали», — обиженным тоном сказала молодая дама. «Клятва Гиппократова не позволяет мне шутить в таком вопросе, как человеческое здоровье. Вот у Бояровой совершенно другой предварительный диагноз...» В этот момент в купе постучали. Алтынов открыл дверь. Перед ним стоял немой разносчик. Он протянул длинные руки к своим книгам и мимикой выразил удивление: дескать, почему на них лежит 200 рублей. Господин А. жестами успокоил его и дал понять, что эти деньги он

может просто так взять себе. Немой торговец поблагодарил, забрал книги и удалился. Юрий Алтынов продолжил свое повествование: «У вас легкая форма *epheliedes* — избыточное отложение меланина в базальном слое эпидермиса и меланофоры в сосочковом слое кожи. Причина возникновения этого недуга еще не выявлена». — «Вы все точно определили. Очень странно, как это вам удалось? Никогда не думала, что есть врачи, определяющие болезни по внешним признакам, — вдруг оживилась барышня Юлия. — Надеюсь, вы мне подробно расскажите, что это такое — “*Epheliedes*”». — «Перестань, подруга, — заметила Дюкро. — Он злобно смеется над нами». — «Нет же! “*Epheliedes*” в переводе с латинского — это веснушки. Я вам непременно расскажу о них много всякой научной всячины. Кстати, я могу точно определить частоту вашего пульса на расстоянии. Я слышу его за несколько метров. Представьте себе, в метро, в ресторане, в поезде, в кинотеатре — в любом месте, где рядом со мной люди, я определяю их пульс и могу

тут же дать рекомендации и выписать рецепт, чтобы улучшить работу сердца». — «Прямо магия какая-то! Как вы можете слышать пульс в поезде, где все так грохочет?» — не выдержала Эстер Дюкро. «Могу предложить пари: если я определю частоту Юлиного пульса — вы принимаете мое приглашение пообедать вместе. Если нет — я буду лишен права есть до приезда в Москву». — «Пусть попробует?» — «Мы отсюда никуда не выйдем», — сказала сердитая юная дама, сидящая у окна. «Еду принесут к нам в купе», — поторопился вставить ростовчанин.

«Господи! Да скажите, какой у нее пульс. Но обедать ни там, ни здесь мы не будем». — «Согласен. Пожалуйста, минутку внимания. Молчим!» Господин Алтынов вытащил из заднего кармана брюк влажную салфетку, протер ею руки и сказал: «Пульс у вас — семьдесят шесть ударов в минуту. Вначале проверю я сам, потом пусть посмотрит Эстер». Он снял с себя золотые часы фирмы «Вашерон Константин» и положил их перед собой. Без малейшей застенчивости молодой человек взял Юлину

руку, нащупал на запястье пульс и закрыл глаза, подсчитывая удары юного сердца. «За пятнадцать секунд — восемнадцать ударов. В минуту — семьдесят шесть. Убедитесь теперь вы, Эстер!» — «Видимо, у всех семьдесят шесть ударов!»

«Ничего подобного. У вас, например, во семьдесят четыре!» — «Откуда вы знаете?» — «Я уже прислушался к вашему сердечку. Знаю, что ему нужно!» — «Вы опасный человек, господин Алтынов!» — «Я всего лишь врач. Пробуйте!»

Эстер вначале прослушала свой пульс. «Странно! Так и есть — восемьдесят четыре удара! Давай твою руку, подруга!» Пульс Юлии соответствовал подсчету Юрия Алтынова. «Какой у вас пульс?» — спросила Эстер. «У меня сейчас восемьдесят восемь!» — «Что еще вы можете?» — засверкала глазами Юлия. «Могу посылать сигналы на расстояние. Вот, например, по итогам игры я имею право поесть и угостить вас. Сейчас я пошлю свой сигнал директору ресторана, чтобы он прислал к нам

в купе официантку. Прошу прощения, минутку молчания... Есть, сообщение послано! У меня получается тысяча самых разных других загадочных вещей. Иногда у меня самого возникает ощущение, что я могу смотреть сквозь предметы, предугадывать будущее, гипнотизировать самого себя и окружающих. Разрешите поэкспериментировать?» — «Что вы с нами хотите сделать?» — рассмеялась Юлия. «Я могу, например, приказать вам вопреки вашему желанию пообедать со мной; остановить поезд; поменять маршрут движения, и мы прибудем завтра не в Москву, а, допустим, в Нижний Новгород или в Петербург. Я могу усыпить вас, подчинить себе вашу волю, устроить в купе танцы, а между вами затеять спор, кто будет иметь право на первый танец со мной!» — «Чушь! Вы что, колдун или псих?» — раздраженно сказала барышня по имени Эстер.

В этот момент в купе постучали. Дверь открылась, и на пороге молодые люди увидели официантку. «Вызывали?» — улыбнулась она. «Кто вызывал?» — с наигранным удивлением

спросил Юрий Алтынов. «Директор сказал, что-бы я шла в восьмой вагон, в шестое купе». — «Вы меня недавно в ресторане встречали?» — «Нет! Я вообще вас впервые вижу!» — «Расскажите, пожалуйста, как все произошло. Как директор дал вам указание обслужить нас?» — «Я разносила по столикам заказы. Директор сидел на своем месте и читал газету. Вдруг он мне говорит: “Пойди в восьмой, в шестое купе”. Вот и все...» — «Чем вы нас порадуете? Что у вас самое лучшее?» — «Мы предлагаем овощные салаты, индейку и вареный картофель. Есть чершня». — «А ягненок?» — «Обо всем, что не из меню, необходимо договариваться с директором». — «Что будем заказывать, милые дамы? Обещаю, что без гипноза». — «Мы есть не будем», — вспылила Эстер. «Чершню, наверно, можно», — сказала Боярова. «Принесите нам, пожалуйста, вазу чершни, салаты и индейку. Еще бы пару бутылок фанты и минералки с газом». — «Через двадцать минут я принесу вам чершню и воду, а потом уже горячее», — выходя из купе, сказала официантка.

«Вы все придумали, когда говорили о моем диагнозе?» — как бы между прочим спросила Дюкро. «Я же сказал, что я не имею права шутить, когда речь идет о здоровье людей...» В этот момент раздался стук в дверь. В купе просунулась голова мужчины средних лет: «Нет любителей сыграть в карты? Дорога длинная, скукота». — «Мы в карты не играем», — сухо сказала Эстер и уставилась в окно. «Можно легко научиться. “Дурачок” — простая игра, но очень увлекательная, — мужчина уже вошел в купе. — Я ваш сосед. Меня зовут Жора», — он протянул руку молодому человеку и присел рядом с ним. Это был мужчина лет сорока, с ожоговым шрамом по всей ширине левой височной кости. У него даже пол-уха было скомкано ожогом. Одет он был в льняную рубашку бежевого цвета, с плотно набитым нагрудным карманчиком, коричневые, цвета фундука, брюки и плетеные летние туфли. «Юрий». — «Сыграем?» — «Я увлечен общением с девушками», — сказал Алтынов. «Игра в карты только усилит азарт дискуссий», — оживился

Жора, предчувствуя, что поймал жертву. «Ой, не знаю! Как вы считаете, Юлия, карточная игра сможет придать нашему общению новый импульс?» — «Мы играть не будем», — твердо, пожалуй, даже резко повторила Дюкро. «Юрий, покажите ваши способности», — улыбнулась Юлия Боярова, глядя в глаза Алтынова. «Вдвоем неинтересно», — с легким недовольством сказал молодой человек. «А мы найдем третьего! Я поспрашиваю в соседних купе».

Утешительно думать, что ты сам никогда не будешь втянут артистами азартной лихорадки в игровое представление, где финальные сцены расписаны с такой же подробностью и выразительностью, как в режиссерских разработках выдающихся мастеров театра и кино. Но, чтобы организовать игровое представление в российском поезде дальнего следования, необходимо обладать режиссерским талантом Станиславского. Гениальные люди заняты нынче в этой творческой работе. Целые бригады артистов-шулеров можно встретить сегодня на просторах российских железных дорог.

«Вы советуете сыграть?» — обратился молодой ростовчанин к своим попутчицам. «Ваше дело!» — сказала барышня Э. «Мы будем за вас болеть», — Юлин голос звучал ободряюще. «Но у меня нет никаких способностей к игре в карты. Я проиграю все, чем владею. Хороший врач — плохой игрок! Впрочем, от судьбы не уйдешь». — «Попытайтесь выиграть», — улыбнулась Юлия.

«Люблю азартные игры», — веселым тоном сказала вошедшая в купе женщина лет тридцати пяти. Она села рядом с Бояровой и осмотрелась. За ней вошел Жора. «Теперь нас трое. Во что будем играть?» — «Речь шла о “дураке”», — сказал Алтынов. «Скучно! Совершенно нет экспрессии. Поищите в своем арсенале что-нибудь более динамичное», — сказала женщина. Теперь молодой человек мог ее рассмотреть. Первое, что его заинтересовало, были ее руки. Они никак не могли принадлежать модной кокетке, деловой женщине или матери семейства. Это были руки шулера: без маникюра, с короткими ногтями, узкие, подвижные, решительные, даже

мужские. Он был почти уверен, что дама была в парике. Многие мошенники используют парики в своей работе. Плотный слой макияжа делал ее лицо каким-то неестественным, похожим скорее на карнавальную маску. На ней был модный бирюзовый жакет. Желтый шелковый шарфик плотно закрывал ее грудь. Из брючного кармана выглядывал батистовый платочек. Сумочка, похожая на книгу, свисала с ее плеча. Но что-то в этой женщине было неумовимо странным. «Мистерия начинается!» — мелькнуло у господина А.

«Как вам “трианда”? Эта игра известна еще как “три листа”, “сэка” и “лял-ляби”? Быстро, напряженно, увлекательно», — приступил к делу Жора. «Я — за! — сказала играющая дама. — А вы?» — обратилась она к господину Алтынову. «С трудом припоминаю ее правила». — «Туз — одиннадцать очков, картинки — по десять, десятка как десять, девятка — как девять. Восьмерки, семерки, шестерки не играют. Можем договориться, что шестерка пик будет джокером. Например: если у вас на руках два

короля и шестерка пик, то играющие принимают такой расклад как три короля. Джокер может быть любой третьей мастью. Например: если у вас девятка и десятка бубей и джокер, то у вас тридцать очков. Джокер играет как бубновый туз, а туз — одиннадцать очков. Понятно объяснил?» — спросил Жора. «Разберусь». — «Какова минимальная ставка на кон?» — поинтересовалась дама. «А мы будем играть на деньги?» — удивился господин Алтынов. «Без денег совершенно неинтересно, — быстро вставила она. — Предлагаю: доллар — кон. Недорого, но сердито». — «О’кей!» — поторопился подтвердить Жора и стал тасовать карты.

«Вы, простите, не шулера?» — застенчиво спросил ростовчанин. «Я веду бизнес в Сочи. У меня в гостинице “Жемчужная” косметический салон. Тамару Златкис на побережье знают многие». — «Я — Георгий Ферапонтов, тренер по водным лыжам. Направляюсь в Тверь, на Волгу, на соревнования». — «Чудесно! Вот и познакомились. А я врач-хирург Московского института сердечно-сосудистой хирургии

имени Бакулева Юрий Алтынов. Эти молодые дамы в купе — мои попутчицы». — «Мы с ним ничего общего не имеем», — пожелала танцевать от молодого человека дама по фамилии Дюкро. «Раздавайте, Ферапонтов!» — потребовала Златкис.

Игра началась.

Господин А. осмотрел карты. Они были заточены на масть, но не очень качественно. «Профессионалы третьей руки, — подумал он. — В карманах у них по тысяче долларов, не больше. Какая-то странная женщина, эта хозяйка косметического салона».

По классическому шулерскому сценарию, чтобы разогреть жертву и ввести ее в азарт, они несколько конов по низким ставкам три-пять долларов на круг должны были дать выиграть Алтынову. Ему пришло два туза — это двадцать два очка. «У Златкис — двадцать одно», — подумал молодой человек. «Доллар на банк, и я открываюсь», — сказал Ферапонтов. У него было двадцать очков. «У меня больше! — радостно сообщила госпожа З. Она предьявила

трефовый туз с десяткой — двадцать одно очко. — Я выиграла». — «Минутку, — сказал Ферапонтов, — а какие чудеса на руках хирурга?» — «Он молчит, видимо, у него пусто», — сказала Златкис. «Что у вас?» — спросил господин Ф. «По-моему, все двадцать два очка», — Алтынов неуклюже предьявил два туза. «Счастливчик! Как лихо он меня обыграл». — «Да, говорят, кто первый кон выиграет, тот и разденет своих партнеров, — господин Ферапонтов старался быть убедительным, — и начало совсем неплохое — выиграл четыре доллара». — «Браво!» — улыбнулась Юлия.

Наконец господин А. получил полную колоду карт. Это были карты итальянской фирмы «Малакардо». Они были из нового материала — смеси пластмассы и бумаги. Карты были легкими и хорошо кропились. Он тасовал их осторожно, почти неумело, но при этом прощупывал и памятью рук старался запомнить каждую из них. Без всякой заготовки молодой человек раздал карты, как это делают начинающие картежники. На руках играющих оказалось

по двадцать очков. Первой открылась госпожа Златкис, поэтому право раздачи карт перешло к ней. Банк медленно начал расти — шесть долларов. Женщина тасовала карты профессионально, ее манипуляции были строгими и ровными. Молодой человек поймал ее движения и по колоде определил ее задумку: она приготовила ему тридцать очков, чтобы он поверил в свою судьбу картежного счастливицы; пару конов он должен был выиграть, чтобы потом спустить всю свою наличность и другие активы. Колода была готова к раздаче, и госпожа Златкис подала ее ростовчанину к срезке. Тут шулерский трюк был банальный: где бы ни срезалась колода, спрятанный мизинец фиксировал угол ломки, а молниеносное движение специально наработанного мускула от среднего пальца к кисти возвращало колоду на прежнее место. Чтобы не допустить заготовки, есть один простой способ: взять из рук раздающего колоду карт, срезать самому и вернуть отщепленный блок карт в главную колоду по своему усмотрению. У господина Алтынова была своя

заготовка, поэтому он поступил именно так. После его манипуляций все игроки получили по тридцать очков. Ростовчанин еще не открыл секрет тайной передачи информации между Златкис и Ферапонтовым, но был уже уверен, что каждый из них знает, что у них по тридцать очков. «Два доллара», — сказал господин Ф. «Три доллара», — продолжила дама в бирюзовом жакете. «Что-то в ней не то», — опять подумал про себя ростовчанин. Он приблизился к Юлии и показал ей свои карты: «Продолжать игру или пасовать?» — спросил он. «А сколько у вас очков?» — шепотом спросила она. Этот шепот, конечно, был услышан играющими. «Прошу прощения, мне нужна минутка», — сказал Алтынов. Он полез в свою сумку, достал из нее лист бумаги и ручку, вышел из купе. Через несколько минут он вернулся на свое место и протянул записку Юлии. Она улыбнулась и открыла листок: «Пожалуйста, не выдавайте меня. Я открыл в себе способность читать карты с тыльной стороны. Какая-то фантастика. Обратите внимание: у всех нас по тридцать очков.

У этой странной женщины — десятка, дама и король червей; у мужчины — девятка, валет, туз бубей; мои карты вы видели. Чтобы вы поверили в мою новую способность, я каждый кон буду писать вам карты своих соперников. Пожалуйста, верните мне записку. Ее не должна видеть Эстер и другие. Ваш Юрий».

Юлия рассмеялась: «Даю вам свои десять долларов, чтобы вы не боялись играть». — «В первый раз бывает», — учтиво сказал господин Ф. «Если проиграю, жаловаться некому», — выдавила гримасу госпожа З. «Доктор, ваше слово...» — «Вы сказали, три доллара... Моих четыре!» — «Пять!», — сказал господин Феррапонтов. Мадам З. как бы невзначай повернула кисть руки тыльной стороной вверх. Господин А. знал, что мелкие шулера используют этот прием для сигнального вопроса. Если партнер повторит это движение, то необходимо открыться; если он положит руку другой стороной — это означает, что торопиться не следует. Феррапонтов положил кисть на свою ногу тыльной стороной вниз — игра продолжается. «Они не знают

мои карты. Устрою я им потеху», — мелькнуло у ростовчанина. «Шесть долларов!» — вставила Златкис. «Вы не отказываетесь от своих слов дать мне десять долларов?» — обратился молодой человек к Юлии. «Нет!» — «Не дури, Юля!» — Эстер Дюкро все это явно не нравилось. «Ставлю семь!» — радостно выкрикнул Алтынов, а сам подумал: «Еще один круг — и я откроюсь, чтобы самому раздавать карты». — «Восемь долларов!» — господин Ф. согнул указательный палец крючком и быстрым движением как бы сбросил каплю пота со своего носа. Этот жест означал, что жертва разогнана и теперь ее уже можно нагружать. «Нетерпеливый, — подумал ростовчанин, — плохая школа». — «Десять моих», — бросила ассигнацию в банк очень странная госпожа З. «Мои пятнадцать, и я открылся, — сказал Юрий Алтынов и предъявил свои карты. — Валет, дама, король пик. У меня тридцать!»

«Ура! У меня тоже тридцать», — сказал господин Ф. Он показал свои карты — девятку, валет, туз бубей — и бросил пятнадцать долла-

ров в банк. «Моих тоже тридцать — девятка, дама, король червей. Кладу в банк пятнадцать зеленых», — госпожа Златкис странно искривила свое макияжное лицо. «Вы признаете мои невероятные способности?» — шепнул на ушко Юлии молодой человек. Она широко улыбнулась: «Я ваша болейщица». — «В банке чудеса, — сказал господин Ф. — девяносто шесть долларов! Теперь карты раздает доктор».

В купе постучали. Вошла официантка с черешней, фантой и водой. «Когда нести горячее?» — «Минут через тридцать—сорок», — сказал молодой человек. «Для меня ничего не приносите», — Эстер надула губы. «Голубушка, я заказ сделал. Ждем в назначенное время!» — Алтынов послал официантке воздушный поцелуй.

«Вы сказали, что я раздаю...» — не дождавшись ответа, ростовчанин взял колоду карт, сделал несколько неуклюжих, но точных движений, и колода была готова: по плану молодого человека каждый должен был получить по тридцати одному очку. Мадам З. срезала

колоду. Он не мог бы считать себя виртуозом, если бы перед глазами зрителей не манипулировал картами, как чародей. На кистях рук у него была развита структура мышц, дающая ему возможность крутить карту или целую колоду вокруг кисти на глазах у зрителей, а те и не ведали о его манипуляциях. Воистину, он был первым номером в Отечестве! Срезанный мадам З. карточный блок вернулся на свое место перед ее глазами и под пристальным взглядом Георгия Ферапонтова. В восторженном угаре от мастерски исполненного трюка господин А. буквально на мгновение прижался к Юлии, к ее упругой груди. Их глаза встретились, как шаровые молнии, и он прочел в ее взгляде искреннюю радость от предстоящей близости. Молодой человек раздал странной женщине десятку, валета и туза трефей, господину Ф. — даму, короля и туза пики, себе — валета, даму бубей и шестерку. Он опять вышел из купе, чтобы написать записку Юлии. Когда он вернулся, госпожа Златкис встретила его упреком: «Куда вы так часто выходите?»

«Прошу прощения за подробности деликатного свойства, но считаю необходимым ответить на ваш вопрос: у меня в результате бактериальной инфекции развился острый пиелонефрит, характеризующийся частыми мочеиспусканиями. Применяю курс лечения антибиотиками, через неделю все должно быть закончено. Но пока рН мочи показывает щелочную реакцию». Он опять показал Юлии записку: у женщины — десятка, валет, туз трефей; у господина Ф. — дама, король, туз пики. «Что вы там колдуете?» — спросил ростовчанина тренер по водным лыжам. «Любовные сонеты читаем», — Боярова и Алтынов рассмеялись. «Ваше слово», — обратился молодой человек к госпоже Златкис. «Мои двадцать!» — «А я пойду двадцать пять!» — Ферапонтов еще раз взглянул на свои карты. «Тридцать!» — молодой человек положил пятидесятидолларовую купюру в банк и взял двадцатку назад. Тут Алтынов заметил тайный разговор жестами своих противников. Дама три раза ударила себя согнутым локтем по правому боку, а указательным пальцем по-

перек карт. Это означало, что у нее на руках тридцать одно очко. Ферапонтов потер ухо. С языка шулеров это движение переводилось как «у меня те же очки». Он потер усы, этим самым спрашивая: «Какие карты у жертвы?» Косметолог Златкис ответила жестом: пальцами она два раза прошла по груди, словно что-то стряхивая. Это означало: «Не вижу его карт». Ферапонтов щелкнул пальцами, потом показал большой, указательный и средний пальцы. Это означало: «Играем три круга, потом я откроюсь, даже если жертва пожелает продолжать». «Тридцать пять!» — прищурившись, бросил господин Ф. «Иду дальше. Моих сорок долларов!» — «Юленька! Эстер! Угощайтесь черешней. Вы, — обратился господин А. к играющим, — тоже берите. Донская черешня очень полезна. Ее действие по разжижению крови можно сравнить с аспирином. Пять ягод — одна таблетка. Я объявляю пятьдесят долларов!» — «Круто», — выкрикнул господин Ф. «Моих пятьдесят пять!» — «Не уступлю! Шестьдесят!» — странная госпожа Златкис

как-то с подозрением посмотрела на Боярову. «Не откроюсь! Моих шестьдесят пять!» — энергично вставил ростовчанин. Многообещающая, неукротимая, всевластная страсть игрока стала заполнять все его сознание, все клетки тела. Он никогда не желал противиться этому великому чувству азарта, охлаждать игровой пыл, сдерживать эмоции и ломать главную привычку жизни. Господин Алтынов всегда отдавался магическому таинству игры целиком, как священник — литургии, как монах — молитве. «Семьдесят зеленых на бочку», — поторопился Ферапонтов. «Я ставлю семьдесят пять баксов», — госпожа Златкис бросила деньги в банк. «Восемьдесят долларов, и я открылся. У меня тридцать одно очко — валет, дама и джокер». — «Невероятно! Второй раз банк. Кто возьмет куш? Вот мои восемьдесят долларов. С вас, Георгий, тоже восемьдесят». Госпожа Златкис начинала нервничать. Они с партнером никак не могли навязать свой сценарий игры. «Вы плохо мешаете карты. Дайте я вам помогу, — предложила она. — В банке девятьсот пятьдесят шесть долларов. Это

целый капитал!» — «Пожалуйста!» — молодой человек протянул странной женщине колоду карт. «Ну, как я читаю чужие карты?» — шепнул он на ушко Бояровой. Она наградила его робкими аплодисментами и тоже на ухо ответила: «Действительно, фантастика». — «Сейчас я уже пойду на выигрыш. Скоро принесут горячее!»

Госпожа Златкис вложила себе три туза с его раздачи. «Чтобы у всех были хорошие карты, вы, доктор, после меня больше не мешайте». — «Согласен», — сказал молодой человек. Он готов был уже начать раздавать, как вдруг, словно бы что-то вспомнив, произнес: «Да, но Георгий может возразить — я обязан сделать срезку». Он тут же два раза срезал и стал раздавать. Когда Ферапонтов сказал: «Да я, собственно, не против», — карты уже были сданы.

Возбужденная троица приготовилась к игровому представлению, и сейчас в купе воцарилась богиня надежды. Ее пламя то поднималось вверх, воспаляя разум, то обжигало пятки игроков, навевая сладкие мысли о скорых деньгах. Ее энергию можно было сравнить с

сигналом GSM, когда находишься на границе зоны покрытия: голос ожидания чуда то звучал явственно, то бесследно пропал. Эти мгновения неведения — самые мучительные. Это и есть вершина азарта, свидетельство великой радости или горькой печали!

Он раздал госпоже З. два туза — трефовый и пик, чтобы легенда о трех тузах была жива; тренер получил лишь двадцать очков — бубновую даму и короля; себе же оставил два туза — червового и бубнового — и джокер. Он уткнулся в уголок второй полки, написал для Юлии карты соперников и сказал: «Вы разрешите мне выйти?.. пиелонефрит». Впрочем, он не стал дожидаться их согласия и быстро вышел из купе. Перед купе проводника он выбросил в форточку разорванные записи расклада карт и о чем-то поговорил с Погоней. Потом дал ей сто долларов и вернулся к себе. Тут его уже ждали. «Ход ваш, Георгий», — сказал молодой человек. «Я — пасую».

«Уже обменялись данными, — подумал господин А. — Юленька, за время моего отсут-

ствия ничего в купе странного не происходило? Никто не врывался, чтобы смешать, спутать карты?» — «Нет, ничего такого не было». — «Чудесно!» — «Я пошла, сто долларов», — сказала госпожа Златкис. «Я — сто двадцать», — молодой человек протер салфеткой вспотевшее лицо. «Моих сто пятьдесят!» — «Я — сто семьдесят». Напряжение нарастало. Молодой человек умело управлял собой: он вызвал обильное потовыделение, давая понять партнерам по игре, что чрезвычайно нервничает. «Кладу двести долларов», — кошелек женщины худел на глазах. «Ставлю триста», — сказал ростовчанин. «Вы блефуете! — бросила ему упрек госпожа З. — Мои триста двадцать!» — она положила в зеленую кучу купюры самого разного достоинства. «Четыреста!» — Алтынов выглядел настырным мальчишкой. «Не открываетесь?» — спросил его Фералонтов. Он повернул кисть тыльной стороной вверх, тайно предлагая партнерше открыть карты. «Четыреста десять, и я открылась... Здесь два туза!»

«У меня тоже два туза...» — «Что, опять банк?» — вскричал тренер по водным лыжам. «На сей раз нет! У меня два туза и джокер!» — «Не может быть!» — завопила госпожа Златкис.

Финал классической трагедии — убийство. Финал азартного представления — шулерский грабеж. То, что произошло в шестом купе двенадцатого вагона скорого поезда «Ростов — Москва», никак не укладывалось в драматургию заключительной сцены: не Сальери убивает Моцарта, а Моцарт убивает Сальери. Скандал! Оскорблен жанр! Изменены философия и рисунок предначертанного свыше текста. Драматург оплошал, опростоволосился! Артисты хотели было возразить неслыханному, беспардонному вмешательству незваного редактора, но полное изумление и возмущение лишило их дара речи. Они ретировались, чтобы позже взять реванш и расставить все по законным местам.

Сладостное ощущение превосходства над шулерами, виртуозность собственного мастерства гипнотизировали господина А. и юную даму в синей кофточке. Молодой человек стал

разгребать долларовую кучу. В банке оказалось три тысячи сто двадцать шесть долларов. Выигрыш ростовчанина составил одну тысячу восемьсот семьдесят один доллар США. «Десять процентов от суммы — ваши деньги», — протягивая Юлии Бояровой двести долларов, сказал молодой человек. Юлия не стала отказываться от денег, но и не притронулась к ним. Молодой человек положил две новенькие банкноты с изображением создателя громоотвода, американского ученого и политика Бенджамина Франклина на ее коленки.

Юлия Боярова находилась под сильнейшим впечатлением. «Какие замечательные у него глаза», — подумала она. Молодой человек словно гипнотизировал ее своей внешностью: высокий, худой, яркий шатен со смуглой загорелой кожей. Его вдохновенное лицо, огромные, сумасшедшие черные глаза, непрекращающееся движение рук и пальцев, его манера говорить, его мимика, его знания и его полная загадочность — все это вызывало у нее жгучий восторг. Сердце ее желало, требовало общения с Алты-

новым, ей хотелось выйти с ним в безлюдный коридор, чтобы, обнявшись, разглядывать простирившиеся донские поля, мощенные упругими колосьями пшеницы. Ей вдруг захотелось немедленно разорвать контракт, прервать свои обязательства по спецмиссии, чтобы свободно наслаждаться его обществом. Она уже всем телом чувствовала начало увлекательного путешествия в совершенно новый, неведомый, волнующий мир.

В этот момент в купе вошла официантка. Запах пряностей заполнил помещение.

«Как вам удавалось видеть чужие карты? Фантастика!» — Боярова была возбуждена. «Я никогда за собой этого не замечал. Да и в карты я играл давно, в отрочестве», — убедительно сказал молодой человек. «Ты не поняла, что господин Алтынов жульничал?» — спросила молодая особа, сидящая у окна. «Нет же, у него открылись потрясающие способности. Но я обещала эту его тайну никому не выдавать». — «У тебя секреты от меня?» — «Чужая тайна, Эстер». Юлии не хотелось смотреть на Дюкро.

«Есть будем?» — спросил ростовчанин.

«Нет!»

«Мы худеем, — шутливо сказала Юля, — а фанту я выпью».

«Юлия!»

«Эстер, отстань. Фанту можно!» — «У меня такое чувство, что вами кто-то командует», — Алтынов лукаво оглядел молоденьких дам. Они промолчали, как-то таинственно переглянувшись. Ростовчанин достал полиэтиленовый мешок и стал сбрасывать туда тарелки с ресторанной едой, вилки, ножи, ложки, салфетки, солонку — все, что было связано с чревоугодием. Лицо его при этом светилось неподдельной радостью. «Много театральности», — смущенно сказала Юля. «Вся жизнь — война. А война без театра невозможна».

Поезд дернулся, заскрежетали колесные пары. На плечи Юлии из матраца с верхней полки упали два птичьих перышка. «Вы счастливица! — подхватил перья молодой человек. — Вас ожидает большая удача. Это перья хохлатой цесарки — Numida pucherani. Густым пучком

перьев этой птицы римляне украшали свои шлемы. По преданию, перья цесарки оберегают жизнь человеческую и приносят богатство». Он смотрел на нее влюбленными глазами, желая пленить и покорить ее. У господина А. было достаточно храбрости, привлекательности и авантюризма, чтобы по первому своему желанию увлечь Юлию на любой, самый безрассудный поступок. Он опутывал ее своим колдовским неотразимым обаянием с каждой минутой все основательнее.

Поезд пошел медленнее. Впереди была станция «Лихая».

В купе заглянула Погоня. «Только о тебе подумал, как ты уже рядом. Принимай провиант! — господин Алтынов увлек проводницу за собой в коридор. — Когда будет красotka? За сто долларов можно пригласить мисс Мичуринск или мисс Миллерово. Она должна приставать ко мне при соседках самым откровенным образом. Она должна стонать и плакать, требуя моего внимания». — «Тебе нужна актриса или пугана?» — «Куртизанка с актерским мастер-

ством». — «На станции “Лихая” таких нет». — «Следующая остановка?» — «“Миллерово”. Через сто километров!» — «Организуешь?» — «Ах, добавь еще сто долларов!» — «Тебе я ни в чем не могу отказать. Пожалуйста, закрой меня в своем купе. Мне необходимо собраться с мыслями». — «Ах, опять что надумал?..»

Из зависти перед сильнейшими мира сего, способными менять русла рек и осуществляющими коренную виртуализацию мира нашего, господин Алтынов с повадками и преданностью человека играющего продолжил диалог с самим собой об изменении маршрута движения скорого поезда «Тихий Дон» «Ростов — Москва». Эта случайно возникшая в азартной голове идея полностью его захватила. Если у кого возникнет вопрос, почему молодому человеку надо было это организовывать, то ответ мог быть только один: ростовчанин считал себя сверхчеловеком, счастливецом и всемогущей личностью. Ему необходимо было доказывать это самому себе ежечасно, но тут была и другая интрига: Юлия Боярова. Для того чтобы пленить эту моло-

дую симпатичную особу, он готов был сделать что-то невероятное и сказочное. Лексика и тональность речи господина А. коренным образом изменились. Он стал требовательным, несколько раздраженным господином. Впрочем, эта была его очередная роль, с которой он виртуозно справлялся. Слова убеждения молодого человека теперь слагались из неотесанного гранитного камня. Ими можно было не только прокладывать дорогу к людским сердцам, но и ломать любые представления о рассудительности, маршруты движения любого транспорта и судеб человеческих.

«Я начну с центральной диспетчерской службы. Перед тем, как мы въедем в “Лиски” — это пятьсот пятьдесят седьмой километр в сторону Москвы, сразу после станции “Сагуны”, — я организую звонок по телефону и команду по внутренней модемной компьютерной связи следующего содержания: “В связи с техническими неполадками все поезда после станции “Лиски” в сторону Москвы направлять по маршруту “Поварово —

Пенза — Красный Угол — Арзамас — Нижний Новгород — Москва”. В Нижнем организовать паркинг подвижных составов. Приказ остается в силе до его отмены. Дежурный центрального диспетчерского пункта МПС полковник Н. Витютень»». Господин Алтынов включил свой мобильный телефон и сделал несколько звонков. «Я заплачу десять тысяч долларов за вход в компьютерную сеть МПС и еще десять за звонок из центральной диспетчерской службы с приказом об изменении маршрутов движения поездов, идущих на Москву. До Сулина мобильная связь работает. Потом включается на станции “Лихая”. Тридцать пять минут связи не будет. Сейчас семнадцать ноль пять. До восемнадцати тридцати телефон включен. Потом пауза. С девятнадцати двадцати пяти он будет работать до станции “Россошь”. Это двадцать два ноль пять. В “Лиски” мы прибываем в двадцать три двадцать пять. Ты должен успеть. Мы должны свернуть на “Поварово — Пенза — Арзамас — Нижний»». Молодой человек продиктовал своему собеседнику текст

приказа из МПС. Закончил господин Алтынов вопологола каким-то другим распоряжением и выключился.

«Ну, что скажешь, подруга? Что за тип этот Алтынов? Может, он и врач, но последний пройдоха. Мне такие болтуны не нравятся. А ты, я вижу, очарована им. Не забывай о нашем главном деле. Сейчас появится директор. Мне придется признаться ему, что ты увлечена нашим соседом». — «Не знаю, что и сказать. Поступай, как подсказывает совесть. Не желаю ни в чем признаваться. Все человеческое тебе чуждо, как запрограммированному роботу. Да, у нас есть инструкции. Мы должны доставить груз в Воронеж. На что только не согласишься во время материальной нужды! Но я не хочу становиться профи, вырабатывать в себе привычки и образ мыслей спецкурьера. Сделаться мнительной и подозрительной. Я согласилась на одну поездку. Через десять часов Воронеж! До свидания! Соглашусь ли я еще раз? Может быть. А вдруг нет? Скорее всего, нет!»

Раздался телефонный звонок. «Да! Вы слышали, что у нас в купе шла карточная игра?» — «Это даже неплохо, — сказала неизвестное лицо. — Как бы отвлекающий фрагмент. Я уверен, что шулера к вам вернутся. Ты дай им однозначно понять, что между вами и врачом нет никакой связи. Вы просто соседи по купе. Сторонитесь и никакого участия в игре не принимайте». — «Слушаюсь!» — «За хирургом я слежу. Странный субъект. Пока. Я всегда рядом».

В купе вернулся молодой человек.

«Скучали?»

«Да!» — улыбнулась Боярова.

«Я рассчитывался с официанткой. Да, кстати, куда вы едете?» — «Вам совсем не обязательно об этом знать!» — «Эстер! Господин Алтынов может пойти к проводнице и узнать о нашем маршруте». — «В Воронеж». — «Как в Воронеж?» — «В Воронеж! Что тут странного?» — удивилась Юлия. «Я-то думал, вы в Москву едете».

В купе постучали. На пороге показался нищий. От него смердило, остатки одежды

давно залоснились и обветшали от времени и непогоды, были рыжими от грязи. Лоб, впалые щеки, тонкое горло избородили глубокие морщины. Только большие, яркие голубые глаза выдавали в нем живого человека. Совершенно непонятен был его возраст — что-то между тридцатью и шестьюдесятью годами. Не говоря ни слова, он просил милостыню. Это было, пожалуй, его единственной заботой и последним смыслом общаться с миром. Вид этого замызганного горемыки вызвал у господина Алтынова внимание и жалость, у него запершило в горле. Молодой человек смотрел на него сочувственным взглядом, и вдруг в его голове мелькнула страшная мысль: «Если бы не мои фантастические руки и виртуальная голова, еще неизвестно, кем бы я сам стал!» Он открыл бумажник, плотно набитый купюрами: «Я дам вам триста долларов. Вы сможете привести себя в божеский вид?» — «Вздор! Зачем?» — сквозь желтые зубы произнес тот как-то даже лениво. «Вы не хотите вернуться в общество? Полюбить женщину? Поплескаться

в джакузи?» — «Нет!» — на его лице появилась угрюмая ироническая гримаса. «Но почему?» — «Наивное восхищение внешним бытом. Я в нищенстве открыл тайну жизни. Нашел сам себя. В этой жизни так спокойнее. Никогда не встает этот мучительный для вас вопрос о справедливости. А человека тянет доказывать». — «А вы человек?» — «Нет!» — «А кто?» — «Я существо. Часть природы». — «Но человек — это тоже часть природы». — «Вздор! Природа вызывает у человека зависть, вечное желание ее победить, подчинить своему неумному честолюбию». — «А вы?» — «Я слился с ней. Без желаний и планов, без проектов и требований. Нищенство — среда моего счастливого обитания». — «Сколько денег вам дать?» — «Мелочь, в которой вы не нуждаетесь». — «Сто долларов?» — «Я не возьму их. Меня обыщут и убьют». — «Сколько?» — «Ничего не надо. Я пойду...» — «Возьмите сто рублей». — «Вздор! Нет». — «Возьмите десятку. Это меньше, чем полдоллара». — «Спасибо», — нищий опустил веки, поклонился и закрыл за собой дверь.

Господин Алтынов хотел было начать свои рассуждения, касаясь последнего эпизода, но слова «жалкий человек» застряли в его устах. «У человека наших дней нет определенного лица. Как погода, как чувства и страсти людские изменчивы, как политики за день говорят прямо противоположные вещи — так и российский человек остается рыхлым, зыбким. В нем не хватает цельности. Это собрание персонажей с самыми разными цветовыми оттенками души. Преобладают мрачные тона. Поэтому наша жизнь такая непостоянная в своих парадоксальных противоположностях. С крестом на груди и Богом в душе мы постоянно держим наши сердца открытыми для дьявольщины. А вот в нищем, посетившим нас, было что-то законченное, постоянное. В его необыкновенно ярких глазах прочитывалась какая-то вечная линия жизненной мудрости. При совершенно грязном теле, похожем на мусорную кучу, мне представилась чистейшая душа, родственная божественной музыке Баха. Согласен, такой стиль жизни для нас неприемлем, кажется жутким,

но по своей философской концепции он строен. Этот нищий вызвал у меня глубокие симпатии. Я уже очень жалею, что не остановил его, чтобы послушать речь этого бедолаги, понять ход его мыслей, познакомиться с его мудростью. Между первым ощущением брезгливости от его внешнего вида и глубоким уважением к его внутреннему хрупкому, пламенному и драгоценному миру прошло всего одно мгновение, а какую пропасть оно обозначило! Вид этого заброшенного существа вначале потряс меня своей изменностью, а потом глубоко ранил своим величием. Может быть, он и был истинно Божьим человеком, которого я никак не могу встретить на просторах Отечества?!»

Юлия Боярова наградила молодого человека влюбленным взглядом.

В купе постучали. На пороге появился Ферапонтов. С ним были еще трое: полная, средних лет дама в какой-то театральной одежде, похожей на цветастое платье цыганки; однорукий коротыш в черной рубашке, белом из искусственной ткани костюме и алым пла-

точком вокруг шеи, с высокомерным взглядом и приподнятой с правой стороны губой. Третьим был стройный, элегантный мужчина в голубой сорочке с экзотическим галстуком, по которому бегали и плясали обитатели джунглей. «Что-то в нем есть знакомое», — подумал о последнем господин Алтынов.

«Как пообедали?» — спросил господин Ф.

«Прекрасно!» — молодой человек возбужденно прокручивал в голове все варианты дальнейшего развития праздника азарта, ожидания радости и горечи утраченных иллюзий. «Готовы к бою?» — «Вас так много! Будете предлагать спортивное состязание или “Поле чудес” а ля скорый поезд?» — «Я проиграл первый тур. Согласно законам всех играющих людей, за мной сохраняется право требовать продолжения матча. Но вначале хочу представить вам наших соседей: Варвара Петровна — кажется, она бухгалтер; Коммунар Ильич, инвалид второй группы, участник боев за грузинский город Гагры, и господин Бурмистров, владелец яхт-клуба из Новороссийска. А это, — указал

он на молодого человека, — господин Алтынов, хирург из Москвы». — «Привет вам, дамы и господа!» — молодой человек улыбался, а сам мучительно пытался вспомнить, откуда он мог знать этого владельца яхт-клуба.

«Хочу предложить на выбор: нарды персидские, кости по-грузински, сочинские верфеля и турецкий боз-баш», — Ферাপонтов старался говорить ласково. «Хм. Игра — один на один или два на два?» — «Все игры — один против одного». — «Но вы все против меня!» — «Один из нас...» — «Покажите персидские нарды. Хм. Припоминаю суть игры. Кто из вас освежит мою память?» — «Персидские, или короткие, нарды. По пятнадцать фишек. Необходимо завести их на свое поле и только потом выйти из него. Кто раньше выйдет, тот выигрывает», — пояснила низким сдавленным голосом Варвара Петровна. «А что такое сочинские верфеля?» — спросил господин А. «Играете, понимаете, не прямо на пол, а чэрэс стэнку. Кто старшэ бросит, тот вииграл. Напримэр, я бросил пят-чэтырэ, а ви пят-пят. Ви вииграли», — ска-

зал инвалид с грузинским акцентом. Его высокомерный взгляд и постоянно приподнятая губа начинали докучать господину Алтынову. «Очень просто и быстро». — «Да! Ми же в поезде, а?» — «Какой совет даешь, Боярова? Во что играть?» — «Вы нас не спрашивайте. Он к нам никакого отношения не имеет», — быстро вставила барышня Эстер. «Пусть предложит противник». — «Правильно, дочка. Но ми не противники, ми друзья». — «Играем в персидские нарды?» — «Принимается. Покажите, пожалуйста, кости. Мне говорили, что иногда в поездах играют с магнитом. В костях и на доске встраивают магнит. Можно бросать по желанию, не промахнешься», — простодушно улыбнулся молодой человек.

«Нэт, слушай, хирург, это басни Крилова. Панимаэш?» — «Смотрите!» — Варвара Петровна предъявила господину Алтынову две костяшки. «Кто со мной играет?» — «Я!» — полная дама стала расставлять на доске фишки. Молодой человек осмотрел костяшки. Они были чистыми, без ухищрений. «Партия — сто дол-

ларов. Марс — двести. Дау — триста», — сказала полная дама, положив на стол зеленую купюру. «Я бы хотела с вами на секунду выйти», — взяв господина Алтынова за руку, сказала Боярова. «Пожалуйста», — Ферापонтов оглядел своих партнеров. «Юлия?» — лицо Дюкро искажилось в страшной гримасе. «Ви гаваритэ, что ви нэ вмэстэ?» — «Мы его не знаем!» — в сердцах сказала растерянная особа. «Всэ так гавариат».

«Алтынов, мне кажется, что этот тип в голубой рубашке — переодетая госпожа Златкис». — «Точно! Bravo, Юлия! — молодой человек нежно обнял Боярову. — Никому об этом не говори. Наша маленькая тайна. Это он был переодет в Златкис. Искусство требует перевоплощения». — «Не опасно?» — «Я же счастливчик! — он обнял ее еще раз, с любовью глядя в ее изумительные серо-зеленые глаза. — Возвращайся, пожалуйста, в купе, я скоро буду».

Молодой человек зашел в туалетную комнату, зачем-то отмотал туалетной бумаги, стал ее сворачивать и проделывать с ней какие-то манипуляции. Получился небольшой сверток,

который господин А. завернул в целлофановый пакет, хранившейся в бумажнике, а затем спрятал в задний карман брюк. Зашел к проводнице: «Любаша, солнышко, у нас в купе душно, как в бочке. Вот тебе десятка зеленых, прошу, открой окошко».

Только после этого он вошел в купе. Игра началась.

«Они выставили ее как самую лучшую в труппе, — подумал господин Алтынов. — Посмотрим, насколько она сильна в нардах». Первый бросок они должны были проделать по одной кости. У кого выпадет старшая цифра, тот может начинать партию уже двумя камнями. Он взял кость. По телу пробежала дрожь радости. Это был его инструмент, его стихия. Он ощупал кость, как мельник — зерна пшеницы перед помолом. Уже через мгновение господин Алтынов узнал ее судьбу. Он прочел ее, как умелая гадалка по линиям рук, в мельчайших рытвинах и сколах на шести полях небольшого тельца. Он мог бы рассказывать о маленькой квадратной косточке несколько часов. Для

своего хозяина это был счастливый камушек, он разорил сотни простаков и принес патрону немалые деньги. «Теперь твоя дьявольская энергия будет служить мне, Алтынову», — сказал он ей своим внутренним голосом, но в приказном тоне.

В этот момент в купе протиснулась Любовь Погоня и открыла окно. «Воздух у вас, прямо скажу, не свежий».

«Первый бросок я уступаю женщине, — как-то очень театрально сказал господин А. — Прошу... С первой партии я буду выигрывать все», — решил он про себя.

Она бросила шестерку, самую большую цифру. Молодой человек с необыкновенной ловкостью повторил результат. Второй бросок — опять шестерка. Господин Алтынов с легкостью в сердце сажает тоже шестерку. Зрительские страсти начинают накаляться. У членов бригады легкое замешательство. Третий бросок — у дамы четверка. Ростовчанин решил бросить пятерку, чтобы поостыли горячие головы. На доске лежала пятерка. Партию

начал господин Алтынов. Он бросил две шестерки и закрыл главные ворота для прохода неприятельских фишек. Потом он бросил две четверки и воздвиг основные преграды на пути следования неприятеля.

Его броски были точными и обескураживающими. Музыка его мастерства и виртуозности околдовывала присутствующих. Братство шулеров поездов дальнего следования, очнувшихся от волшебства Юрия Алтынова, сомкнулось вокруг молодого человека, как овцы перед заклинанием сбиваются вокруг пастуха. Господин А. командовал игровой площадкой, как дьявол — преисподней. Взоры всех собравшихся сейчас в шестом купе были обращены на молодого человека, золоченые рты разинуты, на влажных воспаленных лбах выступил холодный пот. Господин Алтынов был вандалом! Дьяволом! То, что он делал, как играл, было просто невероятно. Никто из присутствующих никогда в жизни такого не видел и представить не мог. Они стали подумывать, что попали в какую-то метафизическую ловушку.

Но было здесь одно поэтическое, одухотворенное лицо — Юлия Боярова. Она наблюдала за фантастической мощью своего героя, как очарованный зритель следит за королевской пластикой балетного танца Наталии Бессмертновой.

Вдруг раздался телефонный звонок. Это была мелодия Вивальди. Господин Алтынов вытащил мобильник, извинился перед почтенной публикой, вышел в коридор и проследовал в сторону тамбура.

«Повтори, я плохо понял, — прокричал молодой человек. — Что важнее, модемное сообщение или телефонограмма?» — переходя на обычный тон, спросил он. «Наш друг сообщил, что должны быть две версии, — звучал голос в трубке. — С компьютерным сообщением мы решим, но с центральной диспетчерской пока проблемы. Ее взять нам не удастся». — «Если не получится, — сказал господин Алтынов, — заплатите пятнадцать тысяч долларов, чтобы полностью отключить телефонную сеть центрального аппарата МПС». — «Ты забываешь,

что сегодня праздник. Это осложняет дело. Трудно найти людей». — «Дай двадцать тысяч, но до того, как по модемной связи пройдет приказ об изменении маршрута, надо отключить все полностью. До пяти часов утра. Пока. Звони через час».

Молодой человек вернулся в купе. Его все с нетерпением ждали. На столе оставалась нетронутой куча долларовых купюр. В ней было больше пяти тысяч. Господин Алтынов вытряс организаторов игрального шоу основательно. Они угрюмо молчали, не зная, как быть дальше: для продолжения игры у них не хватало мужества, для проигрыша и добровольной отдачи такого капитала — благородства.

Юрий Алтынов собрал деньги. Первой купюрой у него была десятидолларовая, последней — стодолларовая. Потом он вложил эту пачку денег в целлофановый пакет и втиснул его в задний карман брюк. Теперь его сознание стала занимать новая интрига. Через несколько минут в их купе должна была подсесть куртизанка. Господин А. хотел обдумать сценарий

общения с ней так, чтобы он способствовал окончательной победе над Бояровой.

«Что дальше, дамы и господа? Остался ли у нас предмет для дальнейшего общения?» — «Слюшай, ти правда хирург? Я нэ вэру. Пакажи дакумэнт». — «Мой диплом в отделе кадров института, других документов у врачей нет». — «Я нэ вэру!» — «Мне непонятна тема дискуссии. Если у вас есть вопросы по ведению игры или по ее итогам — пожалуйста, я готов ответить». — «Эсли би ми знали, что ти нэ врач, ми бы нэ играли. Ми играэм толко с врачами». — «Такая логика в медицине называется кретинизмом, по-французски Cretinisme. Заболевание характеризуется задержкой умственного развития или психической деградацией. Методика лечения отсутствует. Есть только диагностика и профилактика». — «Этот пранцузки мэния нэ интэрэсуэт. Пакажи дакумэнт». — «Зачем оскорблять инвалида, — на лице полной дамы появилась жалобная гримаса, — я играла его деньгами». — «Я кампэсацу палучил за патэриану дом в Гаграх. Что я жэнэ и дэтиям скажу,

а?» — «Вы клоните к тому, чтобы я вам вернул деньги?» — «Да! А?» — «Господин Ферапонтов, но это же несправедливо. Я у вас честно выиграл. Так не поступают». — «Кто эта такой, га-спадин Фэрапонтов? Слюшай, дэнги маи, а?» — «Отдайте им деньги, Юрий. Вы видите, что это за люди», — взмолилась Боярова. «Правильно, дочка, а?» — «Пропустите меня, пожалуйста, Юлия, к окну. От такого вероломства воздуха не хватает», — Алтынов протиснулся к потоку свежести. Он подышал, подумал, осмотрел лица шулерской бригады и обратился к Бояровой. «Значит, вы хотите, чтобы я вернул этим господам деньги». — «Верните. Они неправы, но зачем вам нужен конфликт?» — «На работэ все узнают». — «Хорошо. Мы подъезжаем к станции “Миллерово”, — молодой человек высунулся из окна. — Проезжаем двести пятьдесят пятый километр. Еще два километра — и будет вокзал. Некоторые врачи считают, что физические нагрузки — один из способов профилактики кретинизма. Вот, поезд уже тормозит. В окно виден башенный кран, — в этот момент

он вытащил из заднего кармана целлофановый пакет с деньгами, показал его публике и с силой вышвырнул из вагона. — Пусть потрудятся его найти. Это не столь уж сложно, только физически хлопотно. Необходимо пройти один-два километра. До свидания, нечестные жулики. Московский врач утер вам нос».

Публика с шумом бросилась на выход. Поезд замедлял ход и подходил к платформе станции «Миллерово». Это был двести шестидесятый километр от Ростова.

«Какой мэзавэц, а?» — выкрикнул Коммунар Ильич, замыкавший выбегающую на перрон группу артистов. «Прошу прощения, милые барышни. Вот вам урок на всю жизнь. Вначале навязчиво пристают сыграть на деньги, а в финале требуют вернуть проигрыш. Совершенно не имел желаний вас удручать». — «Лихо вы пачку долларов выбросили, — совершенно неожиданно оживилась Эстер Дюкро, — у меня бы духу не хватило. Сколько там денег-то было?» — «Ей-богу, не считал! Видимо, тысяча пятнадцать-двадцать!» — «Ой, ужас какой! —

было видно, что молодая женщина чрезвычайно взволнована. — Мы тут за гроши служим, а вы такие огромные суммы в окно выкидываете». — «Юлия вовремя посоветовала вернуть деньги. С такими типами лучше не связываться. Если нам представится следующий случай, я обязательно прислушаюсь к вашему мнению».

Поезд «Тихий Дон» «Ростов — Москва» тронулся и стал набирать скорость. Вечерело, солнце почти спряталось за горизонт.

В купе постучали. На пороге стояла проводница Любовь Погоня. Ее лицо сияло от удовольствия: «В вашем купе новый пассажир. Ах, проходите, милая». Вошла высокая блондетка. Ей было около двадцати пяти лет. Она была в белой блузке и кремовых брюках — достаточно элегантная одежда, именно та, которую любят носить молодые барышни в столичных городах. У нее было красивое, спокойное лицо, но совершенно безумные глаза. Казалось, что они лопнут от энергии страсти. Молодой человек решил выйти из купе. Он никак не мог найти времени,

чтобы обдумать сценарий, связанный с появлением нового персонажа. Едва он оказался в коридоре, как следом за ним вышла Боярова: «Признайтесь, Алтынов, вы деньги не выбрасывали? Такой человек, как вы, должен был найти другой, более оригинальный ход». — «Я в вас влюбляюсь, — сказал господин Алтынов. — Вы не только красивы, вы чертовски умны. Именно такая женщина нужна мне. Пригласить на борт поезда священника?» — «Не поняла...» — «Чтобы нас обвенчали. На месяц, полгода?» — «Вы с ума сошли!» — «Я был бы счастлив прожить с вами в браке сто дней. Признаюсь откровенно, никогда бы не смог жить с одним человеком всю жизнь. А сто дней с вами были бы для меня сплошным счастьем». — «Я не понимаю, вы шутите?..» — «Вовсе нет! Не отказывайте мне, дорогая Юлия. Я действительно все больше и больше влюбляюсь в вас». — «Такой неожиданный проект... Дайте мне подумать». Он ее нежно обнял и шепнул на ушко: «Я вас люблю и оставляю для размышлений. Мне самому необходима минутка-другая».

В коридоре вагона появился разносчик воды и пива. От него сильно несло спиртным. «А шоколад есть?» — «Есть!» — «Получите за плитку... Когда вы будете обдумывать мое предложение, откусите шоколадки, и у вас будут сладкие ощущения. Тогда вам быстрее захочется сказать: “Да! Я согласна!”» Он еще раз обнял ее и быстро пошел к тамбуру.

Господин Алтынов набрал номер мобильной связи: «Привет, дружище. Мне нужен крутой человек в городах Пенза, Красный Угол, Арзамас». — «Для каких дел?» — спросил голос. «О деле поговорим позже. Я наберу тебя через час».

«Что мне делать с этой куртизанкой? — стал размышлять Юрий Алтынов. — Пора возвращаться в купе».

«Скучали?» — «Скучали!» — сказала Юлия. «Не то слово — скучали! Как вы могли оставить такую женщину, как я, одну, без вашего мужского внимания? — энергично начала

незнакомка. — Этого еще никто себе не позволял». — «Мы даже не знакомы...» — «Это совершенно не важно. Когда мужчины видят такую женщину, как я, они забывают и откладывают все, чтобы угодить мне. Другого отношения к себе я не признаю. Вы же, едва увидев меня, выскочили в коридор. Впрочем, я отходчива и вас уже простила. Но больше никогда не задирайте нос, красавчик. Садитесь рядом со мной. Вы меня заинтересовали. Начнем знакомиться? Я — Яна Врубельская».

«Очень красиво и приятно! Московский врач — Юрий Алтынов». — «Юлия». — «Эстер». — «Знакомство с женщинами меня не интересует. Не надейтесь, что я желаю с вами общаться. Мне по душе ваш красавчик. Я отобью его у вас. После знакомства со мной он окончательно забудет, что в мире существуют другие женщины». — «Вы колдунья?» — рассмеялся молодой человек. «Да. Хочу погадать по вашей руке. В жизни столько неожиданностей, что приходится каждый день начинать с оккультизма. Без изучения кофейной гущи

я шагу не делаю. Вот давеча поутру смотрю в чашку — пустой день, но где-то далеко на полянке зайцы бегают. Ну, думаю, в обед еще осмотр потребуется. Зайцы — это к неожиданной работе. Выпиваю обеденную чашку, а кофейная гуща — шелковой паутиной по всему фарфору. К удаче это. К неожиданной, денежной работе. Проходит пять минут — телефонный звонок. Вызывают в командировку. И платят прилично. А если бы я гадать не умела? Пронеслась бы мимо заслуженная работенка. Ну, красавчик, дай руку». — «Может, и мне погадаете?» — поинтересовалась Дюкро. «Я барышням не гадаю. У них денег на это нет. А ты, черноглазый, клади на руку сто долларов». — «Сто долларов!» — поразились Эстер. «Клади, клади. Иначе гадать не буду и накличу беду». — «Так ты ведьма или гадалка?» — опять рассмеялся господин Алтынов. «Я женщина в соку! Положи деньги и слушай меня. Вижу недолгую, но яркую, интересную жизнь. Вот, гляди: линия обрывается, а тут бугорки и мелкие, мелкие линии. Остросужетная у тебя

судьба, Дон Жуан. Ладонь у тебя мягкая, как у барышни, пальцы длиннющие, как у пианиста. Ты не артист, случаем?» — «Я же сказал, врач... Хирург». — «Н-е-е-т! Похоже, что артист. С таким красивым лицом, с такими яркими глазами, с такими женственными руками — могут быть только артисты. А ты богат! Дай мне еще сто долларов, я тебе про твою душу все расскажу». — «О моем сердце вы мало что поведали, а уж о душе вспомнили». — «Так непозволительно о сердечных делах при посторонних изъясняться! Пусть барышни оставят нас на часок. Может, мы успеем с тобой любовь прокрутить. Ты, я вижу, мужчина страстный. Твои жгучие глаза прямо раздевают меня. Боюсь, не сдержусь, прямо при свидетелях любовный романс запою. Барышни, оставьте меня с красавцем. Ну, что, вам завидно, что он на меня упал? Скажи им, артист, пусть оставят нас. Дай им денег, чтобы они в ресторане посидели, винца попили». — «Из купе мы никуда не выйдем», — категорическим тоном сказала Эстер Дюкро. «А чего так! Вы же сами

говорили, что он вам чужой. Бросил двадцать тысяч долларов на ветер. Вы любить еще как следует не научились. Эх, красавчик, снимай купе. Отдамся я тебе вся, с предсказаниями утренней кофейной гущи и музыкой в сердце. На стыках колесные пары будут подбрасывать нас на седьмое небо. Торопись, не прогадаешь. Такую яркую женщину, как я, откроешь. Кучей денег меня обклеишь. Грудь у меня упругая, как теннисные мячики, а ноги длиннющие, как рельсы железных дорог. Попадешь к ним — не выпустят, как мифическая Цирцея. Закажи бутылку шампанского и снимай купе. Я подарю тебе истинную радость любви. Я — волшебный гарант счастья!» — «У меня скоро венчание. Я уже помолвлен. Законы православия не позволяют мне. Что я скажу своей возлюбленной? Моя логика и философия в этом вопросе такова: жениться надо на какой-то определенный срок. Например: сто дней. Так до тридцати пяти лет. Потом брачный союз можно увеличить до трех, пяти лет. Но в то время, пока ты в союзе, под присягой,

под венцом, изменять возлюбленной нельзя. Влюбился в неурочный час — жди свое время свободы, а потом уже делай, что хочешь. Не могу я, страстная женщина, с тобой быть. В союзе я. Вот сто дней спустя, если сведет нас судьба, готов плясать я твой демонический танец до первых донских петухов».

«Дурень ты! Думай, до станции “Россошь” семьдесят километров. Ай, пропустишь ты свой звездный час». — «Не в моем стиле отказывать женщине, но — увы, страстная вы моя...» — «Не понимаю я тебя, да ладно! Клади еще сто долларов, чтобы бутылкой “Хенесси” заглушить душевную боль и плотские страдания. Дай я хоть обниму тебя разок... Но не как брата — как любовника. Целуй меня крепче, чтобы грудь моя трещала... Прощай, красавчик, я пошла в ресторан. Через сорок минут я упорхну от тебя, дай Бог, чтобы не на вечность. “Луна в оранжевой шали в кузню к цыганам спустилась...” Обожаю Лорку. Это он открыл женщину в Лене Дьяконовой... позже жене Сальвадора Дали. Пока!»

Экстравагантная дама вышла из купе. «Я вас провожу», — предложил господин Алтынов и пошел следом. «Чудесно!»

Куртизанка и игрок остались один на один.

«Как?» — спросила она. «Великолепно! Высший класс!» — «Ты вышел, чтобы отобрать у меня деньги. Хочешь сказать, что мы так не договаривались. Но, красавчик, когда я в роли, это происходит помимо моей воли. Я согласна отдать тебе часть денег». — «Я и не думал обсуждать эту тему». — «Чего же ты хочешь? Я поняла, что ты доволен моей работой». — «Мне пришлось по душе твой профессионализм. Ты настоящая актриса. У меня может быть для тебя работа. Но она не связана с сексом». — «Мне все равно. В провинции денег нет. Я берусь за все. Что за работа?» — «Творческая». — «Писать стихи, петь в оперетте?» — «Озвучивать и исполнять роли». — «Кто автор пьес, сценариев? Бернард Шоу, Алексей Островский, Фридрих Дюрренматт?» — «Юрий Алтынов». — «Прощу прощения, этот автор мне не знаком. Кто это? Какое время, жанр?» — «Это я сам!

Время — современность, жанр — авантюрные фантазии, переходящие из детектива в театральное, поэтическое отбирание финансовых ресурсов». — «Чудесно! Я давно мечтала встретиться с таким автором. Традиционная сцена держит мастеров на голодном пайке. Где ваш театр?» — «Был в Ростове. Теперь переезжает в Москву». — «Труппа большая?» — «Я создаю камерный театр. Один автор, он же режиссер, два артиста на сцене. У одного роль ангела, у другого — дьявола. Финальные сцены провожу всегда только я». — «Думаешь, сможешь унести больше, чем такая женщина, как я?» — «Таков закон жанра!» — «Какое довольствие имеют твои актеры?» — «Пяти-, шестизначные цифры». — «В рублях?» — «В долларах». — «Ой! Чудеса какие! Сколько длится одна пьеса?» — «Как Всевышний этого пожелает». — «На что жить артисту до финальной сцены? Профсоюзы распались. Пособие по безработице не выплачивается». — «Помесячная фиксированная ставка. Одна тысяча долларов плюс двухкомнатная квартира. Водитель по вызову.

Абонемент в элитный спорткомплекс “World Class”. Пятнадцать процентов от чистой прибыли». — «Эти расходы будут высчитываться из творческого гонорара?» — «Умный, финансовый вопрос! Считаю справедливым при расчете дисконтировать кредитование на пятьдесят процентов». — «Чудесно! Даже не верится. Сказка. Кофейная гуца мне этого не обещала. Планировала заработать сто, ну, двести долларов. А заработала — роскошную жизнь. Скажи откровенно, между нами, артистами: где все-таки подвох? Где спрятана черная кошка?» — «В личной жизни». — «Что такое?» — «Никакого секса. Ни по консервативной, ни по альтернативной версии». — «Я насытилась этим делом на годы вперед. Сегодня только этим кормимся. Но ты, Алтынов, чудовище! Я ведь женщина. Мне только двадцать три года! А что, если...» — «Только с моего согласия. Ты принадлежишь мне вся — душа и тело. Такова суть нашей профессии. Когда режиссер дает тебе роль соблазнительницы банкира N — только тогда ты обязана отдать ему свое тело.

Обязана! Любовь? — забудь это слово на два года. Я решил заключить с тобой двухгодичный договор. Без юристов и нотариусов». — «Когда первый рабочий день?» — «Сегодня! Вот, получи тысячу долларов!» — «Нет! Директор, я не возьму. Я ночью должна возвращаться назад, на станцию “Миллерово”. Боюсь! Меня же там встречает охранный служба. Если обыщут, может очень скверно кончиться. Давай так: я приеду в Москву и получу там свою первую зарплату. Счетчик включен с двенадцатого июня». — «Договорились. С этого листка спиши мой мобильный телефон и оставь свой. Кстати, как твое настоящее имя? Назови все свои данные». — «Я не врала — Яна Врубельская. Дата рождения — пятое марта тысяча девятьсот семьдесят седьмого года. Миллерово. Окончила Ростовское музыкальное училище по классу фортепиано в тысяча девятьсот девяносто пятом и Воронежский театральный колледж в тысяча девятьсот девяносто девятом». — «Невероятно! Я тоже родился пятого марта, но двумя годами раньше. Хорошее знаменье, гадалыщи-

ца?» — «Чудесное. Рыбы — лучшая людская версия». — «Целую тебя. До встречи!» — «Пока, директор! Звони, а то я буду думать, что меня надули. Поверь, горько заплачу».

Они расстались.

Наслаждаясь своей самодостаточностью, молодой человек шел по коридору. Из служебного купе его окликнули. Это была проводница Любовь Погоня. Она одиноко сидела за своим столиком и медленно потягивала «Амаретто». «Как твои дела, Алтынов? Все богатые пассажиры степенно посиживают в купе, пьют дорогие напитки, общаются с красивыми дамами, а ты носишься, как заведенный. Ах, я тебе такую барышню приготовила, не налюбуешься, европейский стандарт. А ты, я гляжу, бросил ее. Из соседнего вагона богатые армяне предложили мне только за знакомство с ней двести долларов». — «Ну, а ты?» — «Ах, потеряла гроши. Привела ее к тебе, как обещала. А ты дал мне только сто. Через двадцать минут Россошь. Она выходит». — «С чего ты взяла, что они богаты?» — «Ах, наивный, сен-

тиментальный человек! Я на этом маршруте уже пятнадцать лет тружусь. О пассажирах могу книгу написать. Ах, это очень богатые люди. Они едут в третьем купе. Во втором и четвертом у них охрана. Двое постоянно стоят по сторонам снаружи, другие дежурят в купе по соседству». — «Интересно... — мечтательно протянул господин Алтынов. — Любаша, а ты молодец. Дай я тебя в щечку поцелую». — «Ах, в щечку... Ты бы со мной остался. Что тебе этот ребенок в веснушках?»

«Госпожа Погоня, у меня дельце одно в голове созрело. Иди к своим армянам и скажи, что уговорила длинноногую красавицу в белом костюмчике. Они белый цвет не меньше, чем женское тело любят. Бери с них свой двухсотдолларовый гонорар, а я ее приведу. Скажи им, что она, дескать, согласилась потому, что разговор о спонсорстве ее концертной деятельности пойдет. Ну, давай, за работу! Я побежал в ресторан!» — «Что опять надумал? Уверен, что приведешь? Ах, гонораром я ни с кем делиться не стану! Понял?»

Перед тем как нестись в ресторан, господин Алтынов заскочил в шестое купе и бросил прямо с порога: «Юленька, пожалуйста, выйди на секунду! Дорогая, у меня срочный вызов к пациенту в соседний вагон. Какому-то чиновнику из иностранного ведомства с сердцем плохо стало. Я ненадолго. Не скучай. Я все же вызвал священника. Целую». Он наспех залез в свой дорожный чемодан, достал из него небольшую коробочку. «Медикаменты», — бросил он Бояровой и вылетел из вагона. «Что случилось?» — спросила Эстер Дюкро. «В соседнем вагоне человеку плохо стало», — как-то не очень уверенно произнесла юная красавица.

Господин Алтынов торопился в вагон-ресторан. У него созрел сценарий одноактной пьесы, и он срочно хотел предложить в ней главную роль госпоже Врубельской.

Она величественно сидела в ресторане, окруженная самыми разными мужчинами, и что-то очень увлеченно рассказывала. Речь шла о музыке, обсуждались какие-то эпизоды из жизни Чайковского. Мужчины безостановочно

смеялись, а Яна принимала различные комические позы, и с ее языка лился рассказ. Молодой человек подошел к ней сзади и дотронулся рукой до талии. Яна Врубельская уже готова была дать затрещину нахалу, но, обернувшись, вместо этого бросилась ему на шею: «Что случилось, директор?» Он взял ее под руку и отошел на несколько шагов: «У меня готов пилотный сценарий. Необходимо срочно провести прослушивание и адаптацию текста. Выйдем в тамбур». — «Несусь!» — воскликнула она.

«Итак, уважаемые господа, — обратилась Врубельская к публике, — если бы Чайковский родился в Америке, а не в России, он обязательно стал бы банкиром, а не композитором. Больше всего наш гениальный предок любил тишину. А тишина, как известно, — это царство денег. Кто, господа, заплатит по счету известной артистки России?» — «Я», — выкрикнул один. «Мы», — выдохнули другие. «Не думай об этом», — застучали по столу третьи. «Чудесно! Здорово, когда господа платят за дам. Мне было прекрасно с вами. Жаль расставаться. Пока!

Пока! — Врубельская оставила захмелевшую компанию и быстро направилась к господину Алтынову: — Пилотный проект, ты сказал?» — «Это небольшая, но веселая одноактная пьеса. Действующие лица: два очень богатых, пока неизвестных армянина. Скажем — два коммерсанта. Проводница купейного вагона. Эту роль готова сыграть Любовь Погоня. И два молодых артиста: красивая, интеллигентная юная дама, будущая звезда эстрады России, и ее кузен, взбалмошный молодой человек, проигравший в поезде большие деньги и мечтающий взять реванш. Сюжет: армяне просят проводницу познакомить их с красивой музыкантшей. За услугу платят двести долларов». — «Круто!» — «Но дама стоит больше!» — «Grazie, dottore!» — «Prego, signora! Служащая российских железных дорог уговаривает красавицу с длинными ногами познакомиться с крупными предпринимателями. Предмет общения — вопросы спонсорства карьеры талантливой актрисы. Возникает очень милый диалог. Красивые надежды, возвышенные чувства. Красавица читает Гарсиа

Лорку, Тютчева, Саят Нову. Русская красавица влюбляет в себя армянских кавалеров. В этот момент появляется молодой человек, который в соседнем вагоне проиграл крупную сумму денег. Чтобы продолжить игру, он вымаливает деньги у своей кузины. Она ему отказывает. Он в залог предлагает ей кольцо с бриллиантом. Размер камня — два с половиной карата. Чистота — ангельская: один — один. Голубая вода. Лучшие ценители бриллиантов в мире — армяне, но чемпион по мистификации — герой пьесы. Цена камня — пятьдесят тысяч долларов. Он просит у кузины пятнадцать. Кузина отказывается брать залог и дает ему только две тысячи. Кстати, положи к себе в сумочку две тысячи USD. Армяне осматривают бриллиант, предлагают семь. Договариваются на десять тысяч долларов. Финальная сцена: доллары в одном кармане героя пьесы, драгоценный камень — в другом. В этот момент поезд меняет направление движения — крупнейшая авария — и идет по маршруту на восток. В вагонах паника — не до любовных историй. Армяне недовольны, что

с красоткой ничего не получилось, но утешены тем, что оболванили проигравшегося русского. Занавес! Аплодисменты. В туалете, перед снятием грима, мужчина и женщина, родившиеся пятого марта под знаком Рыб, делят гонорар за сыгранные роли».

«Чудесно! Я еще никогда не исполняла роль начинающей звезды эстрады, но всегда мечтала об этом. Можно вопрос к автору пьесы? У меня предложение изменить одну сцену, сделать ее более выразительной». — «Какую?» — «Будущей звезде понравился этот алмаз. Она своими чарами гипнотизирует кавалера, и он дарит ей кольцо со словами: “Этот скромный подарок — залог нашей великой любви”». — «Идея замечательная! Bravo! Но сцена не убедительна — по национальному признаку. Перед героиней — армяне, очень рациональные люди. Они любят женщин, но сходят с ума по бриллиантам. Если бы героями пьесы были грузины или евреи — сцена была бы потрясающей по эмоциональности. Героине можно было бы пустить слезу, а герою кровь — в знак вечной верности.

Поскольку автор пишет сценарий буквально на ходу, у него самого есть некоторое дополнение к сценарному плану. У героев пьесы, за кулисами сцены, — многочисленная охрана. Тебя к ним пустят, меня — нет. Необходимо обозначить, но очень нейтрально, существование своего кузена. Примерно так: “Я так беспокоюсь за своего брата, он очень азартный малый. Если он меня будет искать, скажите, пожалуйста, чтобы его на пару минут пропустили ко мне. Он такой болезненный”. — «Великолепно!» — «Но необходима ключевая, завершающая фраза. Последнее слово в финальной части. Мое предложение таково — героиня с пафосом в голосе говорит: “Наши русские мужики — это одно несчастье. Пьяницы, наркоманы, лентяи. Ни любовник не поддержит, ни брат — оба сидят на шее!”» — «Очень эффектно и убедительно». — «Чтобы омыть бальзамом армянскую душу, героиня может продолжить, как бы мечтая о будущем: “Говорят, лучшие любовники — армяне! Вот бы мне только одного, честного”». — «Чудесно! Я согласна, так будет более убедительно,

с мечтательной перспективой. Кстати, можно посмотреть бриллиант?»

Господин Алтынов открыл коробочку. В ней были две другие. «Это настоящий? Чудеса! Какая божественная игра! А здесь что?» — госпожа Врубельская не могла оторвать взгляда от бриллианта. «Страз, или муляж. Подделка». — «Да? Но мне он тоже нравится. Что за камень?» — «Цирконий. У нас мало времени. Публика ждет артистов. Действие спектакля началось. Любовь Погоня уже раскошеляет героев пьесы. Теперь твой выход, надежда российской музыки». — «Сейчас станция. Плохая примета — начинать диалог на остановке. Мой выход прошу объявить после отправления. Люблю работать на движущейся сцене. Один вопрос, директор. Что, если они предложат мне больше, чем мы выиграем в финале спектакля? Ну, скажем, у героя рождается прекрасная идея или деловое предложение. Он смотрит на героиню пьесы и говорит: “Я дам тебе, девочка, двадцать пять тысяч долларов. Устрой мне медовую ночь. Покажи, как может любить русская

женщина”. Как быть? Двадцать пять тысяч долларов лично мне, а другая, меньшая сумма за работу с камнем — на нас двоих?» — «Теоретически это возможно. Запомни, Яночка! Я артист, я игрок. Игрок в каждой мелочи, в каждой сцене реальной жизни. Без игры я — труп. Деньги для меня вторичны, главное — перманентное творчество. Non Stop. Двадцать четыре часа в сутки — игра. Игра тотальная. Я играю на поле Бога, на площадках дьявола. Я играю даже с самим собой. Левая рука играет против правой. Мое сердце играет против собственной души. Я играю во сне, в постели, с песней любви и чувством ненависти, играю с детьми и стариками, с близкими и неизвестными. Моя смерть будет последней разыгранной мной пьесой. Если ты хочешь быть рядом со мной, ты должна сохранить только одно, но самое главное — абсолютную преданность профессии. Необходимо срочно менять свою ментальность. А путанство забудь напрочь! Ты становишься игроком! К слову, о финансах. По-моему, я четко обозначил твою часть — пятнадцать процентов.

“Пополам” — удачная гипербола. Я начинаю ценить твой юмор». — «Я тебя люблю, директор! Я научусь играть. Я буду играть против тебя. Я научусь побеждать тебя. Ха-ха-ха!» — в этом признании барышни Врубельской было что-то действительно демоническое.

Стало совсем темно. Поезд тронулся и покати́л на север.

«На сцену, будущая звезда музыкального мира!» Игроки отправились исполнять свои роли.

«Ах, где вы так долго? Они вас ждут», — проводница Погоня встретила их в тамбуре. «Минутку. Как зовут родственников? Кузен и кузина должны знать друг друга. Иван и Жанна Бородины». — «Чудесно! Главное, очень убедительно». — «Через сорок пять минут мой выход. На исполнение своей роли я отвожу себе пятнадцать минут. Потом начнется хаос. Вперед!»

«Приветствую вас, господа коммерсанты!» — на лице барышни Врубельской сияла обворожительная улыбка. «Вах, шат лавем то,

очень красивый девушка — захадите. Мы ждем вас». — «Вы меня узнали? Я Жанна Бородина, исполнительница классической музыки на фортепиано». — «Да, да! Канечна, знаем. Как ни знаем, то. Канечна. Меня зовут Самвел, маего друга зовут Спартак. Просим вас быть нашим гостем. Вах, шат лавем, то». — «Как отмечают музыкальные критики, мне особенно оригинально удается играть Моцарта: “Притворная простушка” и “Волшебная флейта”. На фестивале в Зальцбурге, в Австрии, на родине композитора, я была третьей. Во французском городке Бон, в Бургундии, на фестивале музыки Клода Дебюсси я играла мистерию “Мученичество Святого Себастьяна” и стала второй лауреаткой». — «Очень харапо. Мы знаем. Читали, да». — «Я вас по телевизору видел», — вмешался Спартак. Он говорил без акцента. Это был мужчина лет пятидесяти, с седеющей бородой и хищными глазами. Внешне он понравился Врубельской, и именно его она избрала в качестве мишени для своих чар. «Вы удивительные, вы редкие люди! Вы интересуетесь классической

музыкой. Образно говоря, вас можно отнести к реликтовому этносу. Нынче большинству нравится пустая, невыразительная эстрада. Я, как, видимо, и вы, очень огорчена этим массовым безвкусным искусством». — «Арама Хачатуряна вы играете?» — спросил Спартак. «Я многие вещи Арама Ильича знаю и люблю. Особенно мне по душе поэтическая музыка к балету “Гаяне” и к фильму “Зангезур”». — «Вах, слушай, все знает!» — очень искренне удивился Самвел. «Мне сказали, что вы готовы спонсировать некоторые мои концерты. Я не так часто выступаю на столичной сцене, еще, как говорится, молода, но при незначительной финансовой поддержке залы областных центров были бы распроданы. До последнего билетика». — «Ви замужем?» — Самвел вытер вспотевший лоб. «У меня есть друг». — «Какова стоимость проведения одного концерта?» — Спартак был более деликатным. «В областном центре, например, в Саратове или Екатеринбурге, все вместе — реклама, афиши, персонал, зал, освещение, транспорт — стоит десять-пятнадцать тысяч долларов. Реализация

билетов покрывает лишь тридцать процентов затрат. Дефицит расходов над доходами можно легко подсчитать». — «Вах, слушай, целая састояние! Садитесь ближе к сталу. Столько вкусных вещей у нас. Пакушайте, выпивайте лучший коньяк в мире “Эребуни”. Нельзя все время а работе гаварить. Если вы не против — давайте атдыхать».

Трудными орешками оказались эти деловые люди. Генеральная линия пьесы, написанная Алтыновым, сохранялась и имела хорошие перспективы. Но попытки получить дополнительные дивиденды натыкались на мужское самолюбие и принципиальность: вначале ваше внимание, а уж потом — все другое. И они якобы гарантируют дальнейшее своим очень честным словом. Поскольку тема, интересовавшая их, для госпожи Врубельской была совершенно неактуальной, она вела светскую беседу, лишь заполняя отведенное время. Финал и развязка приближались. Врубельская говорила о спонсорстве — деловые люди призывали к потехе; она рассказывала об искусстве — они поэтизи-

ровали армянские блюда; она искала чистой, высокой любви — они высказывались о формах женского тела и индустриализации секса.

Господин Самвел хотел предложить красотке из музыкального мира крупную сумму за определенные удовольствия, но никак не мог решиться обозначить конкретную цифру. Вначале он готов был подарить ей новый «Мерседес». Потом подумал, что двухгодичный автомобиль — подарок тоже очень стоящий. Затем ему пришло в голову, что лучше платить ей ежемесячно, чтобы она всегда была рядом. «Почему я не магу купить себе одну красивую женщину, то?» Но всякий раз мечты господина Самвела натыкались на ценовой вопрос. «Слушай, Самвел, — говорил он сам себе, — сколько такая красивая женщина стоит?» Этот, казалось бы, простой вопрос он никак не мог для себя решить. Спрашивать Спартак он не хотел. Он не совсем доверял ему. Он знал, что тот или очень сильно поднимет цену, чтобы потом весь Ереван смеялся, что Самвел купил русскую девушку за пятьсот тысяч долларов, а за такие

большие деньги можно купить целый гарем из пятидесяти украинок, грузинок, молдаванок, белорусок, эфиопок, казашек. Или скажет, что такая девушка стоит тысячу долларов, а потом вся Армения будет смеяться, что Самвел такой скряга стал, что за самую лучшую, самую красивую русскую красавицу предложил всего лишь тысячу долларов, когда только ее маникюр стоит дороже. Поэтому она плюнула ему в лицо и ушла. И так поступила бы всякая приличная женщина. Вот такие страшные переживания происходили в душе господина Самвела.

А Спартак думал о другом. Он знал, что через пятнадцать–двадцать минут после ста граммов коньяка Самвел заснет. И тогда он, Спартак, сделает этой красивой молодой женщине такое предложение, от которого та никогда не откажется. Спартак вспомнил, что он везет в Москву своей племяннице на свадьбу сапфировое колечко. Правда, сапфир не очень большой, всего 0,4 карата. Но всегда можно сказать, что он стоит тридцать тысяч долларов. Кто будет оценивать! А охранников можно

переселить. «Вся ночь твоя, Спартак», — то и дело мелькала у него сладчайшая мысль.

Скорый поезд «Тихий Дон» «Ростов — Москва» мчался на север и приближался к станции «Лиски».

Тем временем Юрий Алтынов набирал новые и новые телефонные номера и подолгу разговаривал по мобильному аппарату. К этому часу выяснилось следующее: начальник станции «Лиски» в двадцать три часа двадцать минут получит срочное модемное сообщение, что в связи с крупной железнодорожной аварией все поезда, идущие на Москву, необходимо переадресовать по маршруту «Поварово — Пенза — Красный Угол — Арзамас — Нижний Новгород». В этот же момент такие же сообщения получают дежурные перечисленных станций. Это обошлось ему в семнадцать тысяч долларов США. С центральной диспетчерской МПС ничего не получилось. Поэтому сейчас началась процедура ее полнейшего телефонного отключения. Тотального! Значит, и резервного

тоже. Но этого оказалось недостаточно. Потребовалось отключить всю телефонную систему Волжской железной дороги, на территорию которой должны были быть переадресованы поезда, идущие на Москву. Эта акция обошлась ему в тридцать тысяч долларов. Но господин Алтынов был увлечен игрой и совершенно не думал о деньгах. Они его меньше всего интересовали. Успешная развязка железнодорожной затеи спровоцировала господина Алтынова на обдумывание совсем другого, не менее потрясающего проекта. Глаза его сверкали вдохновением. Казалось, в этом мире не существовало ни одной женщины, которая смогла бы сейчас устоять перед такими глазами.

Впрочем, была и неудача: в этот праздничный день 12 июня 2000 года никак не могли найти священника. Но это неудобство совершенно не смущало его. Надо было помнить о ментальности господина А., который не раз говорил и доказывал, что в творческом порыве он играет с самим собой. Так вот, именно сейчас можно было слышать по телефону такой необычно

венный пассаж, адресованный какому-то его корреспонденту: «Если нет священника, найдите артиста, сутану и крест на цепи, Библию, два кольца, на которых должно быть выгравировано “100 дней верности. 13 июня 2000”, кассету с торжественной церковной музыкой и два венца из любого материала, пусть даже из васильков, и тащите все на пензенский вокзал, в двенадцатый вагон скорого поезда номер девять “Тихий Дон” “Ростов — Москва”. Но ни в коем случае не говорите священнику, что я знаю, что он не церковник, а артист. Да!.. Еще понадобится столик, можно раскладной, даже матерчатый, вместо аналая, и кусок красного сатина или батиста. И обязательно иконку!»

Да, господин Алтынов нередко играл с самим собой и испытывал при этом большое профессиональное удовлетворение.

Молодой человек посмотрел на часы и сказал себе: «Ваш выход, маэстро!»

Юрий Алтынов входил в роль быстро, как дипломированный актер. Его лицо вдруг стало бледным и болезненным, глаза покраснели, по-

текли слезы, нос распух. Это был уже не господин А., а герой пьесы Иван Бородин. Охранник открыл ему дверь в третье купе, и он, обливаясь слезами, упал на колени перед своей кузиной Жанной Бородиной.

«Вах, это что такое?!» — изумился Самвел. Спартак вытаращил глаза и онемел.

Герой пьесы плакал и проклинал свою горемычную судьбу. Его страдальческое лицо вызывало сильные душевные переживания у присутствующих. «Кузина, — сквозь слезы говорил он, — я проигрываюсь, одолжи мне денег, я клянусь, я обещаю тебе все вернуть. Ты знаешь мою натуру — я никому не должен». — «Я все отдала тебе, Ванечка. Я даю тебе свою наличность, а ты возвращаешь мне отцовский антиквариат. В прошлый раз взял у меня взаймы семь тысяч долларов, а вернул мне вазу Фаберже...» — «Но, дорогая, — обливаясь слезами, говорил молодой человек, — эта ваза стоит сорок пять тысяч долларов. Не погуби, сестра, дай мне денег». Герой постановки, обхватив ноги кузины, безутешно рыдал.

Когда коммерсанты поняли, что речь идет о деньгах и кредитах, они сразу притихли.

«Мне жаль тебя, но я не в состоянии по-мочь. У меня есть деньги, но они мне нужны для организации концерта в Воронеже. За мной стоит коллектив...» — очень натурально возражала будущая звезда эстрады. «Дай денег, или я покончу с собой. Я не переживу позора, если окажусь неплательщиком. Да они сами сбросят меня с поезда». — «Может, тебе спрятаться...» — «Как можно убежать от своей чести! Дай мне денег, Жанночка, спаси меня!» — слезы ручьем текли по его лицу. Господин Самвел был, видимо, сентиментальным человеком, ему было очень жаль рыдавшего. Но филантропических чувств он совершенно не знал, а потому лишь наблюдал эту трогательную сцену.

«Я оставлю тебе залог. Это один из лучших семейных бриллиантов, гордость алмазодобывающей промышленности отечества». — «Я — не кредитное учреждение, Ванечка, у меня нет денег». — «Взгляни, такой бриллиант стоит семьдесят пять тысяч долларов. Здесь два и семь

карата. Чистейшая характеристика. Голубая вода. Дай денег, Жанка!» — «Я мало что понимаю в драгоценных камнях, — кузина Бородина взяла кольцо и стала рассматривать бриллиант. — Конечно, камень бесподобный. Фантастика! — она как бы между прочим передала его Спартаку. — Вы разбираетесь в бриллиантах?» Господин Спартак взял кольцо и был ошеломлен его качеством и красотой. Он понял, что этот минеральный шедевр никому больше не отдаст. Он будет принадлежать только ему. Спартак торопливо достал из портфеля фонарик и стал старательно просвечивать бриллиант. Поезд подходил к станции «Лиски». «Ванечка, — кузина Бородина открыла свою сумку, — вот все мои деньги...» Она вытащила пачку долларов и передала их господину Самвелу: «Дорогой друг, я вся в волнении, пожалуйста, пересчитай». — «Спасибо, сестрица», — с новой силой зарыдал герой пьесы. «Сколько там денег?» — спросила пианистка. «Две тысячи триста долларов, красавица». — «Иван, в последний раз, вот, возьми две тысячи. Ты меня оставляешь с тремястами

долларами. Позор!» — «Мне нужно пятнадцать!» — взмолился молодой человек.

«Чтесневац кхар а. Ес кянкхумес эсенц кхар чем тесе. Эт тесак адаманд Хайястанум харур хазар доллар аржи. Эт наркоманын ес тх хазар касем»¹.

«Хла цуйс тур. Ха шат энтыр кхар а. Ес ксан хазар ктам»².

«Вай, инч эс асум. Ес араджинан аси вор узум эм эт адамандн арнел. Тес, ес бан чунем аселу. Байц ми хангари, узум ем арутур анел, ес эт кхар а карнем»³.

«Жанночка, эти деньги меня не спасут. Я знаю, у тебя должны быть деньги. Возьми бриллиант. Завтра в Воронеже ты продашь его

¹ Совершенно уникальный камень. Я ничего подобного никогда не видел. Такой бриллиант в Армении стоит сто тысяч долларов. Я предложу этому наркоману семь тысяч (*арм.*).

² Покажи мне! Действительно гениальный камень. Я дам двадцать! (*арм.*).

³ Дорогой друг! Я первый сказал, что хочу купить этот бриллиант. Не мешай мне. Смотри, я ничего не имею против. Но не мешай торговаться, я куплю его сам (*арм.*).

за пятьдесят тысяч долларов...» — «Откуда у вас такой камень?» — осторожно начал господин Спартак. «Да вам-то что до этого?» — «Иван, это мои друзья». — «Мой отец всю жизнь проработал в фирме “Русалмаз”, был главным инженером Третьего Обогажительного комбината в поселке Мирный, в Якутии». — «Все понятно. Я дам вам за этот бриллиант очень хорошую цену, вы получите немедленно семь тысяч долларов». — «Никогда! Вы предлагаете мне лишь десять процентов его стоимости. Это очень нечестно — пользоваться несчастьем ближнего!»

«Ми ерек хазар эл тур дран. Чтесневац кхар ес арнум. Ес дра нман чем тесе. Мер катаг-хикос Вазгени мот эл тенц кхар чкар»⁴.

«Микхич арутур аненкх, хай ес?»⁵

«Дайте кольцо назад, — резко сказал Иван Бородин, — я попытаюсь уговорить бандитов, чтобы они взяли кольцо за десять тысяч. Может,

⁴ Дай ему еще три тысячи. Великий камень покупаешь! Я ничего подобного никогда не видел. Даже в коллекции католикоса Вазгена такого не было (*арм.*).

⁵ Дай поторговаться. Что ты, не армянин? (*арм.*).

даже дороже». «Нет, кольцо я вам не дам», — упрямо сказал Спартак. «Как — не дам? Это мое кольцо! Что у тебя за друзья, Жанка? Что, привести сюда бандитов?» — «Спартак!» — взмолилась пианистка.

«Гхал магхал мез теткх чи. Тур индз, те-нумэс вонц а горум? Ес кхез кокхнем эт кхар а хангист арнел»⁶.

«Тхкхел ем ес дранц вра. Черс зинвац ка хетес?»⁷

Господин Самвел передал кольцо возбужденному, заплаканному Ивану Бородину. Поезд остановился у платформы станции «Лиски».

«Дарагой, успокойся. Мы тоже горячие люди. Давай, мы даем тебе десять тысяч долларов, а ты даешь мне камень». — «Опять я помогла тебе решить твои проблемы... Мои друзья покупают у тебя бриллиант, и ты решаешь свои проблемы. Но когда ты прекратишь играть? Бо-

⁶ К чему нам скандал? Отдай его мне — видишь, он кричит как резаный. Я помогу тебе его спокойно купить (*арм.*).

⁷ Чихал я на этих бандитов. У меня четыре вооруженных охранника (*арм.*).

же мой!..» — «Деньги у них при себе? Когда они будут расплачиваться?» — «Минутку! Спартак, етхе пхогха чес тали, ес инкхас карнем»⁸.

В этот момент раздался телефонный звонок. Молодой человек включил мобильник: «Да! Я уже иду... Через пять минут вернусь».

Тем временем Спартак достал пачку долларов в оригинальной упаковке — десять тысяч! «Пусть дает кольцо». — «Он говорит по телефону с бандитами. Секунду». — «Что, есть деньги? Покажите!» Молодой человек взял пачку, понюхал, бросил ее в карман и отдал кольцо.

«Спартак! Говорят, лучшие любовники в мире — это армяне. Я мечтаю иметь одного из них — честного». — «Возьми меня, дорогая», — вцепившись в бриллиант, сказал Спартак. «Почему не меня? Все тебе! Гениальный камень — тебе, красивая женщина — тебе. Ара, совесть надо иметь. Жанна, выбирайте меня...»

В купе торопливо постучали. Охранник доложил, что в Москву проезд закрыт — круп-

⁸ Спартак, брат мой. Мы возьем огромные деньги. Остынь. Я тебе помогу (*арм.*).

ная авария. Поезда посылают в Пензу, на восток. «Ара, как Пемза? Что такое Пемза? — У Самвела отвисла челюсть. — Где правдник то, пазави начальника».

Охранник подвел двух проводниц. Одной из них была Любовь Погоня: «Вы хотите знать, что случилось? Крупная авария. Москва закрыта. Все поезда посылают на Волжскую железную дорогу». — «Ара, какая Волга?» — вскричал господин Самвел. «Спартак! Поцелуй меня на прощание очень крепко. Я жду тебя. Меня найти не сложно: Воронежская филармония, Жанна Бородина». Она подошла к нему, взяла за руку, в которой было плотно зажато бриллиантовое кольцо, и обнялась с ним. «Пока!» — «Мы тоже будем выходить. Ара, зачем нам Волга. Завтра нада быть в Маскве. Срочно выходим!» — засуетился Самвел.

Артисты камерного театра вышли из купе коммерсантов. «Счастливо, господа. Я полюбила Спартака как кавалера, а Самвела как друга!» — «Ара, красавица, надо наоборот делать», — Самвел обнял молодую женщину.

«Вразел а петх. Вагхе петкх а Москаваюм линенкх. Шат мец пхогхер эн фррум. Мекхена пти верцненкх»⁹.

Коммерсанты и их охрана стали собирать вещи.

В вагонах поезда и на перроне царила паника. Все толкались, сбивали друг друга с ног, совершенно не понимая, куда направиться, к чему прибиться. Возмущение было всеобщим. Сумятица толпы очень быстро перерастала в неразбериху, в гнев и возмущение. Поднялся невообразимый шум, слышались ругательства, непристойности и проклятия. Но никто толком не знал, что произошло и по какому маршруту будут направлены поезда, идущие на Москву. Именно в таких условиях среди возбужденной толпы рождаются слухи и сплетни. Погибло столько-то, ранено значительно больше...

Впрочем, пора вернуться в двенадцатый вагон, в шестое купе.

⁹ Необходимо торопиться. Мы должны завтра быть в Москве. Речь идет о больших деньгах. Найдем автомобили (арм.).

Юлия Боярова ждала господина Алтынова. Его отсутствие она чувствовала теперь всей душой. Ей становилось все более безразлична история, связанная со специальной миссией. Она отходила на второй, на дальний план. Она вытеснялась из сознания фразой, словно бы вскользь брошенной господином А.: «Я пригласил на борт поезда священника для нашего венчания». «Он сумасшедший, — думала барышня, — он какая-то бестия. Приглашать попа в вагон для брачного обряда? Тотальное помешательство! Но что делать, как себя вести, если он действительно доставит священнослужителя в поезд? А он наверняка осуществит свою идею. Его совершенно безрассудные мысли о браке на сто дней — это насмешка, издевательство или искреннее намерение? Согласиться, позволить себя мистифицировать и в процессе совместного проживания наблюдать за развитием событий или включиться в эту игру чувств и безрассудства? Собственно, чем я рискую? Я хочу быть с ним, я влюбилась в молодого врача и отъявленного повесу одновременно.

Он волшебник или авантюрист, он святой или прохвост, он Бог или дьявол? Но я влюбилась в него, я хочу, я жажду быть с ним. Если ради денег я дала согласие на дорожную авантюру, таящую в себе, видимо, серьезнейшие проблемы с законом, то имею ли я право пренебречь его пусть сумасшедшим, пусть фантастическим предложением венчаться прямо здесь, в поезде? Конечно, нет! И еще раз нет! Даже если предстоящая процедура — его игра, вымысел. Я отдам себя полностью во власть его фантазий и грез, приму любое его предложение. Сто дней счастья — отличная монета в копилку собственной судьбы. Пусть всего сто дней!»

«О чем мечтаешь, подружка?»

Ей совершенно не хотелось отвечать, вести разговор со своей партнершей по экспедиции. Она с нетерпением ждала господина Алтынова, а его все не было. «Юлия?» — «Я думаю о завтрашнем дне. Что делать дальше?» — «Сегодня поздно ночью получим гонорар — по триста долларов. Завтра можно потаскаться по бутикам. Мечтаю купить себе купальник из

коллекции “Дикая Орхидея”. Честно говоря, до конца июля я готова сделать еще три рейса. Подзаработаю денег и поеду отдыхать в Анталию. Поедешь?» — «Видимо, нет». — «Ты все об Алтынове?..» — «Каждый о своем. Но спецкурьером я больше выступать не хочу». — «Где найдешь работу, на панели?» — «А что, совсем неплохая альтернатива для нарушительницы уголовного кодекса. С панели в каталажку не забирают. А из нашего бизнеса — прямая дорога в тюрьму». — «Здесь — каторга, там — СПИД!» — «Как найти себя молодой женщине? Устроишься к хозяину — в лавку, в бутик, в ресторан, пиццерию — везде он желает получить не только твое умение и знания работника, но и твое тело. Государственной службы почти нет, но кому удастся устроиться в мэрию, к муниципалам, в федеральное ведомство — тот должен жить со столоначальником. Иначе — выгонят. Заняться наукой без спонсора-любовника невозможно, нет государственного финансирования, стипендии хватает на два дня питания; наняться к бандитам — от них ведут две дороги:

в тюрьму или в могилу; самостоятельно вести бизнес — необходимы финансовые ресурсы. Круг замыкается. Любой выбор — отрицательный. Остается только уповать на сказочный сюжет сновидений — встретить богатого принца, который влюбится в тебя и на руках унесет в счастливую жизнь». — «Ты очень требовательна к правам свободы личности. У тебя совершенно не российская ментальность. Что тебя раздражает — меня успокаивает. В национальном быту ты видишь порочность круга, я — успокоенность, вековую традиционность. Я знаю, как вести себя в российском мире, ты же растеряна и не удовлетворена. Все, что причиняет тебе страдания, существовало у нас во все времена и эпохи, и эта одинаковость, статичность меня больше всего радует. Я могу планировать, я выстраиваю свою линию поведения, я использую все ситуации с выгодой для себя — и фундаментом этого является мое знакомство с персонажами, с их сердечной и душевной структурой, с их образом мыслей и их внутренним миром. Все пороки наших

русских господ, если ты обладаешь необходимым умом, можно великолепно обернуть себе на пользу. Расскажу я тебе об одном характерном эпизоде, который произошел со мной после окончания школы. Я начала работать рассыльной при районном прокуроре. Мне было восемнадцать. Ему — тридцать пять — сорок. Мужчина без особых достоинств и привлекательности, однако начальник. Он хотел получить мое тело и как-то сказал мне: “Завтра меня не будет. Я целый день буду ездить по делам, а вечером, чтобы восстановиться, отправлюсь на дачу. Не хочешь помять мою спину, чтобы ласковым массажем дать энергию своему покровителю? Разбудить его сердце, всколыхнуть желания грешника”. Другая бы напугалась или оскорбилась, я — нисколько. Я стала думать, как использовать эту ситуацию. Если я откажусь — он выгонит меня с работы, если соглашусь — начнет приставать и лезть в объятия. Я нашла третий путь: сесть ему на голову и атаковать его мужские чувства. Я стала играть роль взбалмошной девицы, которая

мечтает соблазнить начальника. “Патрон, — сказала я, — мне больше нравится, когда меня массируют, ноги и спину покрывают поцелуями. А вы из тех крепких мужчин, которые эротическим чувствам отдаются глубже, чем семейным привязанностям. Своей нежностью вы сможете добиться, — продолжала штурмовать я его, — чтобы мое упругое, ненасытное тело принадлежало вам. Но я потребую от вас больше, чем вы думаете. На семью не хватит сил, на работу — желания, карман опустеет, как картофельное поле после налета саранчи. Я, как вампир, вопьюсь в ваши губы и тело, чтобы утолить свою жажду близости с начальником. Это — высшее удовольствие: принадлежать не просто мужчине, но патрону! Если в кабинете нельзя вас победить, то в постели вы запляшете под мою дудочку. Я давно мечтаю вывернуть вас наизнанку и посмотреть, на что вы способны. Попробуйте обнять меня со всей силой вашей пылкой страсти. Когда захрустят мои косточки — я пойму, что вы дарите мне женское счастье”.

Прокурор испугался меня, как борзые псы — грома и молнии. Он ретировался и больше никогда не проявлял активности. Когда мы встречались, я старалась пылко стрелять в него глазами; он посылал мне испуганные знаки и исчезал, проваливался в стены, как привидение. Представляю, что было бы с тобой. Ты бы со страхом в душе приняла его приглашение прибыть на дачу и, задыхаясь от омерзения, стала бы его массировать. В слезах, как спиленное бревно, ты отдалась бы ему и корила бы свою гадкую судьбу. Я же из этой истории вышла победительницей! Необходимо работать на поле противника его же приемами, но в гипертрофированно-циничной форме. Я научилась этому от своей матери, она — от своей. Из поколения в поколение передавались эти навыки. По материнской линии я восхожу к известному семейству Саул из Бердичева. По отцовской я — из потомственных военных Дюкро. И материнские, и отцовские предки учили своих детей разным приемам защиты от любой формы агрессии. А кто были твои предки?» — спросила она Боярову.

Юлия не торопилась с ответом. Поезд сбавлял ход и подходил к станции «Лиски». В купе воцарилась тишина. Барышня Дюкро ждала ответа от своей партнерши Юлии Бояровой. Вдруг молоденькие дамы услышали голос чиновника чугунки: «Уважаемые пассажиры! Наш скорый поезд номер девять “Тихий Дон” “Ростов — Москва” прибыл на станцию “Лиски”. Вынужден вас огорчить: впереди — крупная авария. Центральная диспетчерская направляет наш поезд на Волжскую железную дорогу. Нам подберут маршрут, по которому мы будем двигаться до конечной станции. Вас ожидает большая трата времени. Для вашего удобства стоянка поезда на станции “Лиски” продлена до пятнадцати минут. Следующая станция — “Поварово”. Затем — Пенза. Мы будем сообщать вам о дальнейшем пути следования нашего поезда. Спасибо за внимание».

«Что, мы не попадем в Воронеж? — в сердцах вскричала Эстер Дюкро. — Необходимо срочно бежать к директору за консультацией». Барышня спешно покинула купе.

Сердце Юлии Бояровой забилося, как пойманная птица. Она поняла, что наступает какая-то необыкновенная, может, даже страшная развязка. Что же будет с их планами?

Пензенский артист, пятидесятилетний Алексей Алексеевич Пирожков, в вечернем часу — красный диск солнца еще не дошел до горизонта, было около половины девятого — совершенно неожиданно для себя получил работу. Это необычайное, прямо-таки чрезвычайное известие принес ему чиновник городской пожарной части, потрепанный жизнью, скудным рационом питания и обильным потоком дешевого картофельного самогона, сморщенный мужичок. Более пяти лет Пензенский драматический театр был почти закрыт. И господин Пирожков, мужчина очень даже оригинальной наружности, был занят своим любимым ремеслом лишь несколько дней в году: он удачно играл деда Мороза на городских новогодних елках и посыльного, разносящего в смокинге поздравительные букеты и подарки от новых

русских знатым дамам города в день 8-го Марта. Все остальное время господин П. беззвучно грустил. Как грустят русские люди — известно всем, но как печалился господин П., было бы любопытно узнать, потому что делал он это необыкновенно. Можно предположить, что во всем мире такого чудака, пожалуй, и не было. В послужном списке областного актера было немало ярких и выразительных ролей: в «Женитьбе» господин Пирожков играл сразу аж двух персонажей — экзекутора Яичницу и Степана, слугу Подколесина. Вдохновенное, прямо из глубины души вырывавшееся гоголевское «Да, конечно, лучше, если бы она была умней, а впрочем, и дура тоже хорошо. Были бы только статьи прибавочные в хорошем порядке» стало крылатым, самым любимым выражением во всем послегайдаровском губернском городе. Но что особенно примечательно, мужская часть Пензы цитировала классика с фонетическими особенностями господина Пирожкова, а женская твердо и самостоятельно решила отредактировать автора «Женитьбы» и поменять в

философском высказывании коллежского ассессора Ивана Павловича ну самую малость — род человеческий. Поэтому очень многие молодые дамочки этого замечательного российского поселения на реке Суре используют это выражение и по сей день в своих образных целях. В «Ревизоре» он на «бис» играл отставного чиновника Растаковского, в специально сшитом костюме, как бы ненароком напоминающем верхнее платье столоначальника губернского земельного комитета, местного щеголя и транжиры. В пушкинской «Метели» он репетировал корнета Дравина, в «Трех сестрах» Чехова играл Ферапонта, в «Короле Лире» — Джентльмена из свиты Корделии, в «Отелло» — запыхавшего гонца. Пробовался в «Анне Карениной» на роль священника; выразительно, ну прямо как истинный этнический немец, с типичной картавинкой играл в «Маскараде» Адама Петровича Шприха, а в «Офицере флота» Крона удачно, с особым, неизвестным пензенцам юмором сыграл матроса Соловцова, после чего его якобы приглашали в Москву на пробы роли Чон-

кина Владимира Войновича. Он сыграл и готов был еще исполнить множество пусть мелких, но выразительных ролей, мечтал даже сыграть Банко в «Макбете» и Мармеладова в «Преступлении и наказании». Уже несколько лет собирался написать собственную пьесу «Сурская элитная любовь», но времени никак не хватало. Впрочем, помимо ролей на сцене Алексей Алексеевич Пирожков имел одну длинную, яркую роль в собственной жизни, и она исполнялась им великолепно, на ура! Корифеям отечественной сцены никак не удалось бы сыграть лучше. Это была поистине великая выдумка и гениальное исполнение скромного русского человека. Примечательная идея заключалась в следующем: при коммунистах артистов было много, а получали они мало. На жизнь не хватало. Постоянный дефицит в средствах однажды ранним утром 198... года натолкнул Алексея Алексеевича Пирожкова на очень даже загадочный диагноз — kleptomанию. Прочел он описание болезни и захворал своей новой идеей. Его чрезвычайно заинтересовало патологическое

влечение некоторых лиц, не находящих в себе сил противостоять соблазну присвоения чужих вещей. В воспалении ума их охватывает такая жадность, такое страстное возбуждение, что они совершенно забывают о моральных принципах, не чуждых им, о возможности разоблачения и вероятных его последствиях, и без разбора тащат и прячут все, что попадает под руку. Поиманные, они заявляют, что сами не могут объяснить, как это с ними случилось, что ими как будто руководила какая-то потусторонняя сила. В ряде случаев, однако, несомненная патология поведения kleptomанов подтверждается бессмысленностью их краж, которые становятся как бы самоцелью. Купленные или полученные в подарок вещи не доставляют такого великого удовольствия, как украденные. Нередко kleptomания стоит в несомненной связи с одновременно возникающим половым возбуждением. Оно связано со страхом быть уличенным, достигая иной раз степени оргазма именно в момент поимки... И вот Пирожкова посетила, казалось бы, вздорная, но очень практическая

мысль: а почему бы для более высокого достатка и пополнения собственного бюджета не стимулировать развитие симптомов kleptomании? «Ты получишь не только улучшение материального благосостояния, — шепнул ему тогда его внутренний голос, — но и постоянную, на всю жизнь, всегда на новых сценах, с непременными импровизациями, очень даже завидную роль». И Алексей Алексеевич начал действовать. В первый раз, находясь у своих приятелей — милейшей супружеской четы, — он унес пару чулок и разные по фасону туфли, чтобы таким образом подбросить легенду о бессмысленности кражи, а значит — первых симптомах kleptomании. Господин Пирожков принес украденные вещи домой и бросил их на диванчик, самое видное место в его однокомнатной холостяцкой квартире. Приятели, у которых он вынес незатейливые предметы, через два дня вечером навестили артиста. Каково же было удивление супружеской четы Плавунцов, когда они увидели, что на столике их поджидают бутылка шампанского, графин-

чик с водкой и закуска, а на диване небрежно лежат чулки и совершенно разные туфли славленной госпожи Плавунец! Супруги растерялись и стали наблюдать за чрезвычайно обходительным и обаятельным артистом. Пирожков в тот вечер читал Блока и Маяковского, говорил о Константине Симонове и Станиславском. В конце вечера Плавунцы поняли, что с этим милашкой Пирожковым не все в порядке, если он уносит из чужих домов чулки да обувь и при этом не испытывает никакого стеснения от того, что они лежат пред глазами владельцев. В городе пополз слух, что артист Пирожков очень добрый малый, но как-то душевно и неприлично болен. Артист повторял похожие сюжеты несколько раз, пока не убедил окружающих в своем странном нездоровье. Пирожкова хотели было отчислить из театра, но за него вступился тогдашний партком. Почему партком? Алексей Пирожков для отработки идеи, согласно которой его патологические проявления имеют идеологическое основание, стал выносить из театральной библиотеки тома

коммунистических классиков и партийных лидеров: Ленина, Маркса, Брежнева, Черненко, Ельцина. Работники библиотеки, по дружбе посещавшие его квартирку, легко находили эти книги. Пирожков так старательно и вдохновенно играл придуманную себе роль, что весь город — от участкового милиционера, прокурора и мэра города до соседских мальчишек — знал, что в Пензе есть своя достопримечательность: господин Пирожков, артист драмтеатра и оригинальный клептоман. Вообще-то российский народ уже привык, что именно артисты могут оказаться кем угодно, что все они — очень подозрительная публика. Более двух лет господин П. работал вхолостую, убеждая свое окружение, что в его кражах нет никакого смысла. Но после того, как каждый житель Пензы мог поклясться, что Пирожков бессребреник, Алексей Алексеевич медленно, но все более уверенно стал зарабатывать на своем общепризнанном диагнозе. Крал он обычно в продовольственных магазинах, причем по мелочам: бублик, банку консервов, пакет гречки, упаковку сахара, бу-

тылку. Единственное, что он себе позволял, когда шел на крупную работенку, — пару туфель. Господин Пирожков так часто страдал от нехватки обуви, что теперь, когда образ клептомана утвердился в сознании публики прочно и основательно, он беззастенчиво входил в обувной магазин и забирал с прилавка нужный ему размер самых модных мокасин. Уже после первых месяцев работы на себя господин Пирожков стал ощущать, что актер — это весьма прилично оплачиваемая профессия. Слава Богу, запросы и аппетиты Алексея Алексеевича не росли, и он привычно тянул в глубокой печали свою роль клептомана уже более пятнадцати лет. Когда же театр закрылся как бы на ремонт и ежемесячную зарплату Пирожков получать перестал, он загрузил основательно, потому что ему все чаще приходилось использовать авторитет известнейшего клептомана. Он грустно ходил среди магазинных прилавков, запихивая в карманы необходимые продукты питания. От привычки воровать обувь честнейший артист давно отказался. В донашивании

старой обуви господин Пирожков видел гротеск поворота своей судьбы.

Именно в это кризисное время чиновник пожарного ведомства Никанор Григорьевич Пуговкин, с лицом, похожим на пергаментную бумагу, принес господину Пирожкову ошеломляющую новость: есть интересная работа, и платят за нее аж триста долларов. И он, Пирожков, подходит для нее как никто другой. Пожарный, правда, не забыл немедленно потребовать свои десять процентов комиссионных, а для обмывки доброго дела — целых сто граммов, чтобы настоящим образом вспомнить все подробности невероятного предложения. «Да ты, дружок Никанор, можешь не рассказывать, какая ждет меня работа. За триста долларов я сделаю все, что попросят. За такие деньги я смогу из рогатки убить голубя, плюнуть на губернатора, поджечь книги Чехова, жить с грызунами в крысиной норе и голосовать за Жириновского. В моем мире не существует ничего такого, что заставило бы меня отказаться заработать такой капитал. У нас в Пензе это же

целое состояние! На эти деньги можно неплохо прожить целый год. Только одно сознание, что я заработал триста долларов, делает меня на несколько лет счастливым. И взять в руки такую сумму надо публично, чтобы все знали, что в городе появился новый русский — артист областного театра Алексей Пирожков. Дай я поцелую тебя, мой друг Никанор Григорьевич!» И, прослезившись, господин П. сжал сморщенного маленького пожарного в своих мощных объятиях. «Можно, блин, вставить словцо?» — прошепелявил господин Пуговкин. «Говори, дружок!» — смахивая с глаз слезинки, позволил Алексей Алексеевич. «Заказ на работенку такой: потребовали, блин, обвенчать прямо в поезде молодую пару». — «Не понял... Что им, шафер нужен?» — недоуменно раскрыл глаза господин Пирожков. «Священник, блин!» — тонким голоском выкрикнул пожарный. «А я тут... — господин Пирожков запнулся, помолчал, потом восторженная улыбка коснулась его губ, глаз, всего лица и он вдруг, в каком-то радостном отчаянии, воскликнул: — Я должен

был играть в “Анне Карениной” священника на венчании Левина и Кити... Вольное переложение романа молодым драматургом. Помешали бюджетные проблемы театра. И вот, через девять лет! “Обручается раб божий Константин рабе божьей Екатерине”, — запел церковным голосом господин П. — Слушай, дружище, а почему они не хотят взять настоящего священника?» — «Сегодня светский праздник. Священников, блин, нигде нет. Мне пришла в голову мысль откомандировать тебя. Если молодожены так торопятся, пусть их венчает артист. Ты православный?» — «Крещен на Яблочный Спас!» — «Тогда проблем не должно быть. Так наливай же!..»

Господин Пирожков восторженно засуетился. Он стал разгуливать по своей комнатке и, теребя указательным пальцем ушную раковину, радостно размышлял: он востребован! Пусть даже по счастливой и нелепой случайности, но у него появился отменный, дарованный Небом шанс раскрыть свой актерский талант на совершенно новой площадке — в вагоне, в

купе поезда! Привычный к неудачам, к тяжелой борьбе за средства и формы существования, преданный своей актерской профессии и чрезвычайный оптимист, господин Пирожков с той самой минуты, когда осознал всю авантюристичность полученного предложения, почему-то глубоко уверовал, что есть какая-то таинственная связь между последней, не сыгранной, но до мелочей подготовленной ролью священника в «Анне Карениной» и упавшей как снег на голову, так великолепно оплачиваемой ролью священника, венчающего на колесах чугунки союз любви. Еще минуту назад на него жалко было смотреть. Растерянный, с отсутствующим, затуманенным взглядом, измученный тоской, он безучастно, без досады, возмущения и радости наблюдал за меняющимися картинками телеэкрана — и вдруг такой захватывающий финал ничего не обещавшего июньского вечера! Триста долларов за работу, которую он знал, в которую был влюблен всю жизнь, которую готов был выполнить в любую секунду, — перевоплотиться, на мгновения стать другим, с чужим именем, днем

рождения, платьем, заботами и багажом знаний. В душе артиста Пирожкова молекулы страсти стали разгоняться с какой-то космической скоростью. Это свое состояние Алексей Алексеевич любил самозабвенно. Да что может быть милее сердцу русского человека, чем азарт душевной страсти! Надо помнить, что kleптомания была рождена в его сознании как феномен необузданного актерского стремления к вечной игре и совсем немного была связана с практической стороной. Буквально задыхаясь от восторженности, слепо отдавшись безумству чувств, он, православный, совершенно не обратил внимания на предстоящее святотатство, осквернение литургических канонов и Божьих заповедей. Он, как игрок сцены, увлекся лишь самой интригой предстоящего действия, его авантюристическим сценарием и возможностью бросить свой, по его мнению, необыкновенный талант на алтарь профессии.

«Милый друг, Никанор Григорьевич, — взмолился он, — помоги мне через твои пожарные связи открыть костюмерную, чтобы

взять стихарь, лиловую рясу, камилавку и орарь, сшитые на меня девять лет назад. Там и оловянный крест, и Евангелие. Подумай, брат, своей головкой, как рабочую одежду вытащить, одолжить на денек-другой. Бог даст, может, эта роль и дальше пригодится. Так что, если десять процентов требуешь, помогай, дружок Никанор, создай условия для успешной работы, стань моим антрепренером, агентом по организации публичных зрелищ на свадьбах и отпеваниях, в местах, где церкви порушены, а попов с лампадкой не сыщешь. Но поп без рясы — что Россия без Москвы, что храм без клироса, что женщина без любви!» — «За такое дельце, ты, блин, мне еще десять процентов прибавь, агенты нынче деньги зарабатывают крутые. Согласен мне двадцать процентов платить? К твоей поповской униформе, для гарантии твоей безопасности, я еще брендспойт поставлю». — «Согласен, согласен! — рассмеялся господин Пирожков. — Когда мне на вокзал подойти, готовым быть, бороду, усы приклеить, по ризе орарь пустить?» — «Ты бы

о текстах думал, Пирожков, простыми словами венчать не положено, тут, блин, специальные слова требуются». — «Я, Никанор, как вчера все помню, а уже прошло девять годков, как роль заучивал: “О еже ниспослатися им любви совершенней, мирней и помощи, Господу помолимся”», — молитвенным басом пропел Алексей Алексеевич. «Еще чего-нибудь, Пирожков...» — взмолился пожарный. «Боже вечный, расстающихся собравый в соединение и союз любви положительный им неразрушимый, благословивый Исаака и Ревекку, наследники я Твоего обетования показавый; сим благослови и рабы Твоя сия, Константина, Екатерину, наставляя я на всякое дело благое. Яко милостивый и человеколюбец Бог еси, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки ве-ко-о-в», — разлился мощный открытый бас областного артиста. «Ты даешь, блин, как настоящий владыка! Я вот что, Леша, подумал: у тебя, брат, это чудесная мысль родилась, да чтоб, блин, не зачахла — в дальние деревни на свадьбы и поминки ездить. И людям

слово Божье будем доносить, и свой достаток пополним... — лицо Никанора Пуговкина от неожиданной глубокой радости еще больше сморщилось в улыбке, напомнив мордочку мопса. — В ноль двадцать мы встречаемся с заказчиком на вокзале. Он вручит тебе обручальные кольца, даст билет до Красного Узла и назад и деньги». — «А невеста где?» — «Жених и невеста уже давно в поезде. Заказчик, блин, — друг жениха». — «Пошел, неси, Никанор, платье священника! У меня осталось совсем немного времени до выхода на сцену — около трех часов. Пылкая любовь не терпит отлагательств! Мне хочется вовремя сказать сегодня сакраментальные слова и венчать возлюбленных хождением вокруг аналая».

«Это был самый восхитительный спектакль в моей жизни, — Яна Врубельская смотрела на господина Алтынова опьяневшими от счастья глазами. — Вы играли как самый настоящий дьявол, утонченнее, чем Гир, вдохновеннее, чем Гибсон. Если бы я наблюдала за

вами из зрительского зала, я аплодировала бы каждому вашему жесту и слову, движению и реплике. Одноактный сценарий был просто великолепен, столько динамики, экспрессии! Вы перещегооляли сегодня Агату Кристи, Конан-Дойля и Жоржа Сименона. Но сознайтесь, Юрий, и я была роскошна...» — «Как Джулия Робертс! Вы тоже вписали этим вечером блестящую страницу в историю российского и мирового камерного театра. Без репетиций, вы изящно вошли в роль и своим гипнотическим напором, неистовым талантом напомнили мне Фаину Раневскую». — «Molto grazie, dottore!» — «Prego, signora!» — «Как часто пишете вы такие замечательные сценарии?» — «Вы имеете в виду — с доходным финалом?» — «Вот именно! Лучше не скажешь». — «Чаще, чем встречаю таких очаровательных женщин, как вы». — «Вы мне льстите». — «Нисколько. Я действительно доволен вами. Вот, возьмите свою часть профита. Здесь полторы тысячи долларов. Это ровно пятнадцать процентов от вырученной суммы. Расходов на организацию спектакля у

нас не было, так что высчитывать нечего». — «Я не привыкла носить с собой такие огромные суммы». — «Приучайтесь — очень полезная привычка». — «Я же говорила: меня ограбят местные сутенеры». — «Человек, владеющий деньгами, должен быть осмотрительным. У меня есть идея!..»

Они стояли в тамбуре скорого поезда «Тихий Дон» «Ростов — Москва», напоминая влюбленную парочку. Вокруг них суетились пассажиры, выносящие багаж из вагона, покрикивали проводники, шныряли носильщики. Местные торговки разносили по перрону домашнюю кулинарию. «Это ваша выдумка — поменять маршрут движения поезда? — бросив на своего директора театра интригующий взгляд, спросила госпожа Врубельская. — Она, конечно, придумана не для пилотного проекта пьесы “Бриллиантовые слезы под музыку Арама Хачатуряна”?» Ее голубые глаза сверкали азартным любопытством. «Минутку, пожалуйста... Я заканчиваю писать новую пьесу». — «Как, уже новую?! — рассмеялась молодая особа в

белоснежной блузке. — Сколько же денег мы будем зарабатывать?..»

«Мы станем постоянно играть, — ответил господин Алтынов. — Название новой одноактной пьесы — “Букмекерский экспресс”. Сюжет простой, но весьма захватывающий. Персонажи спектакля: молодая элегантная дама, молчаливый господин, читающий Гиляровского в коридоре вагона, проводники, пассажиры. Драматургия: женщина-букмекер принимает ставки от желающих участвовать в пари о точном пути следования скорого поезда номер девять “Тихий Дон”, который по техническим обстоятельствам сошел с основного маршрута и направлен обходным путем в столицу. Пассажирам известны лишь две следующие станции — “Поварово” и “Пенза”. Через какие города проследует поезд дальше на Москву? Вот суть пари. Первым, кто делает заклад, оказывается Ваня Бородин. Его убеждает прелестная букмекер Жанна Бичерская поставить закладную на свою версию маршрута. Молодые люди громко ведут диалог в коридоре поезда, привлекая внимание других

пассажиров. Список желающих делать ставки растет. В банке уже несколько тысяч долларов. Бичерская самостоятельно выбирает себе двух помощников из играющей публики. Эта тройка делит между собой десять процентов комиссионных от всей суммы закладных. Минимальная ставка заклада — десять долларов. В составе семнадцать вагонов. Пять из них СВ по восемнадцать человек — это девяносто. Минус тридцать процентов сошедших с маршрута. Округляем — шестьдесят человек. Девять купейных по тридцать шесть — это триста двадцать четыре, минус десять процентов сошедших. Итог: двести девяносто пять. Пассажиров плацкартных вагонов не считаем. У нас триста пятьдесят пять человек. Пессимистический прогноз: играет только двадцать процентов. Это — семьдесят два пассажира. Пессимистический прогноз по ставкам: минимальная средняя ставка — сто долларов. Тогда в банке семь тысяч двести долларов. Оптимистический прогноз: играет каждый второй, по средней ставке двести долларов. В кассе тридцать пять тысяч четыре-

ста долларов. По данным Любочки Погони, в составе очень много богатых людей. Мы в дороге уже более десяти часов. Известие об изменении маршрута взбудоражило пассажиров, но очень ненадолго. Стук колес и отсутствие азартной идеи будет вызывать у них беспредельную тоску. Тут появляется очаровательный букмекер Жанна Бичерская. Ее великолепный талант общения с людьми творит чудеса: в букмекерском банке около ста тысяч долларов, которые забирает Иван Бородин, отгадавший точный путь следования поезда. Он же — мужчина, читающий Гиляровского».

«Ты бесподобен! Я влюбляюсь в тебя, директор!» — воскликнула Врубельская, коленом пнув его в живот. «Минутку, прошу вас ознакомиться с канвой интриги будущих событий в вагонах поезда. Прием ставок заканчивается за двадцать минут до Пензы. Молодой человек, читающий Гиляровского, деликатно и ненавязчиво помогает букмекеру, однако на публике они суверенны, и каждый отстаивает свои интересы. В этом сценарии много импровизации. Автор в

силу специфики театра на колесах и жанра пьесы не может расписать в деталях диалоги между букмекером и будущими участниками пари. Режиссер спектакля надеется на высокий актерский профессионализм героини, а автор пьесы, чтобы помочь главной исполнительнице, оставляет за собой функции суфлера. Его подсказки ждите услышать не из ямы, а прямо у вашего уха или, языком пантомимы, из различных углов вагона. Чтобы добиться полного зрительского успеха, вы должны очаровать и водить за собой совершенно разные типы участников пари: саркастический — молодого человека, читающего Гиляровского; алчный — около сорока лет, выбирайте мужчин с небольшими ушами, не ошибетесь; простофилю — любого возраста, но обязательно худого верзилу. Часть инициативы и работы смело передавайте персонажам, на которых укажет ваша творческая интуиция, и лишь деньги берите только сами и только в свою сумку. Лично записывайте, кто, сколько, на какой маршрут поставил закладную. Комиссия букмекера — десять процентов.

У кого нет денег, можно принимать закладную ценностями, но не больше пятидесяти процентов от номинала. Даже лучше начинать с тридцати. Упрямая торговля — лучший признак реальности происходящего и важнейший прием возбуждения азарта. Понятно? Например, кто-то не имеет наличности, но желает сделать ставку и предлагает царский золотой червонец. Его стоимость — семьдесят долларов. Ты предлагаешь принять его за двадцать. Соглашаешься за двадцать пять! Пожалуй, все. Даю пятнадцать минут на подготовку к спектаклю. Надобно расспросить Погоню, в каких вагонах едут богатые люди. Это я возьму на себя. Я уже тебе говорил, что со мной едет моя невеста. Хочу ее повидать. Бедняга скучает». — «Какая невеста, директор? Вы совершенно не созданы для супружеской жизни!..» — «Милочка! Свадьба — это моя собственная двухактная пьеса. Жанр моей жизни постоянно требует от меня влюбленности. Встречаемся в двенадцатом вагоне, у проводницы Любочки». — «Двухактная пьеса “Свадьба” — это тоже деньги?» — «Любовь». —

«Актер желает понять замысел автора до начала спектакля: героиня пьесы получает гонорар в десять процентов как букмейкер и пятнадцать процентов — как штатный сотрудник камерного театра? Итого — двадцать пять процентов от выручки». — «Неверное толкование. Роль букмейкера — обязанность творческого работника театра. Пожалуйста, не читайте сценарий в свою пользу. Не пытайтесь изменить наши тарифы. Думайте о роли».

Ревностный, одержимый почитатель тотальной игры во всех ее ипостасях, господин Алтынов второпях, по-дружески обнял молодую женщину, бросил ей воздушный поцелуй и со словами «Grazie, signora» скрылся за тяжелой дверью вагона.

В пропахшем дешевыми сигаретами и углем тамбуре воцарилась тишина. Яна равнодушно задержалась здесь, среди облезшего металла, возле грошового блеклого щитка с изложением правил поведения на российских железных дорогах, ненадолго — скорый поезд номер девять «Тихий Дон» стал отходить от

станции «Лиски». Слабый стук колес медленно ползущего поезда совпал с ударами возбужденного сердца Яны Врубельской и вызвал у молодой дамы совершенно новые размышления. «Сущность многих приключений и авантюр заключается в ранжире чистоты душевных помыслов, — пришло ей на ум. — Душа моя уже давно рыдает, а тело бьется в судорогах сервиса, который я вынуждена оказывать. Еще два года такой беспросветной жизни — и мое здоровье угаснет, как солнце на закате».

Чем больше она грешила — тем чище, одухотвореннее становилось ее сердце; чем чаще она делила с кем-то постель — тем лучше, явственнее подчеркивался румянец девственности на ее щеках и аристократичная белизна кожи; чем усерднее она пила — тем трезвее, прозрачнее становился разум. Это было явно не от Бога, не от логики; в этом проглядывала усмешка дьявола, его мистифицирование, ловушка. И вдруг — 12 июня — такой новый поворот судьбы! Одна загадочная сцена сменяет другую; насмешливые губы, дьявольские глаза,

ангельская чистота в общении, Божественный дар — кто он, этот Алтынов? Этот господин, рожденный с ней под одним знаком Зодиака — предвестник смерти или воскрешения души? Маятник исцеления или капельница абсолютного отравления? Как выпрыгнуть, унести, показать пятки этой российской действительности? Может, действительно остается только одно утешение — игра. Игра тотальная! Алтыновская! Бесспорно, состоять в его театре драмы и комедии небезопасно: перелом челюсти, откушенное ухо, выбитый глаз, ссадина на ягодице — профессиональные травмы, по которым не выписываются больничные листы. Но что другое можно взять сегодня у жизни? Из всех ожидаемых зол сама судьба выбирает камерную труппу господина Алтынова. Это действительно лучший выбор из всех возможных предложений. Маску куртизанки приходится прямо по ходу менять на личину артистки авантюрной сцены, мораль блудницы — на кодекс плута, образ жизни дамы полусвета — на стиль шикерии «World Class», профессиональную

спутницу, резинку немецкой фирмы «Sico» — на страницы книг издательства «Вагриус».

Нынешняя выморочная российская действительность сделала из юной барышни Яны Врубельской, влюбленной в музыку и высокие художественные образы, обладающей даром творчества, жесткого, циничного и прагматичного человека. Но ее непристойность была лишь внешней защитной оболочкой, а прагматизм не был вульгарен. Она стала предпочитать быстрые решения и действия, не терзаясь раздумьями о достоинстве и чести. Несколько лет назад она решилась принять вызов судьбы и больше никогда не упрекала себя за свои поступки. Молодая дама научилась без интереса относиться к любопытству местного бомонда и совершенно не думать о собственной репутации. Когда она смотрела на себя в зеркало, ее глаза были абсолютно сухими, а на губах играла двусмысленная улыбка. Она уже научилась различать свидания с высоким нравственным началом, существующим в мечтаниях, в красивых словах проповедников, и — постоянную,

непрекращающуюся борьбу с суровой реальностью жизни.

Сейчас госпожа Врубельская начинала новую партию. Она по велению судьбы меняла привычные декорации своей жизни на совершенно новые. Справившись с лихорадочным возбуждением, сказав себе: «Давай, принимайся за работу!», она стала пробираться в двенадцатый вагон.

Юрий Алтынов вбежал в шестое купе. У темного вагонного окна сидела Боярова. Он бросил на нее взгляд, полный нежности и любви. Такие взгляды обдают барышень жаром, сжимают сердце, воспаляют душу. Многие молоденькие женщины умеют читать в таких дерзких глазах требование немедленной близости. Юрий Алтынов испытывал настоятельную необходимость прижать Боярову к своей груди, расцеловать ее покрытое легкими веснушками лицо, ее миндалевидной формы глаза. Он пылко обнял ее и дал волю страсти. Боярова не успела, а потом уже не могла сказать ни единого слова.

Его жаркие губы лишили ее мужества и рассудительности. Он уже стаскивал с нее голубую блузку, когда в купе вошла Эстер Дюкро.

Эта молодая особа была благоразумным человеком. Она старалась держать себя в рамках приличия и сделала вид, что совершенно ничего не замечает, — искусство перевоплощения даровано женщинам самим Богом. Барышня Дюкро заняла место напротив и стала рыться в дорожной сумочке. Опьяненный сладостью любовного порыва, молодой ростовчанин вскочил, закрывая собой полуобнаженную возлюбленную. Голова его кружилась от избытка адреналина, все мускулы были напряжены и натянуты, как скрипичные струны. Воцарилось молчание, которое прервала Эстер Дюкро: «Нам пора начинать собираться. Через пятьдесят минут мы должны выходить на станции “Поварово”. Юля, не забудь взять у проводника билеты. Без них бухгалтерия не сможет учесть наши транспортные расходы. Господин врач, а мы решили, что вы вышли в Лисках. Очень приятно видеть вас снова. Юля, пожалуйста,

собирайся. Мне необходимо переодеться. Будьте любезны, господин Алтынов, оставьте нас с Юлей одних».

«Она с вами не сойдет», — твердо сказал молодой человек. «Да! Я останусь с ним», — заявила Боярова. «Не навлекай на себя беду. Успокойся. Оставь ему свой адрес. Если захочет, он за тобой приедет». — «Она поедет со мной, и помешать этому никто не сможет». — «Юля! Предупреди молодого человека, что у него очень скоро начнутся неприятности. Пусть он тебя оставит. Всем будет лучше, если вы встретитесь вновь после завершения нашей командировки. Родители учили меня с детства: если помыслы противоречат действительности, не ищи сочувствия и сострадания у окружающих». Дюкро держалась спокойно, но ее опущенные глаза выдавали волнение. «Вы взяли на себя обязанность опекать Юлию? — прервал ее Юрий Алтынов. — Большое спасибо. Когда я был здесь, я это чувствовал. Ваша высохшая душа совершенно не пыталась найти ни малейшей человеческой радости. Я понимал вас

и щадил, не расспрашивая о какой-то тайной миссии. Собственно говоря, меня она интересует только в контексте вовлечения в эту историю моей невесты. Я не раз отмечал, с каким страхом и стеснением вы говорили о вещах, о которых должны были умалчивать. Ваша ответственность за порученное дело вызывала у меня уважение. Размышляя над ситуацией, я пришел к выводу, что вы можете стать главной фигурой, способной разрешить клубок проблем, вставших на нашем пути. Через два часа в Пензе к нам в вагон приглашен священник, который будет проводить обряд нашего венчания. Милая Эстер, мы с Юлией будем рады, если вы окажете нам честь присутствовать на нашем венчании, которое здесь состоится». — «Вы что, с ума сошли? Какая свадьба? Юля! О чем он говорит? Не взывайте к моему рассудку, угрызений совести из-за жертвенности вашей любви я не буду и не должна испытывать. Чушь все это! Отложите вашу щемящую душу церемонию на другое время. После окончания работы делай, что хочешь. Юрий, мы заняты серьезным делом. Поймите!

Обязательства должны быть выше любви, а долг — выше распутного эгоизма».

«Можно поговорить с вашим патроном?» — «Я не знаю, о ком вы говорите». — «Что ж, придется самому его найти. Юлия, пожалуйста, жди меня в купе». Господин Алтынов оставил молодых женщин и отправился на добычу очередного сюжета. Он, как и многие одаренные люди, не мог прожить и минуты без неожиданных поворотов в развитии событий. Молодой человек вопреки логике упорно стремился навстречу капризам собственного жребия, словно специально отыскивая жизненные ловушки.

Интуиция игрока повелела ему идти направо. Молодой человек как будто видел его перед собой: коренастого, спортивного вида, плотного мужчину с мощным торсом, мускулистыми руками и низким, покатым, упрямым лбом — разновидность культуристов с криминальными наклонностями. Такие персонажи, самодовольные и совершенно непоследовательные, как правило, получившие недостаточное образование, доставляли господину Алтынову

большое удовольствие в работе. Когда он ярким, совершенно гипнотическим языком начинал общаться с ними, они сжимали огромные кулачищи, потели всем телом и никак не могли до конца понять: подчиняются ли они этому щеголю или он сам находится под их влиянием и признает их привилегии. Природный дар предвидеть опасность, разгадывать характер и особенности противника, понимать вещи, в существовании которых исследуемый даже сам себе не признается, — преимущество и отличительная черта высших профессионалов. Таким был наш господин А.

Он постучал в последнее, девятое купе. Дверь открылась, и перед ним появилось именно то лицо, которое минуту назад мысленно представил себе молодой человек. Его способность так ясно все предвидеть напугала бы всякого обывателя. Неизвестное лицо оцепенело и покрылось бурыми пятнами, как после сильных боксерских ударов. «В чем дело?» По тону говорящего господин Алтынов понял, что здесь он получит жесткий отпор. «Вы желали

меня видеть?» — «Кто сказал?» — «Я задремал и то ли во сне, то ли наяву услышал вашу просьбу прийти к вам на поклон». — «Ну что ж, ха-ха-ха, поклонись!» — «Честь имею, московский врач-хирург Юрий Алтынов». — «Короче, чего надо?» — «Хочу выкупить у вас Боярову». — «Чего, чего?» — он раздвинул плечи и встал перед молодым человеком, как бетонная стена. «Я даю вам деньги — вы отпускаете Боярову», — господин А. не следовал общеизвестным советам не смотреть в упор в глаза зверю. «А ты ярмо бесплатно не хочешь приобрести?» — «Я принес кучу денег...» — «Кто там?» — донесся голос из купе. «Слышь, Кузьмич, здесь хирург за конопатую деньжат предлагает», — бросил верзила. «Чего это вдруг мы мамзель свою продавать станем?» — послышался высокий голос из купе.

«Я хорошо заплачу, а деньги, как известно, радость приносят. Судя по вашему мрачному лицу и синеве вокруг глаз, веселья вам явно не хватает», — обратился молодой человек к живой стене. «Сколько дает?» — послышался тот же высокий голос. «Очень большие деньги.

Зарплата хирурга за полтора года». — «Сколько же?» — «Три тысячи долларов! — шепотом сказал господин Алтынов. — Я боюсь такую сумму даже громко выговаривать». — «Нам девица рассказала, что двадцатку зелени в окно выбросил, а мне треху предлагаешь?» — «Разрешите войти в купе, побеседовать с вашим другом?» — «Проходи. Не друг он мне, охранник», — сказал сидящий в купе мужчина. Его лица почти не было видно, лишь крупный нос и впалые, широкие скулы. Слабый свет ложился ниже, обозначая небольшие пальцы с по-женски длинными ногтями и короткие, худенькие, как у подростка, ножки. «Расскажи-ка, столичный врач, для какой такой цели тебе наша мамзель понадобилась? Что ты от нее потребовать надумал: признание в грехах или клятву любви непорочной, донорский орган или участие в научном эксперименте по имплантации экзотического заболевания от Veneris — Николя и Фавра?» Скомканная фигурка мужчины сбивала с толку; казалось, что голос принадлежал вовсе не ему, а совсем другому человеку. «О, браво! Мы

коллеги?» — «Почти! Я коллекционирую раритеты». — «Большая коллекция?» — «Известная!» — мужчина искренне и проникновенно улыбнулся. «Что является особой гордостью вашей коллекции?» — «Мое собрание разбито по разделам: аксессуары великих людей, фотографии известных лиц, устные легенды, останки экзотических животных, ухищрения, применяемые заключенными при побегах из мест заключения, монеты и так далее. Что вас лично интересует? Мои экспонаты — вещи совершенно нетрадиционные». — «Прошу прощения, как может быть нетрадиционной монета?» — «Может. В тридцать первом году на строительстве Беломорканала эскизы ковали свои монеты. Самую мелкую называли “бычок”, самую крупную — “пайка”. Их выделывали из гвоздей. У меня они есть». — «А редчайшие фамилии?» — «Режепо Петр Алексеевич, крупный судовладелец из Санкт-Петербурга времен Александра Второго. Небо Роман Федорович, товарищ главного прокурора Москвы при генерал-губернаторе Великом князе

Сергее Александровиче. Леонид Федорович Смертин-Мертваго, владелец судоверфей в Архангельске». — «Красота, а не коллекция! Прошу прощения, а письма? Хотя бы пару примеров...»

«Из истории: письмо Его Императорского Величества Самодержца Всея Руси, Царя Польского, Великого Князя Финляндского, Князя Курляндского и т.д. и т.д., адресованное его брату Великому Князю Константину Павловичу. Экспонат сегодняшнего дня: письмо внучки Лаврентия Павловича Берия, Павлины Сергеевны, написанное выдающемуся криминальному авторитету Вячеславу Кирилловичу Иванькову (Япончику), с просьбой помочь избавиться от рэкетиров. В моем собрании можно встретить: литографию девяноста семи тезисов Лютера против папства сентября тысяча пятьсот семнадцатого года; медный слиток из Дофки — стоянки евреев на Моисеевом пути в Синай; третью копию письменного отречения Наполеона от всех титулов, званий и власти; розовый бивень уральского мамонта, несостояв-

шийся подарок Молотова Риббентропу; фикса переднего зуба Пантелеева — криминального авторитета двадцатых годов, потерянную им в драке в московском ресторане “Яр”; шелковый галстук и сатиновые подштанники Ленина, выкраденные из его чемодана во время исторического выступления с апрельскими тезисами на Финляндском вокзале Петрограда; огонь московских олимпийских игр, горящий в керосинке, подаренной мне раввином киевской синагоги, которая была построена на средства Лени Бродского в тысяча восемьсот девяносто восьмом году. Что оригинальное вы можете предложить в мою коллекцию?» — «Как-то все неожиданно... Впрочем, пожалуйста: несколько фантастических фокусов из прозекуры больницы, например, натуральное сердце, погибшее от редчайшего инфаркта — эмболии устья правой венечной артерии. Могу украсить вашу коллекцию тысячедолларовой ассигнацией, которой расплачивался Аль Капоне в Бронксе; чертежами Петра Великого, по которым был построен его первый фрегат “Святой дух”;

конвертом письма Сталина сыну Василию, в котором сообщалось о подарке — шести персиках; приглашением на раритетное венчание в купейном вагоне скорого поезда “Тихий Дон” “Ростов — Москва”, со священником и церковной музыкой, которое состоится тринадцатого июня двухтысячного года в один час сорок минут».

«Свадьба в поезде, со священником? Любопытная затея. Кто венчается?» — «Я с Юлией Бояровой. Согласие невесты имеется». — «Добре! В особых случаях неписанные законы требуют одобрения работодателя». — «Мне это известно. Поэтому я и предложил отступные». — «Не повторяйте, пожалуйста, эту мизерную сумму. Вы только рассердите меня». — «Ваши условия?» — «Есть ли доказательства, что ассигнация принадлежала Аль Капоне?» — «Конечно. Я подпишу сертификат происхождения». — «Смеетесь?» — «Тысячедолларовая купюра сама по себе — редчайший денежный знак. Она выпускалась с тысяча девятьсот тридцать второго по тысяча девять-

сот тридцать четвертый год. Сегодня самому президенту США непросто ее разыскать». Молодой человек вытащил из кармана бумажник и вынул из него купюру с изображением Стива Кливленда, двадцать четвертого президента США. «Вот, взгляните, — господин Алтынов сдвинул несколько бутылок к краю стола, салфеткой протер его поверхность и положил перед собеседником тысячедолларовую банкноту. — Известно, что лоббистами печатания таких крупных денег была американская мафия, чей оборот, в основном, проходил в “черном нале”. Надо было сократить объемы перевозок наличности. И сегодня это действующие денежные знаки. Предыдущий владелец этой купюры поклялся мне на Библии, что она досталась ему от прямых потомков Аль Капоне». — «Поверил. Историческую купюру я оставляю себе. А ты опиши историю с клятвой на Библии, когда, где и кто именно это сделал. Что у тебя с собой еще из тех раритетов, которые ты перечислил?» — «Через минуту будет готово приглашение на венчание. Если у вас есть карты, я готов пере-

дать вам ноу-хау одного трюка, который стал победителем на форуме “FISM” — ежегодной тусовки фокусников, где номинируются лучшие выдумки. Пораженное инфарктом сердце в колбе, конверт письма Сталина и чертежи фрегата “Святой дух” готов представить в любое время и в любом месте. Кстати, как вас величать?» — «Это совершенно неважно...» — «Если вы не против, я буду называть вас “профессором”. Вы напоминаете мне моего шефа, профессора Хотынцева Сергея Владимировича. Он — моя симпатия». — «Добре. Не против. Даже красиво — “профессор”!» — «Вы мне доверяете, господин профессор?» — «Доверять? Это противоречит моим принципам».

«Мне пришло в голову вот еще что. В поезд сядет священник. Он будет облачен в ризу с православным крестом. Не хотите ли украсить свою коллекцию одеянием попа, отслужившего обряд раритетного венчания в купе поезда? Это же уникальный экспонат. Для доказательности я составлю протокол обряда». — «В этом есть своя изюминка. Но как ты у церковника его

одежду возьмешь?» — «Выкуплю!» — «Добре. Но торопись ты, врач. А если у тебя ничего не выйдет, как ты передо мной за неустойку отвечать будешь? Это, брат, дело серьезное, можешь многое потерять. Давай-ка, опиши мне твой карточный трюк. В короткой форме — устно, обстоятельно — в письменной. У меня в коллекции из этого раздела пока ничего нет. Вот тебе обычная колода карт». — «Беру из колоды любые три карты — допустим, девятку, даму и короля. С помощью определенной последовательности манипуляций создаю иллюзию, что на руках не разные, а одинаковые карты. Это делается так...» Руки господина Алтынова задвигались, заиграли, и действительно: каждый раз оказывалось, что на руках всегда были одинаковые карты — три дамы пик, или три бубновые девятки, или три трефовых короля. «Любопытно! Опиши мне подробно последовательность манипуляций. Тут необходимы тренировки. Что с тебя еще можно взять?» — «Раритетные часы фирмы “Вашерон Константин” — подарок американского доктора Дебейки, самого

фантастического хирурга в мире». — «За какие заслуги он наградил тебя?» — «Сказать честно, дело было несколько иначе. Я был включен в бригаду хирургов по шунтированию Бориса Ельцина. После успешной операции семья президента передала семь часов Дебейки, под патронажем которого проходила операция. Американский профессор сам должен был определить, кто из операционной команды получит всемирно известные часы. Дебейки собрал нас и говорит: “Дорогие коллеги, у меня к вам необычная просьба. Прошу каждого из вас показать, какие часы вы носите”. Первым вышел Бачурин — он предъявил золотой “Вашерон Константин” с репетиром и турбуенном по цене двести семьдесят тысяч долларов; потом встал Буранд — у него на руке был золотой “Адемарс Пике” с бриллиантами по циферблату за сто десять тысяч долларов. У Соколова был платиновый “Бриге” за девяносто тысяч долларов, а у Африкантова — уложенный сапфиром “Патэк Филипп” с репетиром за сто тридцать тысяч. Я предъявил “Полет” восемьдесят седьмого года

по цене пятнадцать долларов. Одним словом, все низшие врачебные чины получили из рук Дебейки золотой “Вашерон Константин”».

«Добре! Ты мне по вкусу пришелся, доктор. Из тебя вышел бы превосходный преступник. Может, согласишься работать на меня? Сквозь мою крышу дождь не капает. Денег буду платить намного больше, чем врачи получают. Вместе с Бояровой и останешься». Его интонации постоянно менялись, становясь то лукавыми, то сердитыми и даже жесткими, то ласковыми и доброжелательными. «Право, я вам очень признателен! — искренне откликнулся молодой человек. — Спасибо за приглашение, но у меня не получится. В больнице ждут пациенты». — «Не торопись с ответом, посоветуйся с женой». — «Подумаю». — «Сколько же твои часы стоят?» — «На Банхофштрассе в Цюрихе — пятьдесят семь тысяч долларов». — «Пока ты мое предложение будешь обдумывать, оставь часы на столике и забирай невесту. Нам скоро выходить. Да, пожалуй, свои три тысячи долларов отдай Василию, моему охраннику. Ему

придется заменять твою нареченную. Впрочем, если решишь остаться — все тебе возвратится». — «Огромное спасибо».

«Добре, добре. Шагай. Чтобы следующая встреча была приятной, не забудь через Боярову письменный должок передать. Ну, насчет карточного трюка». — «Прикажите Василию, чтобы он со мной пошел, дать открепление Бояровой. Профессор, вопрос из совсем другой сферы: как вы понимаете состояние “разнузданного азарта” или “дьявольского возбуждения души”? — «Ты это к чему?» — «Через пару минут я вернусь. Хочу успокоить невесту. Обещайте за время моего отсутствия поразмышлять над этим». — «Жду. Василий, получи с него три тысячи и отпусти нашу мамзель».

Господин А. торопливо перевел Юлию Боярову в служебное купе начальника поезда, считая, что чем дальше она будет от надвигающихся событий, тем выразительней он сыграет короткую пьесу для одного актера. Молодой человек сочинил рискованный сюжет и плани-

ровал реализовать его перед самым прибытием поезда на станцию «Поварово». Когда до прибытия поезда оставалось пятнадцать минут, ростовчанин направился в девятое купе двенадцатого вагона.

«Что скажете, *Il capo di tutti i capi*¹⁰? Какой вы теперь элегантный, прямо иностранец, — приветствовал он “профессора”. — Я бы украсил ваш великолепный костюм зеленым шелковым платочком. Этот символический цвет пошел бы к вашему выразительному лицу». Господин Алтынов взял «профессора» за лацкан пиджака, потом нагнулся и левой рукой поправил манжеты брюк, чтобы лучше посадить их на обувь. Именно в этот момент правая рука, остававшаяся на лацкане пиджака, съехала ниже и переместила плотно набитый деньгами бумажник «профессора» в карман Алтынова. Молодой человек чрезвычайно редко использовал мастерство своих рук для целей такого рода, однако тут был случай особый. Юрий Алтынов страстно желал включить в дело все свои навы-

¹⁰ Босс всех боссов (*итал.*).

ки великого профессионала — виртуоза самых невероятных трюков и манипуляций. Все было проделано молниеносно, с таким блестящим мастерством, что «профессор» только улыбнулся появлению ростовчанина: «А, похититель женщин!..» Он был одет в серо-зеленый двубортный костюм и совершенно необычного лимонного цвета сорочку с низким воротником-стойкой. «Профессор» был ростом не выше метра шестидесяти, со светлыми, невыразительными глазами и бледной, пожалуй, даже с какой-то зеленой кожей лица. Короткие редкие волосы были посередине разделены пробором, шею окаймляла татуировка, напоминающая веревку заплочных дел мастера, а с открытой на американский манер груди на византийской золотой цепи свисал массивный гранатовый крест. Молодой человек сразу заметил, что на запястье левой руки «профессора» болтаются часы «Вашерон Константин». Тут на губах господина Алтынова мелькнула саркастическая улыбка.

«Своей невероятной оригинальностью вы, профессор, оставили глубокий след в моем

сердце. Окажетесь в столице, найдите Институт сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева. Это на Рублевском шоссе. Буду рад продолжить дружеское общение. Скажите, а как с моим предложением прокомментировать человеческое состояние “разнузданный азарт” и “дьявольское возбуждение души”?» «Профессор» задумался. Возникла пауза. Скорый поезд номер девять «Тихий Дон» «Ростов — Москва» стал сбавлять ход. В купе постучали. Проводник Любовь Погоня, благоухая ликером, заявила, что через минуту-две состав подойдет к станции «Поварово». «Добре, любезная. Ты, Василий, иди помоги мамзели, которая с нами осталась», — сказал «профессор». «А я вам помогу», — предложил ростовчанин. «Давай! Я не против. Только на дорожку присесть надо».

Мужчины сели.

Юрий Алтынов развернул лист бумаги и стал писать: «Уважаемый господин профессор! Приглашаем Вас на наше венчание. Оно состоится 13 июня в 1.40 в шестом купе скорого поезда “Тихий Дон” “Ростов — Москва”. С по-

чтением — Юлия Боярова и Юрий Алтынов». «Оригинальная бумага. Не верится. Впрочем, с Богом!» — сказал «профессор» и встал первым.

Каждый взял по чемодану, и они вышли в коридор. Василия и Эстер ни в купе, ни в проходе уже не было. «Где ваши помощники, профессор?» — «Они выходят из другого вагона». — «Как все тонко продумано», — дружелюбно сказал молодой человек.

Перед тамбуром дорогу им перегородил какой-то ящик. «Профессор» замешкался, ему трудно было обойти преграду со своим чемоданом. Господин Алтынов на мгновение взял его за кисть левой руки, перенимая багаж. Молодой человек заглянул в служебное купе: «Мы здесь, Любочка!» Впрочем, проводницы не было. На столике стояла початая бутылка «Амаретто», а на плечиках одиноко висел фирменный китель. Ростовчанин сделал молниеносный пируэт над униформой Погоня и выскочил в тамбур.

Состав подошел к платформе. Начальник поезда начал передавать по радио какую-то информацию. Молодой человек легко, с чувством

полнейшей удовлетворенности сошел с двумя чемоданами на перрон. Вдохнув полной грудью, он мечтательно сказал: «Какая замечательная прохлада... Спускайтесь, профессор, порадитесь ночному воздуху. Он обласкает вас, как самая знаменитая гетера».

«Профессор» выходил из вагона очень церемонно и величественно, как выходят царственные особы или амбициозные политики. Его убедительный вид мог бы вынудить любого честолюбца к немедленной покорности. Было в нем нечто магическое, что сразу выделяло его из толпы. Господин А. подал ему руку, и таинственный мэтр ступил на землю «Поварова». Его встречали несколько крупных, хорошо одетых мужчин. С одним из них, стоящем впереди всех, он дружески обнялся. Господин Алтынов почувствовал свою ненужность, но твердо решил завершить начатый спектакль.

«Счастливо, профессор. Спасибо за поддержку молодой семьи. Так что же все-таки такое “разнузданный азарт” или “дьявольское возбуждение души”?» — «Покорение воли че-

ловческой. Когда ты несколько минут назад тряся передо мной, как осиновый лист, готовый отдать все, что бы я ни потребовал, — ты на время моего воздействия стал крепостным моей воли, вассалом моих желаний, рабом моего слова. Именно в это мгновение я испытал “дьявольское возбуждение души”, “разнузданный азарт страсти”. Момент покорения чужой воли — вот, пожалуй, моя высшая радость, пик моего блаженства. Понял?» — «Да, профессор. Вы верно описали синдром маниакальной гипертимии — господство положительных, стенических эмоций, сопровождающихся полной расторможенностью. У меня несколько другая версия. Она больше подходит под описание диагноза гебефренического синдрома: финал успешного действия, вызывающий двигательное возбуждение, переходящее в пуэрильность и ребячливую дурашливость». Тут он вспомнил о краже туго набитого бумажника, а также снятых с левой руки «профессора» своих часов — в тот момент, когда они замешкались у ящика перед тамбуром, — и радостно улыбнулся.

«Добре! Добре... Дискуссия может быть продолжена на нашей будущей встрече. Переходи в наш лагерь, московский доктор Алтынов...»

Поезд тронулся. Господин А. смахнул с глаз слезинку, окинул присутствующих ласковым взглядом, послал всем воздушный поцелуй и прыгнул на подножку вагона.

Скорый поезд номер девять «Тихий Дон» «Ростов — Москва» набирал скорость и двигался на северо-восток.

Настоятельная потребность продолжить вечную игру заставила господина Алтынова отложить встречу с возлюбленной. Он замыслил несколько дополнительных сцен в развитии сценария «Букмекерского экспресса» и неся в шестое купе, где его ждала Врубельская. Пробегая мимо служебного помещения Погони, молодой человек заглянул в него, вытащил из кармана форменного кителя свои часы «Вашерон Константин» и туго набитый бумажник «профессора». Молодой человек вынул из него пачку долларов, три царских золотых «червон-

ца» и несколько пятисотрублевых купюр. Он бегло пересчитал деньги — всего было около семи тысяч долларов, — вложил в верхний карманчик кителя проводницы сто долларов, швырнул пустой бумажник в окно мчащегося поезда и побежал дальше.

Колесные пары на стыках отбивали ритмичные, хорошо знакомые звуки.

Юрий Алтынов влетел в купе, полный радости. В ушах господина А. стоял гул воображаемых аплодисментов за прекрасно сыгранные сцены пьески одного актера. Именно в этих восторженных чувствах и купался игрок из Ростова, стремящийся покорить российскую столицу.

Молодой человек не хотел посвящать Врубельскую в тайны мини-спектакля, только что успешно закончившегося, а мысль о необходимости срочно переходить на новую театральную площадку побудила его с нежнейшей заботливостью обратиться к молодой женщине: «Яночка, я очень счастлив вас видеть. Последние тридцать-сорок минут, хочу признаться, постоянно

ощущал нехватку вашего общества». — «Судя по тому, что не были слышны свистки милиции, никто не остановил наш состав стоп-краном и в вагоне нет следов крови, — вы, мой любимый директор, успешно завершили свое очередное представление», — Врубельская, возбужденная появлением Юрия Алтынова, сияла от счастья. «Шалости мешают ощущать себя великим. Искушение исполнить красивый миниатюрный трюк часто превышает честолюбивый порыв на грандиозной спектакль, а мастерски сыгранный фрагмент или сочный эпизод затмевают успех всего представления. Сейчас перед нами новая задача: обольстить, подвигнуть пассажиров на высокие закладные. Возьмите лист бумаги и записывайте: Иван Бородин. Ставка — одна тысяча пятьсот долларов. Маршрут: “Пенза — Мичуринск — Давыдково — Курск — Орел — Москва”». — «Заклад принят. Что дальше?»

«Начинаем работу. Выходите в коридор, врывайтесь в каждое купе, трясите каждого пассажира. По информации Погони, самые богатые путники едут в третьем, четвертом и

пятом вагонах. Будьте господ возгласом: “Я обвиняю вас в бездействии! “Букмекерский экспресс” набирает скорость, а ваших закладных в портфеле еще нет!” С присущим вам изяществом и деликатностью переходите от дерзкой критики к душещипательным разговорам о любви, о музыке, об отдыхе на Лазурном берегу и морских прогулках за китами в Портофино. Если кто-нибудь захочет вас оскорбить — примите это с покорным достоинством. Если кто-то начнет говорить с вами о любви — открывайте пошире сумку и принимайте ставки с пожеланиями удачи. Никогда не оценивайте ущерб, больше рассказывайте о профите; никогда не изворачивайтесь — лучше быть непризнанным гением, чем уличенным лгуном. Всегда помните, что беременность — еще не плодовитость, а желание — еще не выразительный успех. Предмет особого внимания букмекера — лица кавказской национальности. Ослепляйте их своими обольстительными, сверкающими глазами, очаровывайте блестящей высокой лексикой, изяществом поведения и изысканностью манер.

Гипнотизируйте всех — мужчин и женщин — кучей денег. Держите купюры в прозрачном мешке: когда ловцы быстрого счастья будут лицезреть предмет искушения, их нервная система должна дрогнуть, обязана воспалиться перед массой стодолларовых ассигнаций, перед напором чарующего художественного слова, перед эротическим полем колдуньи ночного романа, перед сценарием гениального автора!» — «Bravo, dottore!» — «Prego, kara signora! Avanti! I gran soldi e un fantastico giuoco ci aspettano»¹¹. Пожалуйста, дорогая синьора».

Артисты камерной труппы вышли на сцену. Поезд, разгоня ночную мглу, мчался по новому маршруту в столицу России. До Пензы оставалось около двух часов. Согласно сценарному плану, господин Алтынов встал в коридоре у пятого купе, держа в руках книжку Гиляровского «Москва и москвичи». К нему тут же подошла Любовь Погоня и стала о чем-то расспрашивать.

¹¹ Вперед! Большие деньги и фантастическая игра ждут нас (*итал.*).

Выход на сцену Врубельской напоминал появление капризной и величественной примадонны. Ее чарующий взгляд мог моментально снять хандру и недомогание с любого мужчины, а походка напоминала движение чуда, грациозно шагающего в сладком сне. В одной руке Яна держала открытую папку с листом бумаги для записей, где уже значилась фамилия Ивана Бородина, сумма его закладной и первая, путающая других игроков версия маршрута; в другой руке — сумку с долларами. Через плечо у нее висела заморская лайковая сумка с вкраплениями кусочков крокодиловой кожи. «Ах, опять что-то новое?» — удивилась Погоня. «Пожалуйста, не мешай. В своем кителе ты найдешь сто долларов. Это наше пожелание доброго сна». — «Ах, мне опять следует не высываться и сидеть на своем месте». Проводница вернулась в служебное купе.

Молодая шикарная дама подошла к первому купе и требовательно постучала в дверь: «"Букмекерский экспресс" принимает ставки. Ваши версии, господа? Кто отгадает

маршрут — выигрывает огромные деньги. Кто больше поставит — тот больше получит; кто откажется — тот порадуется; кто рискнет — тот горы свернет». На ее ультимативный, но и словно бы ласкающий, обволакивающий призыв нельзя было не откликнуться, а ее аура была гипнотически притягательной.

«Какова минимальная ставка?» — выслушал первый пассажир. «Минимальная — не знаю. Но первая ставка — полторы тысячи долларов». — «Ого! Примете двадцать долларов?» — «Фамилия?» — «Леша Медяшкин». — «По какому маршруту пойдет поезд?» — «Что сказал первый?» — «Пенза — Мичуринск — Орел — Москва». — «А я скажу: “Пенза — Тамбов — Рязск — Рязань — Москва”». — «Записала. Кто следующий?» — «Смуров Борис Иванович, ставлю сто долларов на маршрут “Пенза — Черусти — Шаховская — Москва”». — «Двести долларов на версию “Пенза — Липецк — Курск — Орел — Москва”. Запишите — Иван Ешинин».

Народ повскакивал со своих мест и стал выходить в коридор. Тут возникла суетолака,

пошли бесконечные переговоры и гадания: кто организовал «Букмекерский экспресс», замечено ли мошенничество, есть ли подозрительные люди, как поступить правильно — сделать ставку или вызвать милицию? Господин Алтынов примкнул к переговорщикам и всячески подбадривал тех, кто готов был рискнуть и поставить куш на свою версию. Тут молодому человеку пришла мысль, которая, как ему показалось, должна была кардинально усилить букмекерский азарт. Он направился в восьмой вагон к начальнику поезда, где был расположен радиоузел. Проходя мимо Врубельской, он дал ей понять, что скоро вернется.

Дополнение к сценарию «Букмекерского экспресса» состояло в следующем: господин Алтынов решил еще раз купить начальника поезда. Первый раз он это сделал, когда посадил к нему в купе Боярову. Тогда решение вопроса обошлось в пятьдесят долларов. Сейчас он хотел предложить ему уже пятьсот долларов, чтобы тот обратился по местному радио к пассажирам со следующим объявле-

нием: «Несколько активистов, дабы развеять стресс, связанный с переадресовкой состава по неведомому маршруту, организовали прием закладных. Каждый желающий может включиться в игру, сделав ставку на свою версию маршрута. Руководить приемом ставок поручили молодой пианистке Воронежской филармонии Жанне Бичерской. Многие пассажиры уже включились в игру. Менеджеры “Букмекерского экспресса” сейчас обойдут все купейные и спальные вагоны, а потом все желающие могут собраться в вагоне-ресторане, куда переместится штаб нашей игры. Ресторан будет работать до трех часов ночи, напитки и музыка будут предложены пассажирам в самом широком ассортименте».

Начальник поезда оказался твердым орешком, который знал толк в бизнесе. За услуги он потребовал от молодого человека тысячу долларов при одном обязательном условии: в поезде находилось двое милиционеров из спецотряда сопровождения пассажирских составов, их необходимо было купить. Господин

Алтынов тут же бросился в вагон-ресторан, где могли находиться милиционеры, и нашел их сразу. Прапорщик сидел к нему лицом. Он был совершенно лыс, как будто даже старательно выбрит, голова его сверкала, словно ее начистили ваксой. Полные щеки свисали к воротничку униформы, веки были полузакрыты, как ставни мерцающих окон. Другой тучный страж порядка сидел к нему спиной, заросшие складки на шее и большие волосатые уши придавали его голове сходство с бычьей. Молодой человек устроился рядом, кашлянул и заговорщицки шепнул: «Хочу порадовать вас приятнейшим известием. Пока стыл ваш чай, каждый из вас заработал по двести пятьдесят долларов. Группа активистов “Букмекерского экспресса” делегировала меня передать вам эту сумму. Многие после сообщения о крушении впали в депрессию. Чтобы восстановить радость в душах по случаю великого праздника, Дня независимости России, смельчаки, интеллигентнейшие люди со всей страны, организовали спор: кто правильно назовет маршрут движения

нашего поезда. Создана специальная комиссия, которой руководит известная пианистка Жанна... фамилию запомнил». — «Бичевская?» — вставил прапорщик. «Вполне возможно. Не буду спорить». — «Здорово!» — сказал другой. Он оказался совсем молодым сержантом. «Многие считают, что присутствие чиновников такого серьезного ведомства, как ваше, будет смущать участников представления и азарт не достигнет своей высшей точки. Дорогие друзья, начальник поезда приготовил для вас специальное двухместное купе, а я должен презентовать вам самую замечательную бутылку на добрый сон». — «Кто даст нам деньги?» — «Это справедливое дело поручили мне. Прошу проследовать за мной в тамбур для полного расчета, а затем в специально отведенное место для крепкого, здорового сна». — «Разрешаете мне сделать ставку?» — каким-то обиженным тоном спросил верзила с юношеским непорочным лицом. «Я пришлю в ваше купе пианистку». — «Здорово! А я покумекаю, на какой маршрут поставить. Мне необходимо выиграть. Деньги

нужны. Как вы думаете, шансов на выигрыш много? Я бы подыскал в деревне подходящий для покупки дом, чтобы создать семью. Нынче добротные деревянные дома с печкой и чуланом не больше тысячи пятисот долларов стоят. Но где найти такие деньги, вы не подскажете? У вас в Москве проще, там у наших коллег приработки приличные, а что в провинции?! Здесь денежных людей нет. Я впервые в жизни держу в руках американские доллары. Пока еще не совсем верится, что они принадлежат мне», — сержант милиции сделал жест удивления и со словами «эх, была не была!» резко махнул рукой. Какая-то нерешительность и слабость промелькнули в его юношеских глазах.

Наступило молчание. Господин Алтынов искусственно затягивал паузу, впиваясь взглядом в молоденького верзилу.

«Каким же образом можно заработать деньги?» — воскликнул сержант милиции. Он хотел еще что-то сказать, но внезапно умолк. От неожиданно откровенного признания его вдруг охватили смутное беспокойство и растерян-

ность. Огромный покаты́й лоб двадцатилетнего милиционера покрылся холодным потом, лицо стало мертвенно бледным, а губы задрожали — то ли от страха, то ли от горькой обиды.

«Я обязательно придумаю для вас идею заработка, и не где-нибудь в Цивильске или Сызрани, а прямо здесь, в поезде. Долго будет помниться вам совершенно случайная прибыль, которую вы получите нынешней ночью. Никакой работы, а добрый и честный заработок. Ждите меня в купе, которое отведено для вашего отдыха». — «Меня не забудете?» — настороженно спросил прапорщик. «И вы порадуетесь!»

Молодой человек определил милиционеров в назначенное место и поспешил к начальнику поезда с требованием немедленно выйти в эфир с сообщением о проводимой игре по заладам. Согласно первоначальной договоренности, тот должен был повторить сообщение о тотализаторе три раза, с промежутками в тридцать минут. За двадцать минут до Пензы необходимо было пустить по местному радио

другой текст: «Прием закладов окончен. Все участники “Букмекерского экспресса” приглашаются в вагон-ресторан для подведения итогов игры». Но теперь начальник поезда выдвинул новые требования: за работу он просил уже полторы тысячи долларов. Господин Алтынов тут же согласился и отсчитал ему аванс. Молодой человек настоятельно потребовал от чиновника железнодорожного ведомства строго по времени выполнять его инструкции. «Прошу вас, только не пейте водки, чтобы точно по времени выполнить мое задание. Иначе я опустошу ваши карманы пылесосом “Буран!”» — пригрозил он. После того как по местному радио известный текст был прочитан, господин Алтынов бросился в двенадцатый вагон помогать Яне Врубельской.

Внутренняя строгая, буквально монастырская дисциплина была одной из главных составляющих его успеха. Молодой человек был посвящен игре весь, полностью, и не было ничего главнее этого его игрового возбуждения и страсти.

Юрий Алтынов застал артистку камерного театра уже в одиннадцатом вагоне. Госпожа Врубельская, с набитым долларowymi и рублевыми купюрами мешком, была окружена пассажирами. Каждый торопился назвать свою версию маршрута движения скорого поезда «Тихий Дон» «Ростов — Москва» и сделать ставку. Букмекер едва успевала заносить в свой учетный лист имена игроков, а ее новый помощник, долговязый господин Ползунков, размашистым почерком готовил официальные расписки организаторов блиц-игры: от лица N получена сумма Z за маршрут Y. «Запишите: Кириленко Герман Васильевич. Ставлю одну тысячу рублей на маршрут «Пенза — Курск — Тула — Москва»». — «Нина Чиханова. Моя версия: «Пенза — Тамбов — Рязань — Владимир — Москва». Двести долларов». — «С самого раннего детства меня зовут Цезарь Кавось. В дошкольном возрасте мои родители называли меня «Цусик». Боюсь ошибиться, но я хочу поставить на две версии, по сто долларов на каждую. Первая: наш поезд не придет на конеч-

ную станцию. Может, он все же доберется до столицы, но окажется не на Курском вокзале, как сказано в расписании, а на Павелецком или Ярославском. Вторая: думаю, что проиграю, но хочу поставить заклад, что порядковый номер нашего вагона на конечной станции будет не одиннадцатый, а седьмой. Вот такое у меня предчувствие. Примите мои версии?» — господин Кавось старался говорить уверенно, но сила его речи противоречила скромности притязаний на крупный выигрыш. Это был кучерявый мужчина лет сорока пяти, среднего роста, умеренного телосложения, с бегающими карими глазками. Его толстые губы были постоянно приоткрыты, в разговоре он закатывал глаза куда-то под самый лоб, словно нуждался в тайной поддержке потусторонних сил.

Цезарь Кавось рушил драматургию «Букмекерского экспресса». В тексте пьесы ничего не говорилось о названии столичных вокзалов и нумерации вагонов поезда. Впервые за свою новую артистическую карьеру госпожа Врубельская замешкалась, на мгновение

растерялась, не понимая, как повести себя правильно, чтобы спасти спектакль. Вдруг она увидела перед собой суфлера, который всем своим видом показывал ей, что готов взять на себя дискуссию с оригинальным господином. «Я желала бы обратиться к публике, уже сделавшей высокие ставки, чтобы они рассудили — имею ли я право брать с вас ставки. Вот вы, молодой человек из двенадцатого вагона. Каково ваше мнение?» — «Пользуясь лексикой господина Кавося, во-первых — я возражаю, во-вторых — я не имею ничего против. Поясню: нам всем известна главная тема игры — правильно назвать города, через которые пройдет наш поезд в столицу. Так что вопрос с вокзалами становится совершенно неактуальным. Но, идя навстречу нашему симпатичному попутчику, я не имею ничего против того, чтобы предложить уважаемой публике новую тему игры — как бы вторую интригу: на какой вокзал столицы прибудет наш поезд? Запишите меня на новом учетном листке: Иван Бородин, триста долларов. Мой вокзал — Казанский. Что

касается нумерации вагонов, то вариантов для щекотливой игры тут минимально — всего два. Не думаю, чтобы наша публика вас поддержала». — «Я и господин Ползунков такого же мнения», — заявила букмекер. «Пожалуйста, Цезарь Кавось готов взять свое предложение обратно. Только не делайте из этого мировую трагедию. Ничего особенного не произошло, я совершенно не хотел кого-либо обмануть или обидеть. Уверяю вас, мне это ни к чему. Дамочка, запишите, что я поставил сто долларов на Павелецкий вокзал столицы». — «Вы, я вижу, не будете против того, чтобы войти в организационный комитет нашей игры», — Врубельская улыбалась Кавосю. «А как вы это видите?» — «Читаю по вашим глазам, что вы хотите мне помочь». — «Какая у вас богатая интуиция! Кто входит в вашу компанию?» — «Я и господин Ползунков». — «Кто это, Ползунков?» — «Это я — Ползунков Иван Альфредович». — «Вы когда-нибудь делали ставки на бегах, на футбольных чемпионатах, на заездах пилотов Формулы-1?» — «Я сделал заклад и записал

свою версию маршрута нашего поезда. Это в первый раз». — «Замечательно! Какова ваша комиссия?» — обратился господин Кавось к букмекеру. «Десять процентов». — «Сколько моих?» — «Два с половиной из десяти. Четверть». — «Что в кассе?» — «Чудеса! Более трех тысяч долларов». — «Сколько вагонов вы обошли?» — «Второй».

«В составе семнадцать вагонов. С вагоном — полторы тысячи долларов...» — «Вагоны третьего класса считать не следует, а их пять штук», — госпожа Врубельская вопросительно посмотрела на Юрия Алтынова. Она ждала совета. Но молодой человек не считал необходимым вмешиваться в диалог. Он лишь стоял рядом и как будто читал книгу Гиляровского.

«Двенадцать вагонов по полторы тысячи долларов. Это восемнадцать тысяч долларов. Два с половиной процента — это четыреста пятьдесят долларов. Совсем неплохо, милая дамочка». — «Это ваша бухгалтерия, господин Кавось. Женские цифры несколько скромнее. Какая бы ни была касса — ваша комиссия по-

стоянна и пересмотру не подлежит». — «Милая дамочка, прошу вас на минутку в сторонку, — господин Цезарь Кавось перешел на шепот. — Верните мои сто долларов, поставленные на Павелецкий вокзал. С вами наверняка можно заработать намного больше. Поясните, пожалуйста, есть ли специальная премия для особых случаев. Например: Цезарь Кавось самостоятельно нашел инвестора, поставившего крупную сумму денег в заклад. Казино практикуют выплату гонорара тем, кто привлек за игральным столом богатых клиентов. С кем обсудить этот вопрос?» — «Не возражаю вернуть вам сто долларов. Пожалуйста. Но я обязана закрыть программу “Московские вокзалы” и отдать молодому человеку из двенадцатого вагона его деньги. Касательно гонорара: пока вы принесли компании, проводящей тотализатор, лишь убытки. Впрочем, я готова обсудить с вами каждый конкретный случай вознаграждения». Тут она мельком взглянула на своего суфлера, который знаком, потерев указательный палец, дал понять, что необходимо приблизить себе-

седника. И госпожа Врубельская начала неистовую атаку на Цезаря Кавосья.

«Такие умные люди, как вы, востребованы любым обществом. Буду польщена, если вы окажетесь рядом при проведении “Букмекерского экспресса”. Но я женщина, а, как вы знаете, у нас преимущество отдается чувствам, а не бизнесу. Когда я смотрю на вас, меня интересует совсем другое... Скажите, трудно быть красавцем? Женщины, видимо, липнут к вам, повсеместно пристают с признаниями в любви, шлют записки с приглашением на свидания, требуют ласки и внимания. Они уверены, что вы рождены для того, чтобы сделать их счастливыми. Что Цезарь Кавось является их собственностью, их куклой, любимой игрушкой. С помощью всяких приемов они мечтают пробраться в вашу спальню ночью, разжигают желание интимной близости, ахают и охают, когда вы проходите мимо, шлют воздушные поцелуи, когда не могут дотянуться до вашего мужественного лица губами».

Выбор лексики, возбуждающе-ласкового тона был подсказан богатой интуицией артист-

ки алтыновского камерного театра, он сулил ей молниеносный и уверенный успех. Ловушка для возбуждения тщеславия российского обывателя была выстроена великолепно. Она притягивала к себе фантазиями возможного и реальностью слышимого, она возбуждала чувства и умиротворяла гордость. «Неужели вы позволите мне встать в очередь женщин, ожидающих вашего внимания? Мне, известной пианистке воронежской филармонии Жанне Бичерской! Что, вашей партнерше по тотализатору “Букмекерский экспресс” суждено томиться со всей этой шатией влюбленных женщин в ожидании чуда вашего внимания? Не верю, Цезарь Кавось!

*А юбка, шуриша крахмалом,
в ушах звенела, дрожала,
Как полог цветного шелка
под сталью пяти кинжалов,
Он сдернул шелковый галстук,
а я наряд разбросала,
Он снял ремень с кобурую,*

*а я четыре корсажа.
Такой белизны не ведать
цветам и апрельским сливам,
Стекла под луной не вспыхнуть
таким голубым отливом.
Он сонных грудей коснулся,
шелковую блузу смахнув,
И жарко они раскрылись
кистями ночных жасминов.
И лучшей в мире дорогой,
до первой утренней птицы,
Целовал меня этой ночью
кучерявый еврей Цезарь Кавось».*

После собственной интерпретации стихов Гарсиа Лорки она с каким-то детским озорством расхохоталась. Ее звонкий голос пронесся по всему вагону.

Мужчина растерялся. Он видел перед собой ослепительные голые плечи, открытые, стройные, бронзового цвета ноги, манящие своей упругостью обнаженные груди. Это было выше сил господина Кавося. Он, доведенный

до исступления прекрасными образами Яны Врубельской, воскликнул: «Докажите, что вы не смеетесь надо мной! Я готов разделить все свое время с вами, милая дамочка, ровно с такой же непомерной горячностью, с какой вы произносили вашу речь провокатора...» — «Увлеченной женщины!» — «Если вы осмеяли меня, я отказываюсь участвовать в вашей авантюре. Вы можете возразить: беда невелика! Так знайте: без Цезаря Кавося ваш доход будет минимальным, а моральный ущерб непомерным. Я человек скромный, но у меня есть одно достоинство: я всегда ищу деньги».

«Отказываюсь вас понимать: мы уже договорились, что после Пензы начнется наш любовный роман. Это моя инициатива. Это я соблазняю вас. Это я мечтаю почувствовать вашу силу искрометного любовника, гипноз красавца, страсть повесы. Но пока вся сила наших сердец должна быть отдана тотализатору. Первой азартной игре в моей жизни. Вы должны помочь нам выиграть, Цезарь! А потом великую страсть игрового азарта мы переместим

на влюбленность наших душ, на эротику наших помыслов, на жар наших поцелуев. Впрочем, перед тем как спуститься с вами в адский котел грешников, прошу раскрыть секрет: как вы, герой-любовник, тратите деньги? На какие удовольствия вы всегда готовы выложить последнее, перед чем вы не устоите?» — «Почему вам об этом, милая дамочка, хочется знать? Открывая такую тайну, я могу стать вашим заложником. В моем возрасте это не совсем желательно. Хочу пощадить ваше любопытство. Впрочем, разрешаю высказать одну версию, которая, видимо, у вас уже готова. Говорите, милочка...» — «Хочу сказать, но боюсь...» — «Успокойтесь. Я снисходителен ко всяким причудам, если они не пошлая грубость или насмешка». — «Как вы можете, господин Кавось!» — «Цезаря Кавося никому бояться не следует, а вам, милочка, тем более». — «Вы гурман. Чревоугодник. Если во время нашего страстного свидания вам принесут утку по-пекински или винные улитки Эльзаса в чесночном соусе — вы забудете меня напрочь. Пока вы все это не слопаete, пока та-

релки не опустеют и ваше обжорство не будет удовлетворено, вы, видимо, не удостоите меня вниманием. Это будет неслыханной дерзостью, самым подлым и коварным ударом: вынудить Жанну Бичерскую приревновать своего кавалера к кулинарным деликатесам. Жуть! Тяжелейшее испытание. Неумная боль. Если что-либо подобное вы себе позволите, я возненавижу, я убью вас, Цезарь Кавось. В момент отчаяния полностью раскрываются все злые силы собственного духа». — «Неужели я вам так понравился?» — совершенно искренне удивился господин Кавось. «Страшно! До чертиков! Поэтому я боюсь вашего коварства. У меня есть все основания полагать, что мне достанется лишь разочарование сердца, оскорбленного вашей чревофилией». — «Скажу откровенно, милочка, у вас великая интуиция. Вы попали в самую точку. Как вам это удалось? Я действительно питаю слабость ко вкусной еде». — «Увлеченность вами раздвигает границы возможного», — Врубельская бросилась ему на шею и впиалась в его губы.

«Bravo, grandiosita attrice»¹² — пронеслось в голове господина Алтынова.

Цезарь Кавось задышался от волнения. Голова кружилась, как после катания на американских горках. Он хотел было взять себя в руки, чтобы трезво управлять собой, но силы оставили его. Он подумал отстранить эту взбалмошную молодую женщину, но искушение парализовало его. В какой-то момент господин Кавось решил отдаться страсти, но публичность происходящего затормозила его эротический порыв. Он почувствовал вдруг какую-то великую усталость, обмяк, отяжелел, одурманивающий туман окутал его разум, и господин Кавось, совершенно неожиданно для самого себя, стал послушным рабом Яны Врубельской.

Наблюдавший за всей этой сценой режиссер спектакля господин Алтынов в этот момент произнес про себя: «Grandiose! Pero, per favore, tranquillo! Questa gioia insolita e inaspettata strazia il cuore di un uomo semplice. Lei e... una bestia! Tutte le stelle di Hollywood invidiano il

¹² Браво, великолепная актриса (*итал.*).

sue talento. Per conquistare Mosca non mi bastera comunque inscenare con lei un opera teatrale»¹³.

Молодая дама взяла свою жертву за руку. Рука оказалась влажной и липкой, как будто ее облили сладкой водой. Врубельской стало противно. От напряжения душевных сил где-то в горле лопнул сосуд. Запершило. Однако она сверкнула счастливыми глазами и театрально бросила: «Вперед, Цезарь! Ползунков, не отставать! В третьем купе нас ждет клиентура. Так порадуемся же, господа!»

«Bravo, grandiosita attrice!» — заплодировал молодой человек, читающий Гиляровского. Он и еще несколько зевак пошли за ними следом.

Первобытный азарт — нескончаемая интрига в истории человечества.

¹³ Великолепно! Только, пожалуйста, чуть спокойнее. У бедного мужчины от такой неожиданной и необыкновенной радости может лопнуть сердце. А она — bestia! Ее актерскому мастерству позавидовали бы все звезды Голливуда, вместе взятые. Для покорения Москвы мне придется сыграть с ней не одну пьесу (*итал.*).

Врубельская чувствовала себя как на экзамене. Всегда рядом, всегда неотступно за ней следовали огненные, дьявольские глаза Юрия Алтынова. Она мечтала этой ночью сыграть свою лучшую роль. Перед ней стояла задача разбудить, всколыхнуть чувствительные струны богатых пассажиров спальных вагонов, чтобы пополнить кассу «Букмекерского экспресса». Но не только деньги интересовали ее. Больше всего волновало ее признание главного режиссера труппы камерного театра. Она выходила на театральную сцену третьего вагона с благоговейным трепетом, как студентка перед сдачей зачета. Ее преимуществом был талант, ее спутником — удача, ее ангелом-хранителем — автор пьесы, носителями шпаргалок — хитроумный отличник Цезарь Кавось и простодушный хорошист господин Ползунков. Яркие составляющие давали ей чудесные привилегии. Врубельская была полна решимости воспользоваться ими на славу! Она рассматривала лица пассажиров, как рентгенолог — снимки больных, как гаишники — красные физиономии

пьяных водителей, как пляжные кавалеры — девственниц среди сочинских отдыхающих. Она искала жертву. Чутье одаренного человека и опыт дамы полусвета подсказывали ей, что крупная рыба где-то совсем рядом. Ее голос звучал теперь очень эмоционально, а глаза блестели дьявольски соблазнительно.

«Полторы тысячи долларов — самая крупная ставка нашего тотализатора. Кому удастся поймать фортуна? Кто тот счастливчик, который заберет из рук известной пианистки Жанны Бичерской всю кассу “Букмекерского экспресса”? Вы уже сделали ставку? Чья версия будет вызывать зависть? Где они, гениальные провидцы? Выходите все! Делайте ставки! Будоражьте свои сонные сердца. Открывайте свои души для азарта ночи. Впрысните адреналин в скучающие головы. В кассе уже более четырех тысяч долларов. Курс ставок держится на отметке один к семи. Удача рядом! Вы чувствуете запах денег? Они готовы выпрыгнуть из моего мешка в ваш карман, господи! Призываю счастливчиков, которым достанется выигрыш,

в День Независимости пожертвовать десять процентов от куша на поддержку музыкальных школ, увеличение стипендий одаренным студентам и доплату алчным чиновникам, чтобы предотвратить взяточничество».

Главный профессиональный экзамен ожидал Врубельскую в пятом вагоне. В глубине души она чувствовала холодок нервозности. Но страстное увлечение игрой не позволяло сосредоточиться на предстоящей серьезной проверке своего таланта.

В третьем и четвертом вагонах букмекерская касса пополнилась солидным кушем. Врубельская, она же Жанна Бичерская, и двое ее помощников, Кавось и Ползунков, всем сердцем радовались развитию бизнеса. Господин Алтынов тщательно следил за всем происходящим, лишь изредка посылая своей актрисе одобрительные знаки. Команда сопровождения разрослась до пятнадцати человек. Среди них появились женщины. Все не спускали глаз с денежного мешка. Он был набит долларами, рублями, немецкими марками. Один англи-

чанин выписал даже дорожный чек на сто фунтов стерлингов. Маршрут он указал довольно странный: «Пенза — Пачелма — Тула — Вязьма — Лондон — Манчестер». Врубельская какое-то время пыталась объяснить иностранцу, что русские поезда не летают, как «Аэрофлот», через Атлантику, а туннель под Ла-Маншем закрыт для МПС России. Но англичанин был пьян и потому, видимо, страшно упрям. Буквально насильно он втиснул все же свой чек в мешок с закладными.

Престранные это люди — западноевропейцы.

Вся играющая компания ввалилась в пятый вагон. Ко всеобщему удивлению, выяснилось, что во всем вагоне едет лишь один пассажир. Он занимал все девять двухместных купе. В двух первых и двух последних располагались охранники. Между третьим, четвертым и пятым купе на время следования поезда были сняты перегородки, так что очень важное лицо занимало вагонное помещение размером 7,5 x 2,4 метра. В шестом и седьмом

купе были уложены личные вещи загадочного пассажира. Здесь, в пятом вагоне, Врубельская почувствовала кульминацию своего выхода на сцену «Букмекерского экспресса». Станет ли пятый вагон ее звездным часом?

Когда игроки заполнили вагон, прозвучал второй информационный выпуск местного радио. Двое охранников плотно прижались к третьему купе. Не успела госпожа Врубельская начать исполнение своей роли, как дверь открылась и на пороге появился хозяин пятого вагона. У него было лощенное кремами и массажем лицо, и точный возраст определить сразу было затруднительно.

«Что за бунт в ночном поезде, господа?» — его тон был спокоен и ровен. Так обычно говорят наделенные властью или состоянием люди.

Врубельская разглядывала его в упор, собирая воедино ощущения и мысли. При ближайшем рассмотрении это оказался мужчина лет сорока—сорока пяти, в меру высокий — около 180 см, спортивного телосложения. «Играет в теннис», — мелькнуло у нее. Короткие, по-

редевшие волосы светло-каштанового оттенка были тщательно причесаны. «Странно, что он еще не ложился; такие типы обычно следят за собой по предписанию врачей», — подумалось ей. Толстые линзы очков говорили о его близорукости, а золотая оправа — о возможностях и стиле жизни. Едва уловимый коньячный аромат, исходивший от загадочного пассажира, вызвал молниеносный мысленный комментарий молодой дамы. Она тут же про себя заметила: «Remy Martin. Louis XIII». В одной руке он держал незажженную сигару, в другой — раскрытый журнал «Time». Своим видом он давал понять, что его только-только отвлекли от чтения. Большой бриллиант на безымянном пальце, массивная, красного золота цепь с католическим крестом, усеянным изумрудами, открытые, чуть-чуть изогнутые в недовольной гримасе губы, шелковый халат на американский манер времен Великой депрессии натолкнули молодую особу на мысль, что мужчина был закоренелым позером из новой отечественной элиты. «Редко бывает, чтобы представитель но-

вой аристократии читал по-английски. Может, этот крючок и забросить? Проверить?»

«I am sorry. The people are celebrating a national holiday — Independence Day of the new country. So, this is a riot of fun. You speak our language perfectly well. Let's rejoice together».

«Ай спик нот гуд енглиш. Рашен гуд», — сказал незнакомец.

«Как я и предполагала, этот тип не владеет языком», — пронеслось в голове у Врубельской. «Прошу прощения, я приняла вас за американского дипломата, I am sorry. Разрешите перевести на русский мой пассаж?» — «Прошу», — мужчина стал раскуривать сигару. «Я сказала, что у нас вовсе не бунт, а годовщина национального праздника — Дня Независимости. Обратилась к вам с вопросом: нет ли у вас желания порадоваться вместе с нами?» — «Кто спонсирует проведение праздника?» — «Каждый сам по себе, но все вместе». — «Я тоже радуюсь... Пью коньяк, смотрю видео». — «Какой коньяк?» — «Людовик XIII, Реми Мартин».

Госпожа Врубельская про себя усмехнулась. Откуда-то свыше она получила новый энергетический заряд и перешла к боевым действиям. «Смотрите, какая куча денег в моем мешке. Через час эту наличность кто-то выиграет». — «Что за игра — карты, рулетка?»

Господин Алтынов продвинулся вперед. Важное лицо заметило перемещение Алтынова и тут же обратилось к Врубельской: «Вы знаете этого молодого человека?» — указал он на ростовчанина. «Нет. Впрочем, да. Он сделал ставку в нашем тотализаторе на полторы тысячи долларов. Его версия стоит один к пяти к номиналу». — «Кто проводит тотализатор?» — «Я, Жанна Бичерская, пианистка Воронежской филармонии, и мои друзья — господа Ползунков, Кавось». — «Честь имею», — сухо бросил Ползунков. Господин Кавось молча поклонился. «Сколько денег в банке?» Ароматный сигарный дым начал обволакивать коридор вагона. «Еще точно не подсчитано, но, видимо, около двадцати-двадцати пяти тысяч долларов». Глаза Врубельской горели, верхняя

пуговица блузки была расстегнута, прядь волос опускалась к бровям. Ее облик был колдовски интригующим, она могла увлечь любого, даже самого закоренелого холостяка; в нее влюбился бы сам дьявол.

«Вы собрали в этом поезде около двадцати пяти тысяч долларов?» — удивился хозяин вагона. «Да! За двадцать минут до Пензы прием ставок будет прекращен. У вас есть около одного часа. Желаете испытать судьбу? Ставки принимаются без ограничений». — «Объясните мне суть тотализатора». Врубельская чувствовала вдруг возникшую в биополе вокруг незнакомца турбулентность. «Где-то впереди, то ли у Воронежа, то ли перед Москвой произошла крупная авария. Наш поезд, видимо, как и другие, направили по новому, неизвестному маршруту. Каждый пассажир может назвать свою версию движения состава и сделать ставку. Все просто...» — «Хочу пригласить вас в свое купе». — «Меня одну?.. Мне, право, неловко. Я совершенно вас не знаю. Разрешите господину Кавосю пройти вместе со мной». — «Через

пару минут можете приглашать кого угодно. Есть необходимость посекретничать». — «Я останусь перед дверью», — очень твердо сказал господин Кавось. «Да! Не оставляйте меня одну, мой милый друг». Молодая дама вошла к незнакомцу.

Это было не купе — это была гостиная на колесах, напичканная какой-то бессмысленной, то ли старой — пятидесятые–шестидесятые годы, то ли новой — из Молдавии или Узбекистана — полированной мебелью. Вагонное помещение больше походило на брокантскую¹⁴ лавку. Яна Врубельская не стала отвлекаться на осмотр всех аксессуаров крепости нового русского аристократа, а сосредоточилась на глазах незнакомца. Он спросил: «У вас есть мобильный телефон?» — «Нет». — «У кого есть?» — «У вас». — «А среди ваших?» — «Наших? Кого вы имеете в виду, артистов Воронежской филармонии?» — «Тех, кто проводит тотализатор». — «Я ни у кого не видела». — «Какова комиссия букмекера?» — «Десять процентов на четве-

¹⁴ От *brocant* (фр.) — всякая всячина.

рых». — «Я дам вам больше». — «За что?» — «За послушание». — «Музыканты не привыкли к большому гонорарам. После Пензы я в вашем распоряжении». — «Вы должны мне помочь взять под контроль тотализатор». — «Прошу прощения, я вас не понимаю». — «Вы согласны слушаться меня беспрекословно?» — «Нет. Я совершенно не знаю, кто вы и каковы ваши планы. На первый взгляд, вы богатый человек. Почему вдруг вы заинтересовались скромным “Букмекерским экспрессом”? Более того, публичным? Неужели для вас двадцать пять тысяч долларов — большие деньги? Правда, может быть, я чего-то не осознаю...» — «Я — известный челябинский предприниматель Максим Максимович Сутыгин». — «Жанна Бичерская, пианистка. Направлялась в Воронеж на подписание контракта. Где окажусь завтра — никто не знает. А какой у вас бизнес?» — «Металл, нефть, разное другое». Он впервые выдавил улыбку. Верхний ряд зубов был весь протезирован. «Грубая работа. У нас в Миллерово сделали бы лучше», — мелькнуло у нее.

«Местных артистов спонсируете?» — «А как же! Приглашаем на вечеринки, в сауну.. Есть талантливые молодые люди. Несколько человек получают мои именные стипендии». — «Молодые дамы?» — «Да! Лучше находиться под моей крышей, чем быть бесхозной демократкой». — «Есть логика. Чем могу помочь такому мощному мужчине?» — «Предлагаю двадцать процентов от всего мешка. Я должен взять банк». — «Для вас это значительная сумма?» — «Не в деньгах счастье. Мой принцип — необходимо отбирать все, что можно и что нельзя. Все, что лежит, стоит, летает, плавает. Материальное и воображаемое». — «Как можно отбирать воображаемое?» — «Прекрасный бизнес — реализовывать чужие идеи. Удовольствие получаешь куда большее, чем когда воплощаешь в жизнь собственные мысли». — «Вам нет необходимости платить больше, чем положено. Назовите версию маршрута. Если вам улыбнется фортуна, то букмекерская комиссия — лишь десять процентов». — «Глупышка ты, Жанночка. Я не могу строить свою жизнь на

«если выиграю». Я должен взять мешок “Букмекерского экспресса”». — «Вы меня пугаете. Каков ваш план?»

«Звоню на станцию “Пенза», спрашиваю маршрут движения скорого поезда номер девять “Тихий Дон” “Ростов — Москва”, а ты записываешь точнейшую информацию про заклад в свой талмуд. Чудо очень просто делается. Объясню, почему предлагаю двадцать процентов. Может быть, какой-нибудь чудака случайно назвал этот маршрут. Так ты, Жанночка, своей музыкальной ручкой, — Максим Максимович заговорщицки заглянул в глаза молодой дамы и поцеловал ей руку, — под внутренние звуки Репина дописываешь ложную станцию, и чудака пролетает над выигрышем, как спутник над планетой. Пусть только словом недовольства обмолвится... Двери ночного поезда открываются быстро». Тут госпожа Врубельская заметила на левой кисти Сутыгина татуировку многообещающего содержания: «Х А М». Она проглотила приготовленную реплику, что, дескать, Репин был не композитором, а художником, и лишь

наспех сказала: «Можно пару капель коньяку для храбрости?»

«Конечно! — Сутыгин протянул ей бокал и продолжил: — Может, конечно, быть и другой вариант развития событий: я называю точный маршрут движения, а ты передаешь эту информацию своим друзьям. Делиться своим ноу-хау — не в моих правилах. Мы договариваемся таким образом: я сделаю ставку последним. После моей версии “Букмекерский экспресс” кончает работу, ставки больше не принимаются. Публика ждет победителя — Максима Максимовича Сутыгина, — он включил «Моторолу» и набрал номер. — Посиди, Жанночка, увидишь чудо!»

Врубельскую охватил страх. Словно тридцатиградусный мороз сковал ее тело. Она была так глубоко увлечена тотализатором, всем происходящим в скором поезде, что счастливая улыбка не сходила с ее лица. А тут — такое вероломство! У нее отбирают роль удачливого букмекера, грубой силой переписывают сценарий драматурга! Над мешком денег, за-

служенно принадлежащим камерному театру господина Алтынова, занесена рука уральского авторитета.

«Алло! Алло! Это Сутыгин. Нечего спать! Поднимайся! Протри глаза, выпей водки, очнись. Есть срочная работа. Буди, Влад, всех. Мне необходима срочная информация от железнодорожной станции “Пенза”. Запиши номер скорого поезда: девять, “Тихий Дон”, “Ростов — Москва”. Его переадресовали. Мне необходимо знать новый маршрут движения. Через какие станции он пойдет на Москву. Загляните в Интернет. Подними всех в Пензе, в Тамбове, в Рязани. У тебя тридцать минут. Первый, кто получит информацию, пусть прямо набирает меня. Мой телефон: восемь — девятьсот два — шестьсот восемьдесят два — сорок три — сорок три. Назначаю тебя директором проекта по получению срочной информации о движении поезда. Жду. Пока... Мои люди, — обратился Сутыгин к молодой даме, — быстро найдут разгадку этой истории. В этой жизни я — победитель! Выигрыш будет

мой!» Вдруг он, видимо, что-то вспомнив, спешно включил телефон: «Влад, звони в ИТАР-ТАСС, диспетчерам МПС, дежурным в МЧС. Произошла крупная авария. Они должны знать о переадресовке поездов. От меня выигрыш никуда не уйдет, человек никуда не спрячется!»

В купе постучали: «Жанна, с тобой все в порядке? Публика собралась, просит принять ставки», — раздался голос Цезаря Кавося. «Все, о’кей. Я уже выхожу. Что мне делать дальше?» — обратилась она к Сутыгину. «Когда, ты говоришь, заканчивается прием ставок?» — «За двадцать минут до Пензы». — «В час десять ты должна стоять в пятом вагоне». — «Не смогу. Все играющие собираются в вагоне-ресторане в час ночи. Если меня не будет, произойдет скандал. Выигрыш могут поставить под сомнение». — «Возьми мой второй телефон. Его номер знаю только я. Будет необходимость — позвоню. Ты поняла, что только я выиграю?» — «Поняла». — «Другой вопрос: как насчет ночного баловства? Больше тысячи долларов я девкам

не плачу». — «Я пианистка, своим телом не торгую...» — «Договоримся. Праздника ради накину тебе десятку зеленых. Ты мне понравилась. Хороша!..» — «Я никогда не пользовалась мобильным телефоном...» — «Раздастся звонок — нажмешь зеленую кнопку. Закончишь говорить — красную». — «Я пошла». — «Иди, дорогая, — Сутыгин обнял ее, прошелся рукой по груди. — Не балуй, девка! Слушай Максим Максимыча. С достатком будешь».

В вагоне Врубельскую ждал народ. Одни стремились сделать ставки, другие наблюдали за происходящим, третьи — искали приключений. Молодая дама тут же по-особенному взглянула на Алтынова. Он показал ей на следующий, шестой вагон и стал пробиваться к нему первым. Букмекер приняла несколько закладов и тоже заторопилась.

Они встретились. «У нас неприятности, директор. Господин Сутыгин из пятого вагона дал команду своим людям через МПС, ИТАР-ТАСС, МЧС, начальника станции “Пенза” раздобыть информацию о новом маршруте

нашего поезда. Он требует, чтобы его версию я записала последней». — «Кому он звонил?» — «Какому-то Владу. Оставил ему свой номер телефона и потребовал, чтобы тот, кто первым узнает маршрут движения, немедленно ему позвонил». — «Запомнила номер телефона?» — «Да. Восемь — девятьсот два — шестьсот восемьдесят два — сорок три — сорок три». — «Bravo, signora! Bellissimo! Он знает, сколько денег в кассе тотализатора? Ты, надеюсь, сказала больше, чем есть на самом деле?» — «Я сказала, что около двадцати пяти». — «А на самом деле?» — «Около двенадцати». — «Неплохо. Можно было бы поднять еще выше... Возьми тридцать тысяч долларов в свой мешок. За пять минут до контрольного времени запишешь ставку на Юрия Алтынова. Моя версия: “Красный Угол — Арзамас — Нижний Новгород — Москва”. Через десять минут ступай к Сутыгину. Скажи, что касса выросла до сорока пяти тысяч долларов. Не говори, что только один игрок поставил тридцать тысяч. Если он спросит о размерах закладных — отвечай уклончиво. Capisco, Saga,

signora?» — «Si, dottore». — «Bene, grazie¹⁵. Сейчас многое зависит от нашей пунктуальности. Я бегу к начальнику поезда, чтобы найти тебе надежное укрытие. Там тебя будет ждать парик и форма проводника. У некоторых участников тотализатора твоя великолепная игра вызовет бурный всплеск эмоций. Ты можешь получить от восторженной публики удары букетами, и не только. После того как опустится занавес заключительной сцены, немедленно перебирайся в гримборную. Необходимо создать новый образ — проводника скорого поезда “Тихий Дон” “Ростов — Москва”. Только прошу тебя, не начинай проверять у пассажиров билеты, а глухо закройся в своем укрытии». — «Сколько времени мне придется отсиживаться?» — «Как Всевышний этого пожелает». — «А твоя свадьба?» — «Я все помню. Сейчас на афишах нашего театра объявлен другой спектакль: “Букмекерский экспресс”. Avanti, bella signora. Rapido. Velocimente. I gran soldi e un fantastico giuoco

¹⁵ «Вы понимаете, дорогая?». — «Конечно, директор». — «Великолепно, спасибо» (*итал.*).

ci aspettano¹⁶. Актеры на сцену! По местам!» — захлопал в ладоши директор театра господин Алтынов.

Молодой человек понесся в восьмой вагон к начальнику. Он хотел сам проконтролировать финальные сцены спектакля. Самым важным сообщением должна была быть команда «Стоп тотализатору». Восьмой вагон соседствовал с рестораном. Эта традиция российских железных дорог давала существенные преимущества автору пьесы. От купе начальника поезда до ресторана было всего несколько шагов. Господин Алтынов мог молниеносно перемещаться в любом из двух направлений, одновременно пребывать на главных театральных площадках спектакля. Теперь перед ним стояла другая, пожалуй, главная задача: как уберечь Врубельскую в случае эмоционально-психического кризиса участников тотализатора. О третьей проблеме он думал меньше всего — как со-

¹⁶ «Вперед, дорогая. Быстрее! Мы торопимся! Наш ждут большие деньги и фантастическая игра» (*итал.*).

хранить сумму выигрыша, куда ее спрятать. Охотников за такими деньгами было много, они таились по закуткам вагонов. В свое время они еще выйдут на сцену. Времени оставалось совсем немного. Он вбежал к начальнику поезда и сразу вручил ему двести долларов: «Мне срочно нужно укромное место для молодой дамы». — «Опять дамы? Одна сидит у меня со станции “Поварово”. В свое купе не могу войти!». — «На сей раз степень возможных неприятностей намного выше: по пятибалльной системе — от трех целых и девяти десятых до четырех целых и двух десятых». — «Что это означает?» — «Требуется спрятать женщину». — «Пусть идет в бельевую». — «Там задохнуться можно. А если мы подселим ее к милиционерам, на третью полку, и завалим бельем? К тому же переоденем в форму проводника?» — «Что милиция?» — «Я договорюсь». — «Не против, действуй». — «Через пять минут в эфир должна выйти последняя информация о проведении “Букмекерского экспресса”. Ты успеешь отнести женскую форму в купе милиционеров?

Пожалуйста, подбери сорок второй — сорок четвертый размер». — «Что у меня — магазин? Какую найду, ту и отнесу». — «Договорились. Через пять минут я опять у тебя».

Господин Алтынов открыл дверь соседнего купе. Не говоря ни слова, он несколько раз поцеловал Боярову, так же неожиданно и безмолвно выскочил в коридор и помчался в двенадцатый вагон, в шестое купе. В его дорожной сумке находился парик, который теперь он решил отдать исполнительнице главной роли в пьесе «Букмекерский экспресс».

«Привет, Любочка», — Юрий по-дружески обнял проводницу. «Ах, ты такой мокрый...» — «Вот тебе сто долларов для хорошего настроения. Срочно открывай дверь, но от меня не отходи. Я лишь на секунду — и тут же помчусь назад. Да, в Пензе в наш вагон приглашен священник. Мы с Юлей будем венчаться. У тебя несколько купе свободных, подумай, где и как всех разместить. Я полностью полагаюсь на твою умную головку. Я с Юлей появлюсь минут через пят-

надцать—двадцать после Пензы. Принимай попа сама». — «Ах, Боже мой! Такого пассажира в жизни не видела. Ах, он сошел с ума! Венчаться в поезде!..» Юрия Алтынова уже не было. Он торопился в восьмой вагон.

«Как дела, начальник?» — «Как приказано... Милиция спит крепко». — «Дай ключ. Задумал с ними пообщаться. А вам время включать местное радио».

В купе стояло несколько мешков с постельным бельем. Третья полка была открыта. Готовность к приему Врубельской была проверена. Господин Алтынов вложил парик в карман форменного кителя, потом дернул за плечо спящего молодого сержанта милиции. «Проснись, друг, тебя ждет дом, о котором ты мечтаешь». Милиционер мало что понял, но открыл глаза и стал медленно приходить в сознание. «Вы должны помочь молодой женщине. Ей необходимо спрятаться на третьей полке. Мешки с бельем уже приготовлены. Я сам поставил заклад на тебя и твоего коллегу. Если вы сбережете жен-

щину — я гарантирую вам выигрыш. Ты сказал, что мечтаешь купить дом? Будет у тебя полторы тысячи. Жду приглашения на новоселье. Но вы должны гарантировать, что в купе никто не войдет. Женщин сам Бог велит защищать». — «А как со мной?» — подал голос прапорщик. «Вы оба получите по полторы тысячи долларов, если с головы моей женщины не упадет ни один волос. Ждите ее сразу после Пензы. Пароль: “Желааете приобрести дом?” Я появлюсь позже с выигрышем в кармане. Теперь мне надо уезжать. Вы все поняли?» Сержант милиции кивнул головой.

До сообщения о закрытии тотализатора «Букмекерский экспресс» оставалось пятнадцать минут. Скорость поезда номер девять «Тихий Дон» «Ростов — Москва», мчавшегося на северо-восток, была девяносто километров в час. Мало кто спал. Пассажиры уже прибывали в ресторан, где через несколько минут должны были быть подведены итоги игры и объявлен победитель.

Молодой человек заперся в туалетной, набирая известный номер господина Сутыгина.

Он услышал женский голос: «Слушаю». — «Пожалуйста, господина Сутыгина». — «Я не могу его позвать, он в пятом вагоне». — «Яна, это ты?» — «Да!» — «Черт побери! Это его ошибка или наш просчет? Быстрее несись к нему и передай трубку. Даю тебе две минуты... Мою версию ты записала?» — «Да». — «Твое укромное место — в восьмом вагоне, в девятом купе. Пароль: “Желаете купить дом?” Как только я возьму банк, немедленно отправляйся по этому адресу. Два милиционера будут охранять тебя. Скажи Сутыгину, что ему звонят из МЧС... Нет. Скажи, что ты ошарашена звонком неизвестного. Тоже нет... просто передай трубку. Он знает, что в кассе около пятидесяти тысяч долларов?» — «Да. Я была у него». — «Я найду тебя. Удачи!»

Господин Алтынов стал нервничать: что за игру предлагает ему соперник? Никакой логики он не видел, тем не менее перебирал в памяти самые разные варианты возможных ходов. Наконец он услышал голос: «Сутыгин слушает. Кто это?» — «Дежурный Волжской

железной дороги. Мне поручили сообщить на этот номер, что произошла крупная авария близ станции “Воронеж”. Все пассажирские поезда, идущие на Москву, переадресованы на другие дороги». — «По какому маршруту пойдет поезд номер девять “Тихий Дон” “Ростов — Москва”?» — голос Сутыгина буквально дрожал. «Минутку...» — молодой человек посмотрел на секундную стрелку. Алтынов понимал, что чем дольше он будет томить ожиданием соперника, тем убедительней будет его информация, тем больше денег поставит Сутыгин в заклад. Молодой человек уже слышал раздраженный голос Сутыгина: «Эй, дядя, где ты там, быстрее!..» Отведенное сценарием время вышло, и господин Алтынов сказал в трубку совершенно равнодушным голосом: «Вы слышите меня?» — «Да, да! Быстрее!..» — «Не понимаю, к чему такая спешка. Вы назвали скорый “Тихий Дон”?» — «Да, да». — «Скорый номер девять направлен по маршруту “Пенза — Кирсанов — Тамбов — Мичуринск — Рязань — Москва”. Как поняли?» — «Повторите...» — «“Пенза —

Кирсанов — Тамбов — Мичуринск — Рязань — Москва». Ну, все». — «Минутку!» — раздался голос в трубке. Но господин Алтынов не имел никаких оснований продолжать разговор. Он выключил телефон и вышел из туалета.

Молодой человек подошел к купе начальника поезда и вытер вспотевшее лицо. Оставалось четыре с половиной минуты до закрытия программы «Букмекерский экспресс». Впереди его ждала предпоследняя интрига сценария: какую сумму денег выложит самый крупный игрок тотализатора?

В другом конце поезда происходило следующее. Максим Максимович Сутыгин по рассеянности дал букмекеру Бичерской не тот мобильный телефон, который планировал, а тот, чей номер назвал своему помощнику Владу. Поскольку никаких звонков к нему не поступало, он стал нервничать и запутал все основательно. Врубельская нашла его не в пятом вагоне, а в шестом, по дороге в ресторан. Он с охраной направлялся в питейное заве-

дение, чтобы встретиться с ней и узнать, как идут дела «Букмекерского экспресса». После разговора с дежурным Волжской железной дороги он уверовал в свою удачу, бросился в купе-гостиную, взял несколько стодолларовых пачек и потребовал от молодой дамы немедленно записать его версию движения поезда номер девять. Врубельская с трудом упростила его, чтобы ставка была сделана публично, чтобы все играющие видели победителя в лицо и, главное, могли бы воочию убедиться, какую огромную сумму денег поставил самый гениальный и удачливый игрок. «Деньги идут к деньгам!» — торжественно воскликнула Врубельская, она же Жанна Бичерская. После этой коронной фразы господин Сутыгин облегченно вздохнул, почувствовав себя победителем. С улыбкой счастливого человека, в сопровождении охранников он вошел в ресторан, занял центральное место перед букмекером и стал отсчитывать стодолларовые пачки. Их было пять. Это означало, что в заклад под свою версию Максим Сутыгин ставил пятьдесят тысяч долларов. Вся играющая публика

смотрела на него с почтением и завистью. Едва успела Врубельская записать последние буквы сутыгинской версии, как по местному радио сообщили, что тотализатор закрыт. Все должны ждать станцию «Пенза», чтобы, согласно протоколу, узнать имя победителя.

В ресторане появился господин Алтынов. Он заказал себе чай и с трудом устроился в двух-трех метрах от команды букмекера. Игроки были возбуждены, некоторые уже праздновали победу. Поминутно раздавались хлопки пробок шампанского и звон бокалов. А Алтынову стало скучно. И он стал писать новую пьесу — про обряд венчания.

Скорый поезд «Тихий Дон» стал притормаживать, подходя к станции «Пенза». Согласно условиям тотализатора, начальник поезда, один из проводников и трое из игроков должны были обратиться к дежурному по станции с вопросом о дальнейшем маршруте движения. Эту официальную информацию предполагалось обнародовать перед публикой. Только после этого

должен был быть объявлен победитель. В кассе «Букмекерского экспресса» находилось около ста тысяч долларов — неслыханная сумма для большинства пассажиров поезда.

Состав остановился у первой платформы. Начальник поезда, проводница Любовь Погоня, Ползунков, охранник Сутыгина и неизвестная дама, представляющая группу игроков, вышли из поезда и направились к дежурному по вокзалу. Было 1.40 ночи. Перрон был почти пуст. Ночное небо начинало синеть. Наступала завершающая интрига спектакля — кто возьмет банк. Воцарилась необыкновенная тишина. Двери вагона-ресторана были открыты. Можно было слышать звон цикад. Пауза затягивалась. «Комиссия возвращается...» — «Они уже идут!» — одни шептались, другие выкрикивали эти и похожие фразы. Только один человек с пустым отрешенным лицом стал пробираться поближе к мешку денег — это был господин Алтынов.

Напряжение участников букмекерского марафона возрастало. Щеки Врубельской налились румянцем. Глаза повлажнели, их блеск

усилился. Яна в эти минуты была хороша необыкновенно. Наконец делегация вошла в ресторан. Слово взял начальник поезда: «Дорогие друзья! В связи с крупной аварией перед Воронежем наш поезд изменил маршрут. Конечный пункт следования, как и указано в билетах, — Москва. Для удобства пассажиров руководство станции Пенза сообщает окончательный маршрут движения нашего состава. Он пойдет на Москву через станции Красный Угол — Арзамас — Нижний Новгород. Повторяю маршрут движения — “Красный Угол — Арзамас — Нижний Новгород — Москва”». — «Не может быть! Вы врете!» — закричал Сутыгин. Поднялся шум, напоминающий рев быков. Только у двух участников происходящего лица были спокойными: у пишущего новый сценарий пьесы «Венчание» драматурга Юрия Алтынова и у букмекера Жанны Бичерской, которой предстояло сейчас спрятаться в купе у милиционеров.

Букмекер передала листы с записями ставки Цезарю Кавосю с просьбой объявить результат и выдать гонорар. Поиск версии-победителя

длился не более трех минут. И вот господин Кавось в присутствии всех объявил: «Тотализатор “Букмекерский экспресс” выиграла версия Юрия Алтынова. Он точно указал дальнейший путь движения скорого поезда номер девять. Каждый может в этом убедиться. Ни один из участников игры не назвал эти станции. Вся сумма выигрыша — сто три тысячи шестьсот сорок один доллар — по праву принадлежит господину Алтынову».

Молодой человек тут же протянул руку к мешку с деньгами. «Минутку, уважаемый, — остановил его Цезарь Кавось. — Десять процентов от суммы выигрыша положено оставить организаторам программы тотализатора. А это, если округлить, — четырнадцать тысяч долларов». — «Согласен, — равнодушно сказал молодой человек. Он вытащил из мешка деньги: — Пожалуйста, вот вам пятнадцать тысяч». Господин Алтынов поднял над собой призовой мешок и, пока разгоряченная публика еще не до конца осознала, что занавес спектакля опущен, а пьеса закончена, пробрался в тамбур ресторана.

Тут ростовчанин осмотрелся, быстро вошел в восьмой вагон, перебежал в следующий. По левой стороне седьмого вагона он распахнул массивную дверь, спрыгнул на полотно и помчался в другой конец состава. Перед двенадцатым вагоном он опять осмотрелся и поднялся в тамбур. Проводницы не было. Вагон выглядел уныло и безлюдно. Он вошел в купе Погони и закрыл за собой дверь. Со второй полки Юрий Алтынов стащил матрац, вспорол его, набил денежными купюрами и вернул на место. После этого молодой человек энергично вышел из двенадцатого, закрыл за собой дверь, спрыгнул на полотно и проделал обратный путь к седьмому вагону. Он без особого труда поднялся, прошелся по коридору, выбирая местечко, и решил разместиться в восьмом купе.

Наконец он смог закрыть глаза, чтобы коротко подремать. Через пятнадцать минут его ждал новый спектакль — пьеса «Венчание».

Платформа первого пути станции «Пенза» была слабо освещена. В тени металлического

киоска «Воды», прячась от редких людей, стояли две малоприметные человеческие фигуры. В нашем отечестве еще встречаются совестливые люди, которые, собираясь совершить какой-либо дурной поступок или даже лишь имея в голове вздорные мысли, краснеют на людях, а потому всячески сторонятся публики. К ним можно было бы отнести двух русских господ с реки Сура: актера местного драматического театра Алексея Алексеевича Пирожкова и офицера пожарного ведомства Никанора Григорьевича Пуговкина. Именно у этих немолодых господ были сейчас все основания сторониться чужих взглядов и прятаться в тени закрытого привокзального торгового заведения. Алексей Пирожков, облачившись нынешней ночью в филонь и роскошную, совершенно новую камиллаву, согласно взятым на себя обязательствам, стал отцом Алексием, иереем. Внешний очень даже солидный вид священника чрезвычайно напугал областного чиновника Никанора Пуговкина. Они были старыми приятелями, а ныне — как бы партнерами по бизнесу; но

когда пожарный офицер впервые увидел господина Пирожкова, то бишь отца Алексея, в священнических одеждах, со всей положенной высокому сану атрибутикой, то перекрестился и поклонился в пояс, совершенно забыв, что перед ним не настоящий иерей, а местный артист Алексей Пирожков — так глубоко поразили своим образом Алексей Алексеевич своего земляка. Но тут необходимо отметить и другой примечательный сюжет: как только господин П. надел на себя священнические одежды, вынесенные из театральной костюмерной, то сам до глубины души уверовал, что он и есть настоящий отец Алексий. И теперь никто на свете не смог бы убедить Пирожкова, что он получил церковное платье на одну только ночь, а завтра его опять ожидает роль местного клептомана и артиста закрытого на ремонт театра.

Ровно в полночь друзья встретились с агентом жениха и невесты. Молодой человек, представляющий интересы венчающихся, выгрузил из своего автомобиля «Ауди-8» такое количество церковной утвари, что друзья

стали подумывать, не разграблен ли соседний храм Михаила Архангела. В два короба из-под видеотехники бессистемно, валом были набросаны предметы богослужения: меч Божий, оловянный крест, Евангелие, священные сосуды — потир, дискос, ковш с блюдищем, лжица, покровцы, плат, дикирий и трикирий, рипиды, кадила, паникадило, лампады и свечи, скуфья, посох, панагия, митра, псалтырь, латунные венцы. При виде всей этой роскоши отец Алексей вдруг заявил: «Для совершения таинства брака мне необходим дьякон, который произнес бы ектенью». Эта реплика новоявленного иерея вызвала тихую зависть господина Пуговкина. Ему самому болезненно захотелось надеть на себя стихарь, прошитый серебром орарь, поручи и с псалтырем в руках на порамице глубоким, низким, протяжным голосом пропеть молитвенные прошения о даровании всяких благ и милостей молодоженам. Эта мысленная картинка вызвала восторг в сердце чиновника пожарного ведомства. Но воспаленная благим

желанием душа не смогла победить грустную реальность: военная одежда Никанора Григорьевича грубо искажала прочувствованный образ дьякона и возвращала Пуговкина в ночную мглу платформы пензенского вокзала. «Надо готовить себе священные одежды, — с горечью в сердце успокаивал он свои благородные порывы, — а для этого есть один путь: костюмерша местного театра». Святость и греховность сосуществовали в его сознании в редкой гармонии, впрочем мало отличая его от многих других граждан нашего отечества, чьи сердца настоятельно требуют злодейства, а души — перманентной праведности.

Скорый поезд «Тихий Дон» «Ростов — Москва» громыхал уже совсем близко, а его прожекторный луч слепил взволнованные лица персонажей, мечтающих посвятить себя православному Богослужению. Господин Пирожков уловил ход мыслей своего приятеля и решил с этого момента признавать его дьяконский сан. «Вы, дьякон Никанор, поднесите отцу Алексию на дорожку. Впереди у меня восемь Богослу-

жений: полунощница, обряд брака и венчания, утренняя, первый час, третий час, шестой час, девятый час и Божественная литургия. Боюсь, силенок не хватит. Душа только заряжается энергией Святых книг... По примеру Моисея, который при описании Божественного сотворения мира каждый новый день начинал с вечера, и я первый день на пути к святости хочу начать с водочки, с белого вина нашего российского. Как на плечах поверх саккоса епископы носят омофор, так и я желаю на плечах своих понести к поезду ящик водочки — аккумулятор, многократно мною испробованный, — чтобы с ее помощью отыскать и воскресить в себе евангельскую доброту». — «Я никак вам, батюшка, не разрешу на спине водку носить. На вас же платье священное...» — «Прав ты, дьякон Никанор... Нести мне свой наперсный крест. Нести еще долгою дорогою. На двух заповедях — на любви к Богу и ближнему — утверждается весь закон, подлинная и истинная жизнь. И вину белому, нашему российскому, в ней места нет. Завтра предам я анафеме питейный кураж. А сейчас,

дьякон Никанор, поднеси иерею стопку, агент работодателя завез провианта немерено. Уж поезд подходит, звуки клироса пора включать, из различных канонов ирмосные песни распевать. Начнем с типикона. Поддай быстрее стопку, дьякон, не то прокляну, как дьявола!» Дьякон Никанор, он же Никанор Григорьевич Пуговкин, в знак смирения поклонился в пояс и с сервильным выражением лица молниеносно подал на дискосе отцу Алексию посеребренную чарку с водочкой. Господин Пирожков пожегся, как от подреберных почесунчиков, и со словами из проскомидии: «В воспоминании Господа и Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа. Аминь» — проглотил опасную жидкость. «Божественный напиток, а апостолы считают его дьявольским... Пора, дьякон Никанор. Я беру с собой музыкальный ящик. Все остальное мне нести никак не положено. Тащи все сам в двенадцатый вагон. Поезд уже останавливается». И Алексей Алексеевич Пирожков, он же отец Алексей, широким шагом заторопился к указанному в билете вагону. Слабый ветерок

поднимал епитрахиль, и она ласковым прикосновением обвивала его шею. В ушах начался трезвон — звон во все колокола от малого до великого с небольшим перерывом трижды. Эти божественные звуки победы жизни над смертью, вечной нескончаемой радости в Царстве Христовом наполняли сердце господина Пирожкова возвышенным волнением.

Южнорусский люд более набожен, чем жители других регионов отечества. Тут православие живет в каждой душе человеческой. Поэтому, когда Любовь Погоня осмыслила сказанное Алтыновым о предстоящем обряде венчания в поезде, во вверенном ей вагоне, ее охватил страх. Такого она никогда не слышала. Однако присутствие священника отчасти мирило ее с происходящим. «Если святой отец дал согласие на проведение обряда венчания в вагоне поезда, — думала она, — значит, Русская Православная Церковь проводит внутренние реформы». Сомнения обуревали Любовь Погоню, но симпатии к Юрию Алтынову, глубокое

уважение к служителям церкви и священным книгам, а также немалое вознаграждение перевесили — она решила действовать. Как ортодоксальная христианка постсоветского образца, Погоня взяла в свои руки организационную часть брачного обряда. В ее распоряжении оставалось около часа. Одного купе было явно недостаточно. Алтынов тогда небрежно бросил, что священник всю церковную утварь принесет с собой. Необходимо разобрать перегородку между третьим и четвертым купе. Главное — должно быть найдено место для церемонии... Погоня уже бежала за слесарем поездной бригады Дорежаповым. Именно ему она сунула триста рублей и дала срочное задание: убрать перегородку. Из тринадцатого вагона она принесла цветы, оставшиеся от пассажиров; из одиннадцатого — церковное вино Кагор, подаренное ее коллеге; из ресторана — бокалы, тарелки, вилки и плитки шоколада. Из восьмого, от начальника поезда — коврик, из пятнадцатого, бельевого, — чистые простыни. Она вспомнила, что иереи передеваются в ризнице, отделенной от алтаря.

Это обстоятельство натолкнуло ее на мысль прибрать соседнее, пятое купе. По ее мнению, там смог бы разместиться сам священник. Если иерей прибудет не один, а с сопровождением, то у нее останется всего один резерв — девятое купе.

В час тридцать ночи Любовь Погоня была готова принять дорогих гостей. Она выпила рюмку ликера «Амаретто» и направилась к начальнику поезда. Через десять минут на станции «Пенза» она должна была в составе команды скорого поезда номер девять появиться у дежурного по вокзалу, чтобы узнать дальнейший маршрут.

К двенадцатому вагону по платформе топились три человека: проводница Любовь Погоня, господин Пирожков, он же отец Алексей, и чиновник областного пожарного ведомства Никанор Пуговкин. Госпожа Погоня никак не могла пробиться сквозь разгулявшуюся в азарте толпу. Она была вынуждена выйти из вагона-ресторана и бегом направиться к своему вагону, чтобы вовремя встретить местного священника. Едва

она ступила на перрон, как увидела идущего широким шагом батюшку. В полумраке платформы явственно отсвечивали золотые нити фелони, поручей и набедренника. Длиннющий подризник волок за собой летнюю пыль перрона. «Доброе утро, батюшка. Вы не ко мне спешите, в двенадцатый?» — «К вам...» — Пирожков хотел сказать «милая», но вовремя спохватился. «Необходимо менять лексику», — подумал он. «К вам, сударыня, к вам». — «Ах! Мы вас ждем, отец... прошу прощения?» — «Алексий». — «Отец Алексий, вы один?» — «Нет, сударыня. Тут мой помощник на общественных началах, дьячок местного прихода Никанор Григорьевич. Он понесет необходимую для богослужения церковную утварь». — «Он поедет с вами?» — «Нет, сударыня. Нынче приходский бюджет неопозволительно худ. Дорожные расходы нам не по карману». — «Ах, как несправедливо и грустно. Я проводница вагона Люба Погоня». — «Прекрасно! Любовь — церковное имя. Бог такие имена любит. Молитесь. На вас снизойдет небесная благодать». — «Я молюсь, батюшка,

регулярно в церкви бываю, иногда на клиросе стою». — «Так ведут себя праведные христиане. Готовы ли вы мне помочь? Необходимо все по канонам расставить. На это время уйдет». — «Под вашим руководством, отец Алексий, конечно, помогу. Самой мне трудно будет. Не все церковные правила постигла я». — «С Божьей помощью...» — «Вот ваш вагон».

Отец Алексий, он же Алексей Пирожков, взял за полу подризник и епитрахиль и поднялся в двенадцатый вагон. Любовь Погоня подвела его к пятому купе: «Здесь вы сможете отдохнуть и подготовиться к богослужению. Венчание будет проходить в укрупненном вагонном помещении. Это рядом с вами, первая дверь направо. Где разместить вашу утварь?» — «Пожалуйста, по соседству».

Погоня оставила иерея и направилась встречать его помощника Никанора Григорьевича. Весь церковный багаж они разместили в помещении, отведенном для обряда венчания.

Никанор Григорьевич Пуговкин, хотя и испытывал неодолимое желание стать участ-

ником предстоящего обряда, долго в вагоне задерживаться не посмел, так как поезд должен был стоять на станции всего десять минут. Он молча распрощался с проводницей — господин Пирожков так и не появился из своего пятого купе, — вышел и засеменял по пустой платформе станции «Пенза».

Скорый поезд тронулся и покатил на северо-восток.

Был один час пятьдесят минут. Госпожа Погоня горела нетерпением начать обставлять временное культовое помещение. Воскресив в памяти картинку телевизионных новостей — как на театре чеченской войны православная церковь в неказистых военных палатках совершала церковных обряды, — она почти успокоилась и уверовала в легитимность предстоящей церковной церемонии, а посему всем сердцем желала помочь отцу Алексию.

Через пятнадцать–двадцать минут должны были появиться молодожены. Но священник никак не хотел выходить из своего купе,

а добрая христианка, донская казачка Любовь Погоня не смела потревожить почтенного иерея. Вспомнив благословение отца Алексия на помощь в подготовке вагонного помещения к брачному обряду, она начала разбирать огромный короб, чтобы понять, как и что необходимо расставить. Жажда христианской добродетели овладела госпожой Погоней. Очарованная самой идеей венчания, она осторожно, с каким-то трепетным чувством, стала извлекать из короба церковную утварь. Вещи, как и люди, имеют свою судьбу. А освященные церковью предметы конфессиональных ритуалов вызывают в добром христианском сердце особую остроту чувств. Ракладной столик она накрыла большим покровом и на него положила икону Пресвятой Богородицы — он смог бы служить аналоем. Запрестольный крест и семисвечник она поставила на штатный купейный стол. На нем же она установила иконки Спаса и Николая Угодника, дароносицы и дарохранительницу. Подсвечники, дикирий и трикирий, она установила на другом штатном столике. Сюда же были

поставлены Святая Чаша, звезда и дискос. Так, следуя от фрагмента к единому образу, она по памяти расставила церковную утварь и предметы богослужения. После того как проводница зажгла свечи дикирия и трикирия и лампадки перед чудотворными иконами, произошло необыкновенное превращение небольшого вагонного пространства, еще минуту назад ничем особым не отличавшегося, в наполненное Божественным светом и духом изумительное помещение. Человеческая душа уже могла получать здесь Божественную энергию истины и вечности. Сдвоенное купе двенадцатого вагона стало святым уголком Вселенной.

Погоня знала: короткой дороги к Богу нет. С другой стороны, она чувствовала, что власть организует жизнь общества так, что в ней все меньше места остается благородству. «Ах, у меня самой, — размышляла она про себя, — нет никаких нравственных тормозов. Я согласна делать все что угодно, но не меркантильности ради, а больше по душевной расхлябанности... Ах, не знаю, что делать? И с Богом хорошо, и

с дьяволом дружить неплохо. Когда думаешь о вечном — с Богом надежнее; когда перед тобой встают проблемы нашего российского быта — с дьяволом удобнее. Постоянная борьба между вечной мудростью и мимолетной радостью, между огнем, согревающим тело, и искрой, воспламеняющей душу. Ах, не знаю!..»

Размышления госпожи Погони прервал появившийся отец Алексей. Он был торжественно строг, его священнические одежды сверкали чистотой новизны, а камилава и епитрахиль придавали его лицу вселенскую торжественность. «Вы так прекрасно, с таким знанием дела облагообразили помещение, что мне, перед совершением таинства брачного обряда, необходимо лишь освятить стены и крышу этого православного уголка. Вам не встречалась кисточка? Святую Чашу я вот вижу, а кисточки тут нет... Но вот она! Принесите, пожалуйста, графинчик воды. Вначале мне необходимо освятить воду, а затем помещенье». — «Ах, конечно! Минутку». Господин Пирожков огляделся. Похоже, что все было правильно. Он вытащил

из кармана шпаргалку и еще раз просмотрел, по каким канонам проходит брачный обряд.

Любовь Погоня принесла графин. Батюшка вначале освятил водицу, а затем кистью стал освящать стены православного уголка, произнося молитву: «Создателю и Содетелю человеческого рода, Дателю благодати духовных, Подателю вечного спасения, Сам, Господи, послы Духа твоего Святого с Высшим благословением на вещь сию, яко да вооружена силою небеснаго заступления хотящим употребляти, помощна будет к телесному спасению и заступлению и помощи, о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь». Алексей Пирожков с торжеством в глазах трижды перекрестился, а госпожа Погоня стала на колени и отдала земной поклон.

Освящение — ритуал для русской души особенный!

«Поднесешь стопку отцу Алексию? — спросил он проводницу. — Перед богослужением сам Господь велел задуматься и отложить все дела мирские. А с помощью этого дела душа успокаивается. Себя не забудь, сударыня. Мне

помощницей станешь, ктитором. Среди мирян — старостой. Провианта на борту множество всякого. Выбери самого лучшего и поднеси иерею. Ты теперь моя правая рука. Перед Богом в ответе за отца Алексея, за его душевное спокойствие, за здоровье праведное...»

Ровно через пятнадцать минут господин Алтынов очнулся от короткого сна. Счастливый сын азарта вновь ожил. Черные глаза, наполненные бесовской силой, загорелись неистовым блеском. Где-то глубоко в сознании он начал разговор с самим собой — на губах застыла улыбка радости, как перед премьерой нового спектакля. Молодой человек стал опять воспринимать мир как игровую площадку для своих безраздельных фантазий, где от святого до грешного был всего один шаг. У многих работают руки, но не голова; у других — значительно реже — голова, а не руки. Господин Алтынов был очень редким человеком, у которого замечательно работала голова, а руки великолепно исполняли тайные команды мозга.

Непрерывные сделки с совестью он воспринимал как игру фантазий, как дань бессовестной реальности. Истоки эгоистических побуждений господина Алтынова к вечной игре и умение наслаждаться воплощением своих драматургических замыслов лежали в причудливости русского характера. Подобно тому, как за лицом Моисеевым скрывается женское тело, так за мягкостью манер молодого человека прятался талантливый, беспощадный игрок.

Полностью придя в сознание, господин Алтынов протер влажной салфеткой лицо. Никаких сомнений он не испытывал: надо было брать Юлию Боярову и вести ее под венец. Лучше сто дней упорядоченной личной жизни с милым, пока еще совершенно загадочным, нераскрытым существом, чем случайные встречи с однодневными, опасными для плоти бабочками, которые, подобно саранче, заполнили просторы от Балтики до Тихого океана. Молодой человек встал, размял тело и быстро направился в восьмой вагон. Перед ним сейчас стояли целые вереницы вопросов: где и в каком

состоянии Врубельская? Как Боярова? Каково психическое состояние публики после обнаружения итогов «Букмекерского экспресса»? Поднялся ли в поезд священник? Готово ли все к проведению обряда венчания? Необходимо также было рассчитаться с милиционерами и узнать о планах Сутыгина. Решать свои проблемы он начал с девятого купе восьмого вагона. «Желаете приобрести дом в деревне?» — назвал он пароль. Дверь тут же открылась. Прямо к порога на него смотрели доверчивые, спокойные глаза великана, юного сержанта милиции. «Как дела, друзья?» — «Все спокойно». — «Так не бывает, это временное затишье. Вы до какой станции сопровождаете поезд?» — «До конечной. Выигрыш принесли?» — «Принес вам дом в деревне!» — «Ух, здорово! Ваша женщина на третьей полке отдыхает», — милиционер излучал искреннюю радость. «Мне тоже?» — осторожно спросил прапорщик. «Как обещал, обоим. Получайте! Жду приглашения на новоселье», — молодой человек отсчитал по полторы тысячи долларов. «Она спит?» — «Видимо, уто-

милась. Сразу заснула», — сказал прапорщик. «Прекрасно! Я к вам еще зайду. Помните наш уговор: моя женщина должна быть в полной безопасности. Если почувствуете что-нибудь неладное, срочно сообщайте мне. Я в двенадцатом вагоне. Спросите Погоню. Она меня найдет. Побежал».

Следующий визит он нанес начальнику поезда: «Какие новости, заслуженный железнодорожник?» — «Привет, мошенник. Скажи, пожалуйста, откуда ты знал о маршруте поезда?» — «Вещий сон помог...» — «Мне подарок готов?» — «Как подумал, так сразу. Вот, получи пятьсот долларов». — «Ой, мелочишься, парень! Брось еще...» — «На конечной станции. Никто не шумел?» — «Шумели многие. Но скандала или угроз не было». — «Слава Богу! Как моя невеста?» — «Молчит. Спокойная девушка. Везет тебе, парень». — «Пойдем, начальник, на брачный обряд. Венчание в двенадцатом вагоне». — «Кто разрешил?» — «Вот документ — пятьсот долларов», — заторопился молодой человек. — «Веская бумага. Прямо от

правительства США!» — «Разреши повидать невесту?» — «Не возражаю. Но купе пора освободить!» — «Через пару минут встречаемся в двенадцатом. Пока».

Господин Алтынов заторопился в купе для отдыха проводников. Настала наконец счастливая минута встречи. Как ни управлял своими эмоциями молодой человек, он не смог сдержать свой безрассудный эротический порыв, бросившись на Боярову. Поцелуй, казалось, был вечен. Влюбленный взгляд, пылающие губы, напряженное тело... Алтынов больше походил на любовника, чем на жениха перед обрядом венчания. Молодой человек был настолько упоен прелестными округлостями ее груди, податливостью пленительного тела, настолько загипнотизирован бархатистостью плеч и нежностью шеи, что совершенно потерял себя, перестал ощущать время и пространство, в котором находился. Велика сила страсти! Она проделывала с влюбленными чудеса и, будто головокружительные аттракционы Луна-парка, уносила их в заоблачные дали.

Наконец им потребовалась пауза, чтобы отдышаться и опомниться. В эти минуты они чувствовали себя счастливейшими из всех счастливых, влюбленнейшими из всех влюбленных. «Да, я влюблен», — искренне думал господин Алтынов. Сердце подсказывало Юлии, что он увлечен ее юностью. Но ей хотелось не просто быть с ним, а открыть ему все тайны своей души. Радужные предчувствия успокаивали молодую барышню, вселяли надежду на счастливый финал. Какие другие мысли могли быть у юной красотки, решившей отдать себя почти незнакомому человеку, кроме надежды и страсти?! «Нас ждет священник, — очнулся молодой человек от сладостного полета. — Через несколько минут он задаст тебе вопрос, хочешь ли ты стать женой Алтынова». — «Венчание — это игра твоего творческого ума или требование сердца? Ты давеча сказал, что мы вступаем в брак на сто дней. Куда ты меня денешь на сто первый день? Каким образом изменится мой статус? Сегодня жена — завтра знакомая? Очень много загадок. Никто из нас

не даст сейчас на них ответ. Меня это тревожит. Я хочу быть с тобой, я влюблена в тебя, но я совершенно не вижу будущего. Я согласна быть с тобой не только сто дней, но что со мной станет, когда ты оставишь меня? Юра! Может быть, не следует нам влюбляться друг в друга по уши, а надо довольствоваться симпатией и преданностью?» — «А ты сможешь жить со мной без любви? У меня это не получится». — «Я не двигатель. Я не смогу через сто дней включить другую скорость и стереть любимого человека с экрана собственной души. С болью в сердце я вынуждена принять твоё предложение. Но ты должен знать: я хочу иметь тебя всего и на все времена». — «Знаю, я чудовище. В разговорах с самим собой я жестоко презираю Алтынова. Ненавидящий тон общения, который я использую в желании изменить себя, навел бы на тебя ужас! Тут основательно меняется лексика: с языка Бунина я перехожу на словарный запас прапорщиков конвойных частей. Вместо музыки Рахманинова в моих ушах звенят удары кузнечных молотов. Я не свободен! Я — раб!

Я — вассал! Я — узник игровой страсти! Я — вампир азарта! Как рыбам необходима вода, трибуну — сенат, как каторжанин неотделим от кандалов, так и я могу существовать, дышать, радоваться, ощущать себя счастливым, вдохновенным, грезить наяву только на площадке игры, в ролях, ведущих к яростному азарту, к выигрышу. Я благородный шулер, неистовый игрок, завзятый артист, драматург авантюрных пьес и их постановщик, менеджер колдовских спектаклей, волшебник виртуальных превращений. Я — маг! Чародей манипуляций! Иллюзианист! Il padrone della magia! Il professore del mondo empirico! Il demonio! Der Herr der Magie! Der Professor der empirischen Welt. Der Demon¹⁷. Как персидские ковры сотканы из сотен тысяч узелков шерстяных или шелковых нитей, так мою жизнь можно сплести только из игровых сюжетов. “Игра продолжается” — будут мои последние слова перед отходом в мир иной. Когда через минуту мы начнем движение во-

¹⁷ Властитель магии! Профессор эмпирического мира! Дьявол! (итал. и нем.).

круг аналоя, я буду думать, как обыграть тебя, как ввести в азарт священника, как выиграть у Бога! Игра — это моя мания, моя болезнь, мое здоровье. Каждый игровой эпизод — мой ребенок, каждый удачный трюк — радость общения с любовницей, выигрыш — биографический бестселлер. Я всегда буду любить игру больше, чем себя самого, чем свою жену, детей, родственников. Нужен ли тебе такой муж на сто дней? Согласна ли ты иметь такого друга на определенный срок? Хочешь ли ты дожидаться меня долгими часами и днями? Я могу гарантировать тебе главное: все свободные часы буду посвящать тебе! Но наше совместное время тоже будет игровым. Используя опыт личной жизни, я буду писать легкие авантюрные сценарии. В них будет совершенно отсутствовать корысть. Всегда помни: любовь в чистом виде для меня скучна. Сама придумывай игры, создавай азарт, но не ревность. Я люблю тебя по-своему. Таковую любовь не встретишь во дворцах бракосочетания, в сюжетах мыльных опер, на сцене Малого театра. Но и таких мужчин тоже не встретишь в

кабинетах министерства финансов, в приемных губернаторов, в деканатах престижных вузов. Я — уникам, единственный в своем роде! Если после всей скверной, но правдивой информации ты говоришь “да” нашему временному союзу — *Avanti, cara signora!*¹⁸ Пономарь готов звонить в колокола, а церковник облачается в святые одежды в ризнице. Да здравствует стодневный брак между Бояровой и Алтыновым! Вперед! Вперед, в двенадцатый вагон! Великая игра ждет нас. Гаснет свет. Занавес поднимается. Ваш волшебный выход, молодожены. “Горько! Горько!” — кричит публика, заполнившая театр». Господин Алтынов подхватил Юлию на руки и помчался по коридорам поезда.

Юлия Боярова поняла, что не чувствует себя обманутой. Суровая жизнь вправе требовать неординарных решений. Теперь только сила искусства может помочь ей упрочить свое положение в новой так называемой семье. Впервые в жизни она приобретет собственный очаг, пусть даже временный. Но это может

¹⁸ Вперед, дорогая синьора! (*Итал.*).

быть хорошим началом. «Он прелесть, этот сумасшедший Алтынов, — размышляла бабышня. — Необходимо научиться играть самой и сделать квартиру, в которой мы поселимся, тренинг-аппартаментами его игровой мании, его тотальной азартности. Как легко освободил он меня от миссии спецкурьера! Он действительно какой-то дьявол!»

«Ах, пришли! Сияющие, счастливые! Здесь вас ждут! И батюшка Алексей, и начальник поезда, и Цезарь Кавось, и Ползунков, — Любовь Погоня говорила радостным, приподнятым тоном. — Что же ты не переделалась, Юлия? Под венец идешь!» — «Ничего другого у меня нет. Джинсы — дорожная одежда. Подвечное платье в вагоне не купишь. Алтынов хочет взять меня в жены такой, какая есть». — «Ах, он у тебя мот! Возьми финансы в свои руки. Для благополучия семьи очень важно, чтобы хранительницей бюджета была жена, — сказала проводница. — Входи, все готово к обряду венчания».

Боярова встревожено взглянула на молодого человека. Он взял ее под руку, и они вошли в православный уголок. У обоих перехватило дыхание — такого они не ждали, не могли себе представить. Было ощущение, что они вошли в церковь. Аромат ладана окутывал их чарующим флером. Церковная утварь гипнотизировала их, пробуждая в душах поток радостных пасхальных и рождественских воспоминаний — эти праздники русские люди обычно встречают в церквях. Отец Алексей жестом предложил им занять места перед аналоем. По правую руку должен стать жених, по левую — невеста. Иерей зажег две украшенные алыми и белыми бантами свечи и трижды благословил молодых людей зажженными дикириями, накладывая на их склоненные головы сложенные персты со словами: «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа». Потом передал свечи венчающимся, как знаки супружеской любви, благословенной Господом. Священник взял кадило и стал размахивать им, повернувшись лицом к Спасу и сделав несколько шагов к иконе; запах ладана усилился.

Алексий начал молить Бога о даровании всяких благ и милостей обручаемым, чтобы Он благословил их обручение, соединил и сохранил в мире и единомыслии. После этого иерей повернулся к молодым, подошел к ним ближе, взял с блюда кольца. Алтынов и Боярова приняли обручальные кольца — как знак нерушимости супружеского союза, в который они вступают. Когда Алтынов надевал колечко невесте, Юлия прочла на внутренней стороне слова: «13 июня, 2000. Сто дней любви». Глаза ее наполнились слезами, а сердце — тихой обидой. Она смотрела на священника, и слезы катились по ее лицу, словно воск, сползающий по стволу свечи на бронзу дикирия. На лице же господина Алтынова сияла улыбка, глаза разгорелись, во всем его виде прочитывался необыкновенный восторг. Ему нравилась пьеса «Венчание»: друзья нашли колоритного, почти настоящего попа и замечательно украсили сдвоенное купе. А какой богатый театральный реквизит для будущих сценариев послан ему в поезд! Необходимо найти подходящее хранилище для этой церковной

утвари. «О еже ниспослатися им любви совершенней, мирней и помощи, Господу помолимся», — церковным басом пропел отец Алексей. Все присутствующие стали креститься, только Цезарь Кавось смотрел по сторонам, словно желая спрятать свое лицо. За обручением последовало венчание. Иерей продолжал молить Господа благословить брак и вступающих в него своей небесной благодатью. Отец Алексей вплотную подошел к венчающимся, возложил на них венцы, как видимый знак этой благодати, а затем трижды благословил: «Господи, Боже наш, славою и честью венчай Я». Потом священник прочел из Послания апостола Павла и Евангелия. Вслед за этим он подал им чашу красного вина. Вначале Алтынов, затем Юлия глотнули освященную божественную жидкость в знак того, что теперь они должны жить единомысленно, разделяя счастье и горе. «Боже вечный, расстающийся собравый в соединение, — читал давно заученную молитву из «Анны Карениной» отец Алексей, — и союз любви положительный и неразрушимый, благословивый Исаака и

Ревекку, наследники я Твоего обетования показавый, Сим благослови и рабы Твоя сия, Юрия, Юлию, наставляя я на всякое дело благое. Яко милостивый и человеколюбец Бог еси, и Тебе славу воссылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь». Кто-то включил музыку, и православный уголок наполнился церковным хоровым пением ангельской песни: «Святой Боже, святой Крепкий, святой Бессмертный, помилуй нас...» После этого наступило заключительное действие: троекратное хождение вокруг аналая. Оно служило знаком духовной радости и торжества. Обряд закончился. Первым подошел к молодым батюшка, он же господин Пирожков. Властной рукой он наложил свои персты на головы супругов, подал им крест для целования со словами: «Ты бо изначально создал еси мужской пол и женский, и от Тебе сочетается мужу жена, в помощь и в восприятие рода человека...», — осенил их крестным знаменем и вышел из помещения. Начальник поезда вторым поздравил молодоженов. Подошла Погоня. Она трижды по-

целовала Алтынова и Юлию и поднесла им два бокала кагора. Потом к молодым потянулись господа Кавось и Ползунков. На этом обряд венчания закончился.

Любовь Погоня угостила молодых приготовленными канапе — сыр с оливкой, кусочки рыбы и колбасы на белом хлебе, ягодки винограда и импортной клубники. Потом подошло время выпивки. Господин Кавось, выбрав подходящий момент, приблизился к Алтынову и на ухо шепнул: «Вы не знаете, где госпожа Бичерская?» — «Нет», — коротко ответил молодой человек. «Странно, я думал, что вы должны знать...» — «Видимо, она вышла в Пензе». — «Да...» — «Без понятия, уважаемый... Дорогие друзья, спасибо всем, кто пришел нас поздравить. Мы оставляем вас. Время позднее — давайте насладиться медовой ночью. Любочка, передай батюшке на богоугодные дела триста долларов, — он отвел ее в сторону. — Вот тебе за помощь. Ты все прекрасно организовала». Он вложил ей в руку пятьсот долларов. Погоня хотела было воспротивиться, но Алтынов быстро

взял Юлию под руку, и они направились в свое шестое купе.

Шел четвертый час утра. Публика разошлась по спальным местам. В вагонах стало совсем безлюдно. Скорый поезд номер девять «Тихий Дон» «Ростов — Москва» мчался на северо-восток. До Красного Угла было еще около двух часов езды.

Господину Алтынову оставалось провести последнюю сцену своей пьесы «Венчание» — брачную ночь. Увлекаемый игрой, он всегда предпочитал радостно-обещающее состояние немедленному насыщению эротическими утехами. Бальзамом для его сердца всегда была только увлеченность игрой, построение авантюрных сценариев. В этом был весь Алтынов. На все другое у него никогда не хватало времени, и лишь короткие эпизоды отвлекали молодого человека от главной линии жизни. Однако для Юлии Бояровой все было как раз наоборот. И тут в поисках душевной радости господин Алтынов столкнулся с прозой женской

ментальности. Присущие Юлии на публике покорность и рассудительность исчезли напрочь. Барышня стала деспотически требовательной и даже агрессивной. Ее логика была весьма традиционной: если увлечен, а тем более влюблен, то обязан пылко заниматься любовью, как занимаешься любимым делом: физикой, теннисом, игрой в карты, творчеством. Это был тот случай, когда между влюбленными идет непреходящая борьба из-за разного понимания любви и ее выражения. Мужчина считал, что интеллект и рациональность должны преобладать над сентиментальностью и чувственностью; женщина придерживалась противоположного взгляда. Но именно тем немногим, которые испытывают гармонию чувств, открывается сокровенная истина: в золотой середине — высшее блаженство и примирение.

В свою первую брачную ночь молодой человек оказался щедрым на знаки любовного внимания. Но это было скорее исключением, чем правилом его поведения. Стремление Юлии получить больше ласки можно было бы

объяснить не только женской настойчивостью и влюбленностью, но и тяжелым, особым днем. Столько невероятных событий произошло в один день, что другим жизни бы на них не хватило. Было и другое, главное: сто дней — не такой уж большой срок, но все же есть шансы забеременеть. Однако с каждым уходящим днем они будут уменьшаться. Беременность, согласно ее новой идее, родившейся во время чтения отцом Алексием евангельских текстов, способна надолго привязать к ней Алтынова и вообще может оказаться спасительным для семьи чудом. И Боярова старалась. Она не обладала большими познаниями в таком деликатном деле, но целиком полагалась на данные природой инстинкты. Это было новым, совершенно прекрасным чувством, и она полностью, до конца отдавалась ему. В какой-то момент они оба почувствовали, что цепь, держащая лежак, оборвалась, и молодые люди скатились с кровати вниз, на пол своего купе. Юрий Алтынов разразился смехом. Он вскочил и, завернувшись в простыню, выбежал к проводнице Погоне.

Она дремала в своем служебном купе, находясь во власти чудесных сновидений. «Любушка! — громко сказал господин Алтынов. — У нас авария. Кровать не выдержала напора молодоженов. Она рухнула, как альпийский виадук Суворова. Есть другое купе?» — «Ах, какая прелесть — разломать кровать! Такое не только в жизни не встретишь, но и в сладком сне не увидишь. Девятое купе пустое. Оно прибрано. Постель готова. Ах, нечего остерегаться! Ломайте все кровати двенадцатого вагона! На то вам и первая брачная ночь!» Любовь Погоня была искренне потрясена таким невероятным событием.

Молодые люди, закутавшись в простыни, перебрались на свободные места. Проводница обещала закрыть шестое купе. Еще долго были слышны протяжные звуки и недвусмысленные скрипы из последнего купе. Потом все куда-то исчезло. Наступила полная тишина. Вагон спал.

Алексей Алексеевич Пирожков очнулся именно тогда, когда лопнула цепь, держащая

в соседнем купе кровать молодоженов. Не раздевшись, он заснул сидя, устроившись в углу между перегородкой и фронтальной стеной вагона. Господин Пирожков как-то быстро и нервно ощупал свои священнические одежды, словно во сне его могли переодеть, и остался доволен тем, что все прежнее было при нем, а судьба подарила ему еще один день, чтобы играть пассивную роль иерея. Господин П. включил свет. Вспоминая обряд венчания, он подумал, что совсем недурно и без репетиций провел его. Жаль, что его коллеги по пензенскому театру не имели возможности видеть этот замечательный спектакль! Однако надо признаться, что триста долларов от Юрия Алтынова и триста, полученные от его агента на пензенском вокзале, грели душу и сердце господина Пирожкова значительно сильнее, чем честолюбивое признание собственных актерских заслуг в замечательном перевоплощении из мирянина в священнослужителя. Всякий раз, когда в душе Алексея Пирожкова возникали эйфория и подъем, за ними следовал

неудержимый приступ kleптомании, которая вошла уже в плоть и кровь, стала частицей его натуры. Тут он забывал все на свете, и всепоглощающая гипнотическая страсть охватывала его. Как Парацельсиус собирал травы и цветы альпийских лугов в плетеную корзинку для приготовления целебных настоев, так и артист пензенского областного театра стал набивать пододеяльник всем, что ему попадалось под руку. Из соседнего, шестого, купе, оставленного недавно молодоженами, он вынес практически все: одежду, нательное белье, обувь, книгу «Москва и москвичи», дорожную сумку ростовчанина, небольшой чемоданчик Бояровой. Из третьего и четвертого купе он перенес в тамбур к выходу коробки с церковной утварью, аккуратно уложенной проводницей Погоней. А из второго, где спал совершенно пьяный англичанин, господин Пирожков умыкнул длиннющий зонт, большие карманные серебряные часы, щетинистую зубную щетку для чистки протезов, лежащих на столике, а также недопитую бутылку водки «Большой» и иностранный

журнал с комиксами. Он крал с жадностью и без разбора, как заглатывает любую еду изголодавшийся человек. Сардонический огонь блеснул в его глазах, а бугорок кадыка ерзал на полной шее, словно хозяин частыми глотками пил какую-то загадочную жидкость. Страсть kleптомана овладела господином П. полностью.

Скорый поезд «Тихий Дон» «Ростов — Москва» приближался к станции «Красный Угол». На своем служебном месте безмятежно посапывала проводница Погоня. Измотанная событиями ушедшего дня и опьяненная ликером, она спала беспробудно, так что даже неоновый казенный свет, падающий на лицо, не нарушал ее сна. Вся власть в двенадцатом вагоне принадлежала Алексею Алексеевичу Пирожкову. В платье иерея он носился по коридору, сгребая частное и государственное имущество в короб, ожидавший его в тамбуре. Без бордовых штормов и ковровой дорожки вагон стал выглядеть уныло, а без подстаканников и столовых приборов — униженно и оскорбленно. Скрежет тормозов

внес в дальнейшие замыслы пензенского артиста некоторые коррективы, спасшие вагон от полного демонтажа. Господин Пирожков стал готовиться к выходу. Покидая место своего триумфального театрального успеха, Алексей Алексеевич снял с вешалки форменный китель проводницы, прихватил специальный ключ работников железнодорожного ведомства, с верхней полки стащил добротный матрас и перьевую подушку и начал выгружаться на перрон станции «Красный Угол». Секвестированное чувство реальности толкнуло его на требовательные выкрики, нарушившие утреннюю тишину станции: «Носильщик! Носильщик! Встречай отца Алексея! Священник переезжает на новое место службы».

А состав уже катил дальше на северо-восток. Первые лучи солнца легко догоняли его, даря теплом и светом.

Утреннее пробуждение молодоженов было прекрасным. На несколько минут все победы господина А., давеча им совершенные, поблек-

ли, забылись, и волны безбрежного моря унесли его к необозримым просторам чувственных наслаждений. Восторженный крик стал предвестником нового дня в двенадцатом вагоне поезда «Тихий Дон». Именно в эту минуту счастливая мысль осенила его: начать писать новый сценарий трехактной пьесы «Ценная бумага». В этот столичный завораживающий спектакль Юрий Алтынов мечтал вовлечь многих персонажей из бывшего руководства Центрального банка, а также финансовых и хозяйственных деятелей Москвы. Конечно, вагон — не самое подходящее место для такого грандиозного проекта. Но господин Алтынов никогда не изменял своей перманентной страсти игрока и блестящего фантазера. Интрига всегда была у него идеей-фикс. «Необходимо прописать роли таким образом, чтобы извлечь максимальную пользу из самодурства и бездарности господина Алегащенко, из большого честолюбия и беспросветной глупости Дубанона, из изощренного бюрократизма и финансового фарисейства госпожи Блуткис, — думал он. — Можно провести потрясающую

игру мирового класса, заработать кучу денег и получить великое удовольствие от пьесы, в которую будет вовлечена бестолковая тусовка реформаторов». Скорость, с которой так неожиданно и необыкновенно стали тесниться в его сознании образы и хитросплетения новой пьесы «Ценная бумага», могла посоперничать со стрелками секундомера фирмы «Омега». Молодой человек совершенно забыл свою возлюбленную, прикусил влажную простыню и начал писать необыкновенно дерзкий сценарий. Юная грудь Бояровой, прижавшейся к его плечу, совершенно не мешала ему обдумывать новый грандиозный проект.

В купе постучали. «Да!» — отозвался ростовчанин. «Юрий! Это я, Погоня!» — «Заходи». Проводница была бледна. Она подняла руки, чтобы опереться на поручни. Ее лицо напоминало каменное лицо кариатиды, поддерживающей опоры здания. «Что случилось, дорогая Любаша?» — «Похоже, что нас ограбили...» — «Кого это нас?» — «Ах, весь двенадцатый вагон... В вашем шестом купе пусто. У меня

умыкнули китель, матрац и подушку... ах, сняли с окон все занавеси, опустошили буфет, забрали мыло, туалетную бумагу, пакет хлорки. Отец Алексей исчез со всем своим церковным инвентарем. Англичанин в бешенстве — его тоже обокрали. Из седьмого купе унесли туфли, из второго — чемодан старенькой дамы. Ах, что делать, Юрка?!. Сутыгин из пятого вагона вызвал своих людей. Они ждут тебя для расправы в Нижнем Новгороде». — «Так, значит, мы совершенно голы? Эх, Погоня, проспала ты своих друзей!» Молодой человек вдруг расхохотался. Но этот смех не был знаком отчаяния; он больше походил на полет в бездну удовольствия и радости. «Нам нужны фиговые листья! — тут его глаза налились какой-то неистовой силой. — Сходи, дорогая Любаша, в ресторан, там красуется фиговый куст. Принеси нам несколько листьев... Дьявол дарит мне невероятные сюжеты приключений, а Бог помогает выходить сухим из воды. Это великое знамение — начать новую жизнь голым! Теперь я совершенно уверен, что покорю мир, я убежден в своем великом

предназначении. Зайди в восьмой вагон, в девятое купе. Пароль: “Желаете приобрести дом в деревне?” Скажи Врубельской, чтобы неслась ко мне. Да никому не сообщай о краже. Придет Яна — я возмещу убытки».

Проводница ушла.

Растерянная Боярова ничего не понимала. Она готова была поверить, что все происходящее — очередная затея партнера ее брачной ночи, а не злой умысел неизвестных. Господин Алтынов смотрел на нее глазами творца, лихо-радочно продолжая набрасывать сюжет пьесы «Ценная бумага». Яркие образы будоражили его сознание. «Мы не совсем голы! — наконец сказал он. — У нас есть две простыни, наволочки, обручальные кольца. Все это может быть прекрасным началом для покорения столицы». Дверь купе распахнулась, и раздался звонкий, смеющийся голос Яны Врубельской: «Привет, голый король! Это ваше безрассудное чудачество, пролог новой пьесы или налет людей уральца Сутыгина?» — «Я назвал бы случившееся шуткой дьявола. Тут явно работал

непрофессионал. Более того, красть коврики, туалетную бумагу и банку с хлоркой может лишь не вполне здоровый человек. Уверен, он и не подозревает, что в матрасе лежит более ста тысяч долларов. Впрочем, Бог с ним! Я уже начал писать трехактную пьесу “Ценная бумага”. Спектакль должен потрясти столицу великолепной интригой и грандиозной суммой выигрыша». — «Bravo, dottore!» — воскликнула Врубельская. «Садись и слушай. Действие первое начинается в Арзамасе. Из проходящего поезда на перрон выходят два кришнаита. Он — Бенито Котти, сын итальянского миллиардера господина Котти; она — исландка по происхождению, Генриетта Гунарсон. Они уже несколько лет являются видными деятелями кришнаитов и ведут различные проекты точечного финансового консалтинга, участвуют в развитии фондового рынка России. Сопровождает видных особ из кришнаитского центра в Риме представитель Международного валютного фонда при Комитете валютного контроля и эксперт фондового рынка Яна Врубельская. У нее прекрасное

образование, говорит на нескольких языках, мечтает реформировать национальную экономику, ожидает приглашения самого Грефа! Цель приезда в Арзамас — создать волжский центр для ознакомления с учением Кришны. Впрочем, господина Бенито Котти интересуют и региональные проекты по развитию фондового рынка. А в небольших городах, как правило, отсутствует необходимая инфраструктура для работы с ценными бумагами, и фонд Кришны готов взять за себя расходы по обучению молодых арзамасцев в различных центрах Европы. Конечно, у такого мощного человека, как Бенито Котти, имеются и общенациональные проекты. Но вот вопрос: как связать их с провинциальным городком России? Это — одна из тем переговоров с мэром города. Основная задача первого действия пьесы — заинтересовать местные власти, чтобы они рекомендовали нас столичным реформаторам. Особый интерес представляет господин Алегашенко, директор Центра развития. Не смотрите на меня так, дорогие дамы, я вовсе не виновен в курьезности

такого неопределенного названия. С помощью этого финансиста мы сможем открыть кладовые не одного банка. Кто из вас осмелится утверждать, что глупостью нельзя пользоваться?! Итак, начинаем игру. Простыни и наволочки — единственный материал для создания нашего нового образа. Тут я даю полную свободу Юлии. Твори, дорогая! Чем больше мы будем напоминать последователей Кришны, тем быстрее сорвем бурные аплодисменты зрителей нового спектакля. Теперь нам необходимо...» Захваченный могучей энергией страсти к игре, молодой человек устремился в полет на крыльях своих нескончаемых фантазий. С сосредоточенностью вдохновенного писателя господин Алтынов уже лихорадочно воображал второе действие пьесы «Ценная бумага». И музыка струн победы наполняла его мятежную душу бесконечным величием творца страсти человеческой.

Скорый поезд номер девять «Тихий Дон» «Ростов — Москва» остановился у первой платформы Арзамасского вокзала. Из двенад-

цатого вагона на перрон сошли два паломника, облаченные в белые ткани. Их свежесвыбритые головы в лучах июньского солнца блестели, как летающие тарелки. Следом за ними на платформу спустилась строго одетая молоденькая красotka европейского типа. Все трое представляли зрелище экзотическое и в высшей степени завлекательное. И тут же раздался требовательный голос молоденькой дамы: «Где транспорт, встречающий нас? Господа, найдите мне начальника вокзала! В мэрии назначены переговоры, мы можем опоздать. В Арзамас приехал сам господин Бенито Котти!»

**Для обогащения души и разума
читайте книги
Александра Потёмкина**

«**Изгой**», роман

«**Игрок**», повесть

«**Бес**», повесть

«**Стол**», повесть

«**Отрешенный**», сборник рассказов

«**Мания**», роман

«**Человек отменяется**», роман

«**Кабала**», роман

«**Русский пациент**», роман

«**Соло Моно.**

Путешествие сознания пораженца», роман

Эти книги Александра Потёмкина
вы можете найти в книжных магазинах,
заказать в ИД «ПоРог» по тел. 8 (495) 611-03-39
или на сайте www.idporog.ru

Александр Потёмкин

Игрок

Редактор

Константин Атаров

Художник

Татьяна Николаюк

Художественный редактор

Анастасия Потёмкина

Корректор

Наталья Егорова

Издательский Дом «ПоРог»

Генеральный директор

Мария Скрыгина

Подписано к печати 15.04.2017.

Формат 70х90 1/32. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,44.

Тираж 7000 экз. Суммарный тираж 22 000 экз.

Заказ № 8684/17.

16+

9 785902 377542 >

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс №3А, www.pareto-print.ru